

Святослав ПЕЛИШЕНКО

Сергей ОСТАШКО.

ХОЖДЕНИЕ ЗА ДВА-ТРИ МОРЯ

Повесть о путешествии.

Москва, "Молодая Гвардия" 1991г.

Содержание:

Часть первая: МОРЯМИ.

Глава 1: ПЯТЬ ГРЕКОВ В ОЧАКОВ ВЕЗУТ РУБЕРОИД.

Глава 2. У ТЕТИ ПАТИ.

Глава 3. ЗАПУЩЕННАЯ КОСА.

Глава 4. ПРИНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ.

Глава без номера, к дневнику почти не относящаяся. ПРОНИЦКИЙ ВЛАДИМИР
ФИЛИППОВИЧ.

Глава 5. ВОКРУГ МЫСА ГОРН И ДАЛЕЕ. ОТРЫВКИ ПУТЕВЫХ ЗАПИСЕЙ.

Глава 6. МАТЕРИАЛЫ ЯЛТИНСКОЙ ВСТРЕЧИ.

Глава 7. ССОРА.

Глава 8. В КОНЦЕ ПЕРВОГО АКТА.

Глава 9. ЛЮБОЕ МОРЕ НУЖНО ЗВАТЬ НА "ВЫ".

Глава 10. БЕРДЯНСКАЯ ЭЛЕГИЯ.

Глава 11. БЕРДЯНСКАЯ ЭЛЕГИЯ (продолжение).

Глава без номера, к дневнику почти не относящаяся. ЗАКАТ КУРНОСОГО.

Глава 12. БЕРДЯНСКАЯ ЭЛЕГИЯ (финал).

Глава 13. ВРАЧ-НАВИГАТОР С ВОДОЛАЗНЫМ ПРИЗВАНИЕМ.

Глава 14. СИЕСТА В ТАГАНРОГЕ.

Часть вторая. НА ПОЛПУТИ.

Часть третья. РЕКАМИ.

Глава 1. ТЕМА С ВАРИАЦИЯМИ.

Глава 2, самая короткая. У ТРЕТЬЕГО МОРЯ.

Глава 3. НАЧАЛО ГОНКИ. ДАНИЛЫЧ.

Глава 4. ВТОРОЙ ДЕНЬ ГОНКИ. ПРОСТОКВАША.

Глава 5. ПО ДЛИННЫМ СТУПЕНЯМ.

Глава 6. ВНИЗ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ ВНИЗ.

Глава 7. "ВЫ ПОБЕДИЛИ".

ОТ АВТОРОВ.

Лоция Черного моря (и любого другого тоже) начинается с Важных Предупреждений Мореплавателям. Хороший пример авторского гуманизма: открывая книгу, читатель имеет право сразу узнать, что ему грозит.

Так вот, эта книга - об одном не особенно дальнем походе. Не ждите острых ситуаций, захватывающих приключений: их тут нет. Сюжет, строго говоря, вообще отсутствует. Действующих лиц немного (причем ни одной женщины). Скандальных разоблачений не производится.

Повесть написана от первого лица одного из двух авторов. Нам показалось, что так легче сохранить для читателя интонацию разговора "с глазу на глаз".

Все это было на самом деле, читатель, было уже довольно давно. С тех пор многое могло попросту устареть.

Пограничный режим, например, в последнее время стал помягче, рыбалка возле Бердянской косы уже, говорят, не та, а город Жданов переименовали опять в Мариуполь.

Да что там - само море стало иным. *Море было большое*, помните? Очень эта фраза из сочинения какого-то мальчишки нравилась Антону Павловичу Чехову, нравилась именно своей простотой. Ну большим-то море осталось; однако еще несколько лет назад *море было живое*. Сейчас о Черном море так уже не скажешь. Не изменились со времени нашего путешествия, пожалуй, только паруса, ветер и люди, которых почему-то тянет бродяжничать.

*По рыбам, по звездам проносит шаланду:
три грека в Одессу везут контрабанду.*

Эдуард Багрицкий

Из судовой роли

Наименование, тип судна: парусно-моторная яхта "Юрий Гагарин".

Порт приписки: Ильичевск.

Экипаж пять человек:

1. Кириченко А.Д. - капитан.
2. Пелишенко С.Б. - боцман.
3. Осташко С.А. - судовой врач
4. Кириченко Д.А. - матрос.
5. Нестеренко А.М. - матрос.

"Юрий Гагарин" снабжен плавсредствами полностью.

Все члены экипажа умеют плавать.

Число

Подписи

Печать

Часть первая. МОРЯМИ.

Глава 1. Пять греков в Очаков везут рубероид

I

Просыпаться ниже ватерлинии было все еще непривычно. Утро просочилось в каюту вместе с дождем. На койку падали холодные тяжелые капли. И это июль, Черное море! Я лежал в мокром спальнике с утренней мыслью недоспавшего: как я, собственно, здесь очутился?.. Зачем?..

"Недоспавший" - еще мягко сказано. Легли в час; в три состоялся аврал. Разбудил меня звон цепей, Ветер переменялся, нас тянуло на отмели острова Джарылгач. Я лежал в мокром спальнике и вспоминал, каково было в кромешной тьме, абсолютно голым, распутывать цепь запасного якоря. Когда в живот вонзается якорная лапа, возникает ряд интереснейших ассоциаций. Например, чувствуешь себя песчаным дном.

- ...Баклаша! - позвал Сергей. - Спишь?

Я повернулся на бок. Знакомая теснота кубрика: койки носового отсека разделяет узкий проход, основание мачты и трап, ведущий к люку. На койке у левого борта распласталось длинное тело. Отрешенный взгляд устремлен вверх.

- Доброе утро, Сережик.

- Доброе. Ты как, не заболел еще?.. Интересно все-таки: ну почему я врач?! Славчик!

Я не ответил. Назначение Сергея Осташко на должность, определенную Судовой Ролью, загадки как раз не представляет. Если человек никогда не ходил на яхте, не умеет завести мотор и поставить парус, назначать его матросом опасно. Роль врача сводила тот вред, который Сергей мог нанести здоровью окружающих, к минимуму. Я не сомневался, что числюсь боцманом примерно из тех же соображений. Непонятно другое. Причины, побудившие двух физиков-теоретиков изменить профессии, бросить дела и однажды утром проснуться в Джарылгачском заливе, - причины эти должны быть по меньшей мере уважительны. Интересно все-таки: в чем они состоят?.. Молчишь, Славчик?

Над головой протопали. Раздался - опять - звон якорной цепи, крики: "Набей фал! Подбери шкот!" - и вот, как всегда внезапно, внезапно и плавно, кубрик накренился. Койка подо мной начала мерно раскачиваться. Вдоль бортов зашипела, вкрадчиво зачмокала вода. Это был странный звук: будто рядом с яхтой кто-то бежал на лыжах по раскисшему снегу.

Вообще-то задавать вопросы поздно. Четвертый день похода; мы оба все же достаточно знали море, чтобы заранее предвидеть, на что идем. Мокрый спальник и хронический недосып составляют часть целого. Я поискал в себе запоздалое раскаяние - и не нашел.

- Вроде снимаемся, - взгляд Сергея по-прежнему не отрывался от полосы рассвета, проникающего в щели люка. - Все-таки согласись, Баклаша: повезло Нам! По-моему, все-таки повезло.

II

Везти начало месяц назад, в тот момент, когда совершенно незнакомый человек спросил, не желают ли "господа" "сходить в Астрахань".

Дело было на причале рыбаков-любителей, известном под кличкой Шанхай. В Сухом лимане, недалеко от стоянки паромов Одесса-Варна, краны и доки крупнейшего в стране Ильичевского порта зажимают личный сектор. К фарватеру стратегического значения лезут корявые мостки.

Берег облеплен жилыми сарайчиками - "куренями". На воде покачиваются лодки всех мастей и калибров. Ступая по их бортам, можно пройти "Шанхай" из конца в конец. Утром лодки уходят, а к вечеру по причалу запевают примусы, шкворчит на сковородках ставрида и пахнет лучшей на свете ухой - бычковой...

- Идемте в Астрахань, господа! - повторил незнакомец. Мы невольно опустили руки. Господа, кусаемые водяными блохами, стояли по колено в холодном лимане. Над нами нависало днище лодки. При окраске днища рук опускать не рекомендуется. Сверху выросли коричневые сосульки. Капель железного сурика стыла на глазах.

- Сейчас докрасим - и пойдем, - наконец нашелся Сергей.

- Ну давайте. Я жду, вот оно.

Мы проводили глазами прямую спину визитера. Из-под воротника выбивалась курчавая седина, взбегала на загорелое темя. Голова была гордо откинута - чуть в сторону и назад. Этим и завершилась наша первая встреча с Анатолием Даниловичем Кириченко, по профессии портным, удостоверение яхтенного капитана № 1656.

Странное предложение обрело плоть, когда мы впервые попали на борт "Юрия Гагарина". Двухмачтовик с вооружением шхуны и выстреленным вперед бушпритом, "Гагарин" не был похож на современную кокетливую яхту. Больше всего он напоминал старый парусник, парусник Стивенсона и Жюля Верна, восстановленный для новых приключений.

После осмотра мы сидим в каюте. На штурманском столике разложена карта. Указующий перст капитана обошел Крым, взлохматил пресноватое Азовское море, пересек Калмыцкую степь и сплавился вниз по Волге.

- А потом и на Каспий сходим, и на Балтику. Вот оно!

Мы с Сергеем неловко примостились на краю койки. Золотистый свет течет из иллюминатора, играет на медной окантовке старого барометра. Лицо капитана важно и благостно. Здесь - его мир, корабль, который он создал собственными руками. Тем самым было продемонстрировано, что может сделать из парусины, списанного бота и тракторного дизеля хороший одесский портной...

Я не мог отделаться от мысли: тут какое-то противоречие. Сквозь седой мох на груди капитана видна татуировка - якоря и паруса. Коренастый, сильный; говорит неторопливо, веско, конец фразы припечатывает странным сочетанием "вот оно":

- Вы люди образованные, а я портняжка, вот оно. Темный человек. Три класса образования, вот оно.

Рекомендуясь таким образом, он снова, как при первой встрече, гордо откинул голову, а на лице возникло челленджеровское выражение: подите, мол, вы все к черту!

Какой там "портняжка"... Типичный морской волк.

III

Разговор в каюте "Гагарина" содержал, между прочим, и такую фразу:
- Если хотите, можете мне немного помочь. Вот оно. Тут мы с Сергеем были единомышленны.

- Помочь надо, - сказал я по дороге домой, - только ты, Сергей, на яхту пока не ходи. Чем позже капитан узнает, какой ты работник, тем больше шансов поехать.

- Логично, - сразу согласился Сергей. Он взял на себя административную часть - и промахнулся.

Помощь по яхте оказалась необременительной. Я ничего не умел, а капитан придерживался "естественного" метода обучения, развитого еще Яном Амосом Коменским. Например, показывал, как перебирают якорную цепь; я наблюдал.
- Вот оно, - говорил педагог, укладывая последнее звено, - теперь понял? - Я кивал, и мы переходили к теме "циклевка палубы".

За работой капитан менялся. Исчезала медлительность речи, благосклонная важность. Он беззлобно и необидно поругивался. От гордой личности командира отщеплялась новая ипостась, которую я привык называть запросто - Данилыч.

После рабочего дня мы отмывались в лимане. На остановке автобуса Данилыч, переодетый во все чистое, гордо откидывал голову. И я почтительно говорил:

- До свидания, Анатолий Данилович...

Сергей тем временем готовил документы. Это был процесс куда более трудоемкий.

Черное море - пограничное море. Для выхода на однодневную рыбалку - всего лишь! - необходимо:

- оформить "пропуск в море" на каждого члена экипажа;

- заполнить "отходную книжку" (указываются адреса и номера паспортов "отходящих");

- при отходе - "взять отход" (в другой книжке, которую берешь с собой, проставляется печать);

- возвратясь - "отметить приход" (снова печать);

- состоять членом обществ ДОСААФ и охраны природы;

- пассажиров не брать, двухмильной зоны не нарушать, к берегу не подходить.

Захватите с собой еще несколько бумажек - талон о техосмотре лодки, права на вождение малотоннажных судов - и ступайте ловите рыбу. Но учтите: для похода на яхте, который продлится не один день, документов требуется больше. Гораздо больше.

Сергей прогадал. Сидя на работе, будущий судовой врач неумело бил по клавишам печатной машинки. У него еще студентом выработалась дурная привычка: в минуты

душевного волнения втягивать воздух сквозь стиснутые зубы, производя вопросительное шипение - чшшшш? - похожее на звук закипающего чайника. Теперь казалось, что к служебной машинке "Ятрань" подсоединен самовар. Кипение прекращалось только при появлении начальства; при появлении начальства маршрутные листы с именами далеких портов стыдливо прикрывал "Справочник по специальным функциям".

Мы с Сергеем оба работаем на физическом факультете Одесского университета. Сюда, в храм науки, доходят лишь отголоски борьбы за трудовую дисциплину. Взыскания ограничиваются тем, что у заведующего кафедрой грустнеют глаза. И все же будущий поход мы старались не афишировать.

На работе сгущалась атмосфера тайны. Я никому ничего не говорил; но все чаще меня отводили в сторону и требовали:

- Расскажи. Мне можно.
- О чем?
- Сам знаешь. Не маленький.

Завкафедрой, наоборот, ни о чем не спрашивал, даже о судьбе брошенной статьи "К теории правила Урбаха". Видимо, он ничего не знал; и только его темные восточные глаза грустнели.

Я сам не вполне понимаю: зачем мы с Сергеем пытались хранить секрет? Не все ли равно, по какой причине сотрудник бездействует?.. Скорее всего в нас говорила суеверная боязнь спугнуть удачу. Предстоящее путешествие - удача, это подтверждали и вопросы сослуживцев. Была в их вопросах какая-то тревожная зависть. Завидовали даже не нам, не походу на яхте как таковому, а скорее самому факту случайности везения.

Мне кажется, что наше поколение не привыкло к подаркам судьбы. По-моему, нам все дается с запозданием, даже лучшим из нас. Опять недовольны, скажет другое, старшее поколение; да нет, мы довольны... Я не о довольстве говорю - о радости. Мы слишком долго не командуем полком. Чуть дольше, чем нужно, ходим в молодых специалистах. Чуть позже, чем хотелось бы, выходят в свет наши книги. Так - по ощущениям. Может быть, все строго по заслугам, по справедливости и вовремя; но вовремя - это чуть поздно для радости. И ревнует в каждом из нас неистребимый мальчишка не к заслуженному чужому успеху, вовсе нет. Хочется найти в старом башмаке под елкой хлопушку - просто так, ни за что. А может быть, это свойство не только моего поколения?

Как-то уже в конце июня заведующий кафедрой вызвал меня в кабинет, долго молчал. В его глазах стыла уже не грусть - мировая скорбь. Я почувствовал, что краснею. Профессор отвел взгляд и спросил:

- Расскажите... ну, вы знаете о чем. Мне - можно.

Единственным, кто не считал, что нам - и заодно им - повезло, были родственники.
- От таких предложений не отказываются! - убеждал я дома.

- Подобная возможность представляется раз в жизни! - патетически вторил Сергей, втягивая в себя воздух. Ему приходилось трудно: нужно было уговорить жену, отца, мать, сына Сашу.

Тещу...

Родственники сопротивлялись как могли. Суть семейных тревог выразил пятилетний

Сашка, сказав просто и серьезно:

- Утонете, папа.

Взрослые менее откровенны. Когда иссякали доводы о необходимости лечить зуб и белить кухню, они в отчаянии спрашивали:

- Ну почему он не пригласил именно вас?!

Это был единственный вопрос, на который не могли ответить ни Сергей, ни я. Хорошо зная друг друга, в глубине души мы оба были уверены: в данном случае большую глупость делает не тот, кто опрометчиво согласился, а тот, кто опрометчиво предложил...

Сегодня я думаю по-другому. В нелепом способе подбора экипажа, который применил Данилыч, мне видится высшая мудрость. Вы зовете "сходить в Астрахань" всех подряд; наконец кто-то соглашается. Тем самым выявлена натура с запасом авантюризма, достаточным для участия в подобном мероприятии.

IV

Лето вошло в полную силу. Акация зацвела и отцвела. Студенты схлынули; в пустых коридорах университета пахло почему-то цирком: опилками. Город раскалился, асфальт расплавился, ежегодный миллион отдыхающих прибыл и разместился. Сергей оформил - на этот незначительный факт следует обратить особое внимание! - и свой, и мой отпуск с шестого, как он сказал, июля.

Любое долгожданное событие обладает следующей особенностью: чем ближе подступает, тем нереальней кажется. Вечер перед отходом. Рюкзак собран; даже батарейку для фонарика в конечном счете добыть все-таки удалось. Паспорт, бумажник... как будто все. За вечерним чаем, убедившись в необратимости происходящего, домашние нехорошо молчат. Они-то поверили; зато я разуверился. Именно сейчас, когда суматоха сборов позади. К завтрашнему отплытию я равнодушен по той причине, что этого не может быть. И немного грустно немного жаль, что закончен период подготовки, суетливый праздник предвкушения...

Утро. Сбегать из дому нужно именно утром. Знакомые вещи спят, и часы, бьющие в столовой пять ударов, бьют их сонно. Еще раз: паспорт, бумажник... как будто все. Накинув лямку рюкзака, я напоследок оглядел свою комнату.

Я ошибся: вещи не спали. Прямо на меня, в упор, укоризненно смотрел письменный стол. На столе стопкой, с вымученной добропорядочностью, были сложены книги и папки. Одна из книг лежала чуть в стороне, красноречиво распахнутая на

середине научного предисловия. В одной из папок прятались выкладки, так и не доведенные до числа, и некая рукопись, застрявшая на странице четыре. Строго говоря, стол мой был прав. Одумайся, говорил стол, еще не поздно! У каждого своя жизнь; твоя, настоящая, - здесь. Ведь ты и сам не знаешь, зачем тебе понадобилось это дурацкое путешествие...

Тут в коридоре зазвонил телефон: Сергей сообщал, что готов. Вероятно, со стороны это выглядело бы странно: в пустой комнате, с рюкзаком за плечами, приличный молодой человек вдруг показал письменному столу язык. Резко повернулся, вышел. Щелкнул дверной замок. В подъезде, как всегда, пахло жареной рыбой. Дворничиха тетя Ира не спеша умывала двор. Автобус номер пятьдесят подвалил к остановке. Час спустя мы с Сергеем сошли в Бурлачьей балке. Под обрывом блестел лиман, покачивались лодки, поджидало непонятнее будущее.

Нам все еще везло.

V

Толком познакомиться с командой в день отхода так и не удалось. Эта сцена запомнится мне надолго. С причала на палубу "Гагарина" перекинуты сходни; по ним, тяжело дыша, движется вереница людей. На мостках толпятся провожающие и сочувствующие. В стороне, на берегу, потявкивает свора "шанхайских" собак. Они волнуются больше всех.

- Пока наш поход напоминает помощь голодающим Поволжья, организованную одесским яхт-клубом, - смахивая пот, говорит Сергей. Продуктов много, загружать их тяжело, но это работа осмысленная. Роль тушенки и джема в ходе будущего путешествия представляешь себе довольно наглядно. Противней перетаскивать канистры горючего, ящики инструментов, тюки парусины. Наконец, совсем непонятно предназначение мешка цемента и шести рулонов рубероида. В качестве заключительного аккорда мы переносим на борт восемь палок колбасы сервелат и... могильный памятник в виде треугольной плиты из нержавеющей стали. Соседи переглядываются. Собаки начинают подвывать. Спокойствие сохраняет только "Юрий Гагарин". Сверкая белой каютой, он стоит чистенький, подобранный, готовый к походу. Корпус немного наклонен, как при боковом ветре...

- Да он на дно сел! - вдруг восклицает Данилыч. - Видите, накренился? - И вот уже назад, на берег, перекочевывают канистры, цемент, рубероид... После этого судно вновь обретает плавучесть, а события разворачиваются стремительно.

Капитан взошел на борт и замер в неудобной позе. Он хотел казаться как можно легче.

- Теперь матросы... Даня... Саша... - Яхта все еще плавала.

- Отдать концы! - неожиданно скомандовал Данилыч, "Гагарин" отошел, а мы с Сергеем остались на берегу, возле груды балласта.

- Несите все это к плавмастерским! - донеслось с середины лимана. - На глубокой воде загрузимся.

До плавучих мастерских было метров триста. Дорога есть дорога, даже трехсотметровая. В дороге всегда происходит что-нибудь веселое. Отскочит колесо у тачки, и на ноги сыплется цемент; вылетит пробка из банки с керосином, и ноги опять чистые...

Наши действия заинтриговали Шанхай. На порогах куреней стоят люди. В основном это ветераны флота, люди непростой судьбы и непростого юмора. Стараемся не прислушиваться.

- Отдохнем... - Сергей втягивает воздух - чшшш? - как закипающий чайник. - Я судовой врач, а не грузчик.

Мы останавливаемся, смотрим на гладь лимана. На "Гагарине", кстати, тоже не скучают. Яхта снова сидит на мели. Аврал идет своим чередом и на суше, и на море. Плавмастерские. Крепкий забор. Охранник категорически отказывается открыть ворота. В то же время он не препятствует, когда мы начинаем перетаскивать через трехметровый частокол ценные горючие и смазочные материалы. К такому способу передачи грузов на расстояние он давно привык.

"Гагарин" покачивается на глубокой воде фарватера, он, наконец, "отмелился". Теперь нужно пересечь борта двух сейнеров и прогулочного катера. К груди липнет рубероид. Пот пахнет керосином. Последние усилия... Рубероид - на палубе.

- Заводи мотор! Отдать концы! - К выполнению последней команды мы уже готовы. Яхта не движется: на мели винт намотал водоросли. Капитан смотрит на Сергея. Бортовой врач успел проговориться, что когда-то он занимался подводным плаванием. Теперь, проклиная свою болтливость, Сергей лезет в холодную воду.

- Дайте нож! Маску! - доносится из-под кормы. Шанхай в восторге: операция проходит успешно. На недостаток внимания мы пожаловаться не можем:

- Иди посмотри на этих козлов, Витя... Витя!

- С-с-пирту... - дрожа, хирург-подводник влезает на борт, делает неверный шаг и спотыкается о черный рулон рубероида.

- Пять г-греков в Оч-чаков везут р-рубериод, - изрекает он.

Это явное вранье. Стуча мотором, яхта идет к выходу из лимана и уносит на себе, согласно Судовой Роли, двух Кириченко, Нестеренко, Пелишенко и Осташко. Национальный состав команды строго выдержан.

Но никто не возражает: греков так греков. Главное в том, что "греки" наконец выходят в море.

VI

Мы вышли в море, и суэта отъезда сразу отодвинулась, забылась. В море был небольшой ветер, короткая волна закипала пеной. Несмотря на грохот мотора, возникло ощущение тишины.

Я плохо помню этот первый переход от Ильичевска до Очакова. "Скатали" (облили) палубу; ее дерево под босой ногой влажное и теплое, словно кожа морского

зверя. Сидим под стакселем; он отбрасывает странную, двойную тень - задерживает и солнечные лучи, и ветер... Из новых впечатлений - это все. В начале пути срабатывает какой-то предохранительный клапан: воспринимаешь не то, что ново, а скорее вещи обыденные, но деформированные, сдвинувшиеся с привычных мест.

Ильичевск, а потом и знакомая панорама Одессы скрылись за кормой. Последними исчезли трубы Пересыпи, на которые удобно править, возвращаясь с рыбалки. Сергей возится в каюте - стелит койку, устраивается. Сквозь квадратную дыру люка мне видна его сухая, аскетическая спина. Лег. Теперь виден живот, небольшая доброкачественная припухлость, довольно неожиданная на этом долгом костистом теле... Покряхтывает - что-то не так. Встает, перекладывает парус, заменяющий матрац, ложится и теперь от удовольствия даже постанывает. Все эти действия вполне в духе Сергея и как раз поэтому интересны. Каким он будет, мой старый друг, в новых условиях путешествия? И каким буду я сам?

"Гагарин" еще не вышел из вод Одесского залива. Тут все знакомо: ветры - широкий, "с угла", "молдаван", течения, в том числе "донка", при которой может прийти замор; породы оседлой и проходной "белой" рыбы; признаки погоды, сезонный окрас воды... Когда-то мне казалось, что я неплохо знаю Черное море.

Но сегодня я смотрю на зеленоватую воду, на рыжие глинистые обрывы другими глазами. Что же я знал? Небольшой участок от Санжейки до мыса "Е", фрагмент, который самонадеянно назвал Черным морем. Скоро он останется позади; а что дальше? Есть ли у Крыма аналог "молдавана", дующего непременно сутки, трое или семь? Каковы бычки возле Керчи? Ловят ли на "самодур" в Каркинитском заливе?..

Я чувствовал себя в положении сванского долгожителя. Всю жизнь он ничего, кроме гор, не видел и думал, что уж горы-то знает. И вот старика вытаскивают из его ущелья и везут в Москву, чтобы разобраться, почему он, собственно, дожил до ста сорока лет.

- Что это?! - с изумлением восклицает старец, глядя вниз из окна самолета.

- Как что? Это же, дедушка, ваш родной Кавказский хребет!

Глава 2 У тёти Пати

I

- Готовьте "Яшку", - меня разбудил голос капитана, и я сразу вскочил с радостной мыслью: **путешествие началось.**

"Гагарин" стоял на якоре. Днепро-Бугский лиман, просторный, на мелководье заросший, напоминал одновременно и реку, и море. На берегу Очаков не менее успешно стирал грань между городом и деревней. Над склоном поднимались каменные дома, а вниз, к воде, сбегали откровенно сельские хаты. Под утренним солнцем зеленый городок выглядел приветливо.

Даня и Саша опускали за борт "Яшку". Только сегодня я как следует рассмотрел всех троих. Даня, сын капитана, которого сам Данилыч называет "мастером по парусам",

ростом был в отца - небольшой. Волосы и зачатки отпускаемой бороды черные, а лицо узкое, подвижное, хитрющее... Саша казался старше, был чисто брит и коротко стрижен; такие юноши, подтянутые, с твердыми глазами, нравятся застенчивым девушкам и авторам плакатов "Спорт - это жизнь". "Яшка", складной железный ботик, больше всего напоминал корыто.

- За что его так прозвали?

- "Яшку"? - переспросил Даня. - Ты меня спроси: я знаю? Я не знаю. За характер. Сильно вертится.

- Доставайте рубероид, - скомандовал капитан. - Завезем его тете Пате, вот оно.

Таким образом разъяснилась одна из вчерашних загадок. Рубероид предназначался тете Пате.

До берега было недалеко. В целом перевозка напоминала известную задачу о волке, козе и капусте. "Яшка" вмещал только двоих или одного члена экипажа и два липких рулона, но и под этим грузом, оправдывая свою кличку, "сильно вертелся". Саша отвез меня, я - Даню, Даня - рубероид и судового врача. Последними прибыли Сергей с Данилычем, и капитан попросил, что-бы впредь за ним присылали кого-нибудь с ногами покорооче.

Мы уже знали: вчерашний маневр, когда яхта прошла мимо причалов рыбозавода и в полной темноте отдала якорь, имеет специальное название - "стать на траверзе тети Пати". Под обрывом, у самой воды, приютился домик. Несколько фруктовых деревьев, огород - словом, небольшое деревенское хозяйство. У крыльца был установлен рукомойник, похожий на самовар братьев Черепановых - такой же медный и пятиведерный.

Мы занесли рубероид во двор. Данилыч скрылся в доме.

- Моя сестра, - торжественно представил он, появившись на крыльце с невысокой пожилой женщиной. - Клеопатра Даниловна.

- Здравствуйте, - приветливо сказала тетя Пятя. - Идемте чай пить.

Тетя Пятя жила одна. Она была, по-видимому, лет на десять старше брата, и за чаем с какими-то необыкновенно вкусными булками меня поразила та ласковая почтительность, с которой обращался к ней Данилыч. Он ей - "вы", она ему - "ты".

- Самой разве можно, Пятя? Я имею в виду, при вашем здоровье. К нам не нравится - к Николаю переехать можете, вот оно...

- Оставь, Толя. Свой дом... и так пораскидало всех. Ты вот пришел проведал - и спасибо. Кушайте, молодые люди...

Молодые люди, впрочем, только это и делали. Разговор о переезде велся явно не впервые и понапрасну; племянник Даня - тот вообще скромно помалкивал. - Да, вот что, - неожиданно вспомнила тетя Пятя, - берегитесь смотрите... Выходной створ из лимана поменяли, мель там из-за дамбы новая. Карту и лоцию принесешь, Толя, - я покажу...

Мы с Сергеем переглянулись.

- А как же! - гордо сказал, заметив это, Данилыч. - Из потомственных очаковских лоцманов Кириченко, вот оно. Пятя у нас за старшую.

- Вы его не очень слушайте, молодые люди. Какой я лоцман. Вот Толя смолоду и вправду - на сейнере рыбачил...

Мы с Сергеем снова переглянулись. Образ капитана начинал проясняться. Вопрос - "как портной попал в мореходы?" - видоизменился, теперь мы спрашивали себя: почему моряк угодил в портные?

II

В город поднялись по тропке, идиллически заросшей лопухами. С обрыва открылся лиман, оконечность Кинбурнской косы - и наш "Гагарин", мелко нарисованный на голубом.

- А ну, щелкни! - попросил Даня. На шее судового врача висели два фотоаппарата, но он только вопросительно - чшш? - втянул в себя воздух...

Так бывает всегда. Подготовка к путешествию ведется неделями. Составляются списки, в списках проставляются птички. А в пути оказывается, что самое необходимое все-таки забыто. Фотопленка, например.

Осмотр Очакова приходилось начинать с магазинов. Капитан тяжело вздохнул - и отправился на заставу, к пограничникам. Такой порядок действий впоследствии повторялся в каждом городе.

Когда обнаруживаешь очередную статью дефицита, всегда хочется выпить. Пленки в Очакове не было; не сговариваясь, мы свернули в пивбар. Уже у стойки Саша заявил: пива не пью, вредно.

- Совсем не пьешь? - уважительно спросил Сергей. Трезвенник обиделся:

- Совсем - так не бывает. Матери обещал... Мне показалось, при этих словах Саши Даня украдкой ухмыльнулся.

В подвальчике было прохладно, стены украшали сети, узор из раковин мидий. Экипаж не спеша прихлебывал из кружек - и приглядывался друг к другу.

- Вот вы - физики, - вдруг решительно сказал Саша. - Объясните: почему в горах холодно?

- Ну... потому что высоко, - честно говоря, я немного опешил.

- Нет, это мы знаем: лучи солнца нагревают землю, а потом уже от земли - воздух.

А склоны гор лучи тоже ведь нагревают!

Пришлось объяснять подробно. Сергей помогал, Даня сначала заинтересовался, но очень скоро отвлекся, зевнул...

- Ше за дела? - пробормотал он, когда речь дошла до температурного распределения Больцмана. "Ше" вместо "что" Даня произносил с тем смачным

акцентом, который присущ, по мнению москвичей, всем одесситам. Саша был неумолимо последователен.

- Вот теперь ясно, - наконец сказал он. - Так я про это и читал.

- Ты что ж, проверял нас?! - Сергей вскипел. Я невольно засмеялся. Пивной диспут имел свой смысл - как часть путешествия, этап знакомства с попутчиками. Пока что Даня представлялся мне довольно милым разгильдяем, с ним будет легко, а вот Саша... Кстати, когда мы выходили из бара, он объявил:

- Подождите. Мне позвонить нужно... матери, - при этом покраснел, и почему-то снова по хитрому лицу Дани пробежала усмешка.

А потом наконец познакомились и с Очаковым. Музей Суворова располагался в бывшей церкви. Церковь, в свою очередь, была переделана из мечети после Кинбурнской виктории, а теперь над ее куполом виднелся флюгер, на флюгере - звезда. Сам Александр Васильевич, сухонький, на невысоком постаменте, зажимал рукой рану на боку. Другой рукой он указывал в сторону косы, где двести лет назад шел бой. Сорок лет назад с помощью азиатской хитрости, похожей на суворовскую, на косу был заманен и разгромлен десант немецкий. В музее были составлены в пирамиду кремневая "фузея", трехлинейка и карабин. Недалеко от бронзовой пирамиды ядер с орлом на вершине - памятника бригадиру Горичу - стоял на мостике броненосца лейтенант Шмидт. Это был Очаков большого славного прошлого.

И был современный Очаков, зеленый и провинциальный, центр небольшого хлебобобового района, город рыбаков. Под заголовком местной газеты отмечалось, что она "під час жнив виходить щодня". Стенд рыбозавода обещал увеличить выпуск продукции на пару тысяч "условных банок". Поверх заборов на улицы переваливалась тучная зелень, и шлепались на тротуар переспелые вишни.

- Не похоже, честно говоря... - задумчиво сказал Сергей.

- Что "не похоже"?

- Что какие бы то ни было грядущие времена вторично назовут "очаковскими"...

Странна вообще судьба этих городов - Азова, Очакова, Измаила, Аккермана. Когда-то это были ключи к морю, крепости, запиравшие устья больших и великих рек; стратегические узлы, за каждый из которых напряженно боролись две империи. Ни один из них впоследствии не сохранил военного значения, ни один в дни мира почему-то не стал крупным портом. Но кажется - они и не жалеют о былом величии. Всего насмотревшись, все испытав, города, как старые мудрые люди, приобрели и ценят одно: тишину.

III

- ...Баклаша! Иди чисть картошку! Иди... чисть... КАРТОШКУ!!!

Нарушая заслуженную тишину Очакова, крик Сергея плыл над Днепро-Бугским лиманом.

Согласно указаниям Данилыча, после обеда команда собралась на борту яхты. Капитан объявил: пограничники дали "добро" до Железного порта. Переход предстоит большой, нужно подготовиться: набрать свежей воды, сварить на весь завтрашний день борщ...

- Каррр... тошкуу!! - неслоь над лиманом. Сергей взывал ко мне, используя студенческую кличку Баклаша, происхождение которой мы оба успели забыть. Я стоял на берегу у крана. Афоризм управдомов гласит: "Струйка воды толщиной в спичку дает утечку 480 литров в сутки". В этом я убедился воочию, набирая тридцатилитровый бочонок-анкерок в течение полутора часов. За это время крик Сергея надоел даже памятнику Суворова. Судовой врач, несмотря на свой рост, не отличается мощным сложением. По-настоящему могучи у него две вещи: нос и голос. Первый обременяет только самого Сергея; но вот голос, в сочетании с полным отсутствием слуха и умением играть на гитаре, небезразличен и для окружающих. Как хорошо, думал я, что гитару вместе с фотопленкой он тоже забыл! Крик с борта неожиданно усилился: теперь в нем можно было разобрать и "вот оно" Данилыча, и "ше такое?!" Дани. Судя по отголоскам, мастер по парусам хотел получить увольнительную, чтобы сходить на танцы. Капитан возражал. Шла подготовка к завтрашнему выходу, рождались традиции...

Вечерний, прощальный чай пили снова у тети Пати. Потом она вышла на берег нас проводить.

Уже смеркалось. Когда "Яшка" по своей челночной системе доставил последнего из нас на борт "Гагарина", одинокую фигурку Клеопатры Даниловны с трудом можно было разглядеть в тени обрыва. Но по воде вечером видно лучше; тетя Патя наверняка различала силуэт яхты на подернутом рябью лимане, и черную тень строящейся дамбы, и буи фарватера, ведущего к проходу в море. Привычное одиночество?.. Не знаю. Меня мучила, раздражала догадка: кроме лоции и "выходных створов", эта пожилая женщина знает что-то еще, мной накрепко забытое, нечто такое, что я знал в детстве; знал, да забыл... Рядом со мной шумно вздохнул Данилыч.

- Давайте ложитесь. Завтра подниму рано. Завтра большой день, вот оно.

Капитан был прав. Завтра - первый переход "без берега" до Тендры, завтра начнутся глухие, заповедные углы моря, лежащие в стороне от обычных судовых путей. В сущности, завтра по-настоящему и начнется путешествие. Ночью каюта похожа на камертон. В борт над самым ухом звонко стучалась днепробугская рябь. Щелкала по мачте "Гагарина" какая-то снасть. - Интересно, - спросил в темноте Сергей, - почему люди едут отдыхать в Одессу?.. По-моему, в Очакове лучше. Спокойней...

Я не ответил. Вечерний бриз над лиманом уже стихал: снасть щелкала по мачте все реже и размеренней. Этот звук ритмизовал ночь. С фарватера донесся одинокий рев выходящего в море судна. Мы с Сергеем оба несентиментальны; нам по тридцать лет, за свою треть века мы немало поездили. И все же, как в детстве перед рыбалкой, нам обоим не спалось в эту ночь. Путешествие только начиналось, и Дух Приключений, навалившись на каюту, жарко дышал в приоткрытый люк. - Вот что я надумал, Баклаша: мы будем вести дневник, - сказал Сергей уже после полуночи. Я улыбнулся: наши мысли совпали.

- Сам подумай, - продолжал судовой врач, - люди прочтут дневник, так?.. Узнают, что в Очакове спокойней, поедут в Очаков. И тогда спокойней станет в Одессе.

Глава 3 Запущенная коса

11 июля. Ветер N0

Переход Очаков - остров Джарылгач.

Из судового журнала

I

Капитан поднял нас ровно в четыре. Молча, на ощупь, съели по два холодных скользких бутерброда. Было еще темно, когда "Гагарин", сонно стуча мотором, пошел к выходу из Днепро-Бугского лимана. Даня и Саша после подъема якоря легли досыпать. Мы с Сергеем заступили на свою первую вахту.

Все утро я находился под впечатлением следующих двух обстоятельств. Первое: чтобы завести мотор - тракторный дизель Т-40, - нужно щелкнуть красным рычажком и нажать кнопку "пуск". Второе: курс на Тендру 170, но мы будем держать 165, потому что у "Гагарина" есть тенденция уваливать вправо. Подобные факты могут радовать только профанов; к счастью, мы с Сергеем были именно профанами. В это утро я вспомнил о своей давней и короткой карьере альпиниста. Все-таки самый первый сезон в горах был и самым лучшим. Читая о покорении сверхсложных вершин, о восхождении на восьмитысячники, я всегда потом думал: а как бы написал об этом семнадцатилетний городской мальчик? Существует понятие "замыленный глаз". Когда во время войны нужно было подсчитать число огневых точек противника, приглашали разведчиков с соседнего участка фронта. Свои не годились: они многого не замечали, у них был "замыленный глаз". Иногда приглашали даже не профессионалов, а разведчиков-дилетантов. Вот чего не хватает книгам о горах, думал я, - дилетантства. Вчера мы с Сергеем решили вести дневник; и я с гордостью понимал, что чего-чего, а уж дилетантства в нем будет хоть отбавляй...

Облачный рассвет зафиксировал отсутствие берегов. Солнце долго барахталось в дымке, море было выдержано в приглушенных пастельных тонах.

- Чарку тому, кто первым увидит маяк! - объявил капитан, и вахта облепила мачты так густо, как только может облепить две мачты вахта из трех человек.

- Вот оно! - в среднем роде определяя навигационное сооружение, закричал Данилыч. - Северный Тендровский!

- Где? - недоверчиво спросил я. Обещанная чарка ускользала. Прошло полчаса.

- Ну глаза у старика... - наконец уважительно прошептал Сергей. На горизонте медленно проявлялась вертикальная черта. Вышло солнце; на заискрившейся молочно-голубой фотобумаге преступили контуры домов. "Гагарин" повернул, обходя оконечность косы, и я почувствовал, как яхту подхватила и принялась раскачивать широкая зыбь открытого моря.

- Это и есть та самая Тендра? - спросил Сергей. Я кивнул. Маяк и немногие строения отходили назад; мимо борта потянулась невысокая желтая полоса. Послышался равномерный, всепроникающий грохот прибоя.

Это и была Тендра, "та самая". Я уже бывал здесь и хорошо запомнил приволье берега, утонувшего в синеве, пограничное безлюдье и заповедное обилие рыбы в

чистом, широко распахнутом по обе стороны косы море. Тендра - остров загубленных начинаний. Полузанесенные песком остатки рыбозавода; разрушенный дельфинарий; развалины усадьбы, где какой-то помещик когда-то пытался разводить лошадей... Ныне в трещинах фундамента прячутся змеи, а табуны одичавших лошадей вольно кочуют по косе. Им нетрудно избегать людей: небольшой очаг цивилизации теплится только на "головастике", которым оканчивается Тендра. Летом морской гидрофизический институт, учреждение финансово бодрое, завозит сюда приборы и материалы. Летают вертолеты; немногочисленное местное население поставляет науке рыбу и молоко. Местного старожила Федю назначают лаборантом. Потом приходит осень, и научное начинание тихо гаснет. На зиму Федя становится кладовщиком, а долгими ночами воеет ветер, шипит на песке холодная пена, кричат птицы, и одиноко ржут над морем лошади. Прекрасные, диковатые, запущенные места.

Но все проходит, дорогой читатель. В первый раз, уже довольно давно, я был на Тендре с девушкой. Нас привез, выдав за начинающих гидроакустиков, мой приятель, действительный гидроакустик. Нам показали нашу лабораторию - стеклянную трубу, где во взвешенном состоянии прозябал какой-то буюк, - и больше не беспокоили. В первый день мы пошли на южный, дальний от поселка берег, и в первый же день видели табун, - лошади купались в море и бесшумно ускакали при нашем появлении; а на обратном пути мы спугнули в степи русака, убежавшего нехотя, ленивыми петлями; а из воды, с подводной "загребы" - мели, что тянется вдоль всей Тендры, - нас самих спугнул деловито охотившийся дельфин... На второй день я занялся рыбалкой, а на четвертый Ира сказала: с нее хватит. Может быть, ледяным тоном отчеканила Ирина, и ее чуть выпяченная, надменная нижняя губка дрогнула, - может быть, я хоть сейчас оторвусь и уделю ей минуту внимания?

Я смутно чувствовал ее правоту. Брезгливо держа подальше от себя очередной кукан с бычками, - девушка одиноко стояла на диком тендровском берегу. Маечка "адидас" почему-то усиливала ощущение ее трогательной незащищенности перед миром палящего солнца, пустой синевы, даже перед какими-то пустынными жучками, равномерно подпрыгивающими над грудой сухих водорослей у ее ног... Что касается меня, то я ловил рыбу, ловил вторые сутки, - дорвался! - и, как назло, именно сейчас одна из удочек изогнулась... выпрямилась... Так берет камбала.

- Но клюет же! - пробормотал я. - Что делать, Ириша?..

- Ах, делать что?! - Ее лицо прелестно порозовело от гнева. - Подсекай, раз клюет!..

Все проходит, читатель. Когда я вторично побывал на Тендре, клевало хуже. Компания на сей раз была чисто мужской; камбала уже не попадалась. Меньше стало лошадей: местные и раньше отстреливали двух-трех на мясо каждую зиму, но в том году, по здешним масштабам обезрыбев, попытались возместить рыбалку охотой - и увлеклись. Старожил Федя уверял, правда, будто облаву на табун организовали для заезжего начальства - не то военного, не то ученого... Но главное, в море у Тендры впервые пришел замор.

Я сам наблюдал один из приступов отравленной воды. В полдень, при полном штиле, вода над загребой неожиданно приобрела красноватый оттенок. Потом эта полоса поползла к берегу.

Ничего страшного как будто не происходило. Наоборот: над водой, над каждым квадратным метром поверхности вдруг весело начали подскакивать рачки - мелкие черноморские креветки, - и весело заорали, все вдруг поднявшись в воздух, тяжелые мартыны. Этих крупных чаек расхаживало в тот день по берегу непривычно много - даже для Тендры.

Исккупаться в тот день нам не удалось: красное течение было ледяным и пованивало сероводородом. Набрали на уху немного рыбы - вялое месиво лежало на дне у кромки прибоя, - и вечером улетели в Одессу. Чайки же продолжали пировать. Они вели себя точь-в-точь как отдыхающие на пляжах Одессы или Каролино-Бугаза, где замор давно уже не редкость. Особенно счастливы ребяташки: черпают уснувшую рыбу ведерками, трусиками, прямо руками - и бегут хвастаться маме. И мамы, конечно, рады искренней детской радости.

"Первое письменное упоминание о "красных приливах" относится приблизительно к XVI веку до нашей эры... Заморы вызываются ядом перидиней, а также дефицитом растворенного в воде кислорода, который наступает в результате массового отмирания этих одноклеточных водорослей... Количество вспышек в последние годы заметно возросло... стало ежегодным явлением у берегов северо-западной части Черного моря на участке длиной не менее 500 километров... судя по всему, это связано с возросшей концентрацией органических веществ в воде рек и в местных стоках населенных пунктов, портов, отдельных предприятий... Сейчас данное явление изучается... Причины возникновения и биологические последствия "красных приливов" до конца не исследованы".

Науку иногда отличает удивительная стыдливость. Что касается Тендровской косы, то благодаря удаленности (относительной!), благодаря пограничной зоне (минус на минус!) Тендра пока еще сравнительно богата, сравнительно нетронута. Сравнительно. Надолго ли?

II

Данилыч выключил мотор.

"Гагарин" шел вдоль Тендры уже пятый час. Продвижение вперед внешне никак не сказывалось: за Морским маяком коса заворачивает, сужается и затем тянется к юго-востоку бесконечной, безлюдной, без единого ориентира полосой - почти на сорок миль. Вот и сейчас место на берегу ничем не выделялось; только за косой, с лиманской стороны, был виден накренный корпус старого судна. По приказу капитана Даня извлек из трюма цемент и могильный памятник. Мы отдали якорь и отпустили цепь, пока яхта не приблизилась к полосе прибоя.

- Готовьте "Яшку". Поедут Даня и Слава, - хмуро сказал капитан.

Два года назад "Гагарин" остановился - "вот как сейчас" - недалеко отсюда, в районе Белых Кучугур. Погода была прекрасной, экипаж плескался в теплой воде. И вдруг тогдашний боцман, крепкий сорокалетний моряк, старый друг Данилыча, как-то странно вскрикнул. Позже экспертиза установит - разрыв аорты, смерть наступила практически мгновенно. О подробностях капитан не распространялся, да мы и не спрашивали.

- Сердце было больное. А море любил, - только и сказал Данилыч. Я невольно поежился. Над береговым песком висело знойное марево. Грохотал прибой, слышались одинокие вопли чаек. Монотонность Тендры, ее романтическая уединенность может вызывать и гнетущее чувство: нечто первобытное, мрачное... Сейчас, впрочем, перед нами была простая задача - завезти памятник и цемент на берег. Накрененное судно - база группы ученых-биологов во главе с профессором Шевалевым; он и завершит дело. - Установить не здесь нужно, до Белых Кучугур не доберемся, долго. Море не ждет, вот оно, - пояснил Данилыч и добавил: - Володя бы нас понял.

Впервые в жизни я надел спасжилет. Под тяжестью цемента, стальной плиты и Дани, сидевшего на веслах, борта "Яшки" едва поднимались над водой. Я прыгнул в воду и поплыл сзади, придерживая корму и стараясь не думать, накроет ли меня памятником, если прибой перевернет лодчонку. Все произошло быстро: достигли загребы, я всем телом почувствовал, как напряглась, упруго сжалась над мелью волна - и вот мы уже летим в пене брызг на гребне, с яхты что-то кричат, опять участок спокойной воды, Даня рвет весла, удар новой волны, скрежет - и оба десантника сидят, тяжело дыша, на влажном скате песка...

- Молодцом! - прокричал Сергей. Даже его голос глож в равномерном гуле; но когда мы вытащили "Яшку" подальше на берег и двинулись в глубь Тендры, шум прибоя неожиданно быстро затих.

Невысокие дюны скрыли море. Коса была здесь шириной метров двести; болотца, заросшие камышом, уживались с полупустынной колючей травой. Из травы вдруг поднялись как бы струйки тумана; я с удивлением увидел, что Даню заволокло плотное сизое облако.

- Ше такое?! - пронзительно вскрикнул мастер по парусам. Но объяснений не потребовалось.

Это были комары.

...Только путешествуя, можно испытать подобные контрасты. Минуту назад мы чинно шагали, сгибаясь под печальным грузом; минутой позже, отмахиваясь от комаров нержавеющей стальной плитой, по косе мчались двое бесноватых. Двухсотметровка была преодолена за время, рекордное для парного бега с памятником; на лиманском берегу мы бросили символ вечного покоя на песок и стали с наслаждением чесаться освободившимися руками. Был момент бесцельных прыжков; был момент, когда мы догадались нырнуть, и комаров стало меньше; а потом нас опять охватила тишина невозмутимой Тендры.

- Есть тут кто-нибудь? - громко спросил я.

- Люди! Профессор! - закричал Даня.

Молчание. Наши голоса глухо и неразборчиво повторил корпус старого судна. Я разглядел его название - "Мгла"; букву "л" почти целиком съела ржавчина. В мелкой воде, в уютной тени под бортом сустились непуганые креветки. Корма плотно сидела на песке.

- "Сидячий Голландец", - определил Даня... Взобрались на покатую палубу. Здесь кто-то жил - висело белье, валялись немытые кастрюли, - но иллюминаторы были

затянуты паутиной, остатки гречневой каши в котелке покрывал слой плесени... Дверь завизжала на ржавых петлях.

- Алло! - не выдержав, непочтительно заорал Даня в душную полутьму рубки. Тишина. Мы боязливо зашли и сразу увидели на столе записку: "Буду пятнадцатого. Шевалев".

- Ну, оставим памятник здесь, напишем, ше к чему, - предложил Даня. Иного выхода не было; но я наглядно представил, как пожилой профессор вечером, под не умолкающие вопли чаек, возвращается на "Мглу", заходит в каюту... - Хочешь его подготовить? - с полуслова понял мастер по парусам. - Очень просто: можем на подходе таблички натывать. Подходит к трапу профессор - ше такое? - "Осторожно, памятник!". Поднялся на палубу: "Не волнуйтесь, сейчас будет памятник!" И тогда заходит он в рубку уже подготовленный. А тут - памятник... - Тебе смешно? - Я холодно поглядел на хитрющую физиономию Дани, распухшую от комариных укусов, и невольно расхохотался. Я был не лучше Даньки; нас обоих могли извинить лишь все те же контрасты путешествия и фраза, уже произнесенная Данилычем: "Володя бы понял". И я от души надеялся: он понял бы.

III

Как будто и не было остановки, десанта, комаров... Стоило поднять якорь, завести мотор - и "Мгла" быстро исчезла из виду, сгнула. Все так же пусто на берегу. Ни судна, ни паруса в море. Грохочет прибой, грохочет мотор, и течет, течет, течет мимо борта, исчезая по обе стороны горизонта, желто-зеленая кайма бесконечной Тендры. Оба матроса, поклонники хатха-йоги, уселись в позу "лотос" у основания бушприта. Мудрую неподвижность двух спин нарушал только покусанный Даня: интенсивно почесывался. Затылок Саши был утомительно бесстрастен. Данилыч, для которого восточная способность сидеть без всякого дела, по-моему, просто недоступна, не выдержал:

- Уйдите оттуда! Я имею в виду... нос загрузили, вот оно! Даня! Ты же взрослый парень!

- Ой, батя, ну ше ты начинаешь?! - вспыхнул взрослый парень. Саша, надо сказать, повиновался молча, сразу; и Даня, пошумев, вскоре последовал его примеру. В паре Даня - Саша лидер, безусловно, Саша - несмотря на то, что мастер по парусам общительней, живей, да и соображает быстрее. Оба студенты, учатся вместе. Легко могу себе представить, как Даня, на лету схватив какую-нибудь учебную премудрость, после занятий растолковывает ее Саше. Наоборот представить не получается. А главный у них все-таки Саша. Преимущества характера, "глубина", "цельность"? Последнее - пожалуй. Следит Саша за собой чрезвычайно.

Опрытен до полной накрахмаленности. Самолюбив. Когда в состав десанта на "Мглу" вместе с Даней, опытным в обращении с "Яшкой", капитан включил меня - уж не знаю, почему, - Саша, я заметил, покраснел и отвернулся. Но промолчал, как и сейчас, после замечания Данилыча, - то ли чтоб не нарываться, то ли из уважения к субординации, которая у людей такого склада естественно вытекает из уважения к себе самому. Будучи оторван от йоги, он спустился на камбуз, достал миску с морковью, устроился на баке и методично захрустел.

- Любишь морковку?

- При чем тут "любишь"? Полезно. Семь процентов минеральных веществ... - Матрос Нестеренко помолчал.

- Вот ты, кажется, физик? - Видимо, Саша считал, что этот факт моей биографии требует ежедневного подтверждения. - Объясни: почему маятник Фуко колеблется в одной плоскости?..

Я объяснил. Маятник маятником, но по совокупности все это даже загадочно. Если Саша таков, каким он кажется, и только, то кой черт понес его на яхту? Что он здесь надеется найти?.. Не все до конца понятно и в отношении к нему Дани: мастер по парусам вроде и подчиняется авторитету (какому?), и подсмеивается над "цельностью", но далеко не заходит, обязательно остановится... Их как будто связывает общая тайна или происшествие, в котором Даня чувствует себя виноватым. Что-то промелькнуло, например, во время "звонка матери"... Может, я и фантазирую, но ведь должен существовать у Сашиной однозначности какой-то человеческий вывих! Ладно. Поплывем - увидим.

Пока что куда больше, чем знакомство с попутчиками, и меня, и особенно Сергея занимало знакомство с хитрой наукой моря. Проложить курс - истинный и компасный, искоренить в себе пристрастие к метрической системе (одна миля равна 1,854 километра, один узел - скорость, равная миле в час); циркулем измерить расстояние на карте, разделить на скорость яхты (около пяти узлов); определить ориентировочное время перехода, записать данные в специальные графы судового журнала... Для профана, проделывающего все это впервые, нипочем тот факт, что движение в дневное время вдоль прямой Тендры вообще не требует навигации. Особенно подогревала наш пыл карта.

Современному человеку, если, конечно, он не член Генштаба и не шулер, при слове "карта" представляется страница из школьного атласа. Такая карта высокомерно презирает мелочи, домашние подробности, быт географии. Вот Черное море: передавленный овал с ромбиком Крыма. Нету ни бухт, ни лиманов, ни кос. Глядя на три сантиметра Кавказского побережья, прикидываешь, что там негде укрыться от западного ветра. Вранье!

Существует какая-то безнравственность крупномасштабного описания. Когда в детстве я бывал одинок и обижен, я ложился на тахту и подолгу разглядывал мелкий узор ковра. В тех давних горестях меня это почему-то утешало. Есть нечто человеческое в малых подробностях, и есть жестокость неживого в несоизмеримых с человеком масштабах - ну, скажем, в холодном величии глобальных идей... Странно только, что подобные мысли вызвало воспоминание об атласе!

У нас была совсем другая, чудесная своей подробностью карта северо-запада Черного моря. Ее длинные косы - Тендровская и Кинбурнская - прикрывали кокетливо изогнутые колена Днепро-Бугского канала. Лентами вились изобаты глубин со вколотыми в них шпильками буев. Маяки строили глазки капитанам. Под водой прятались мели, лежали затонувшие суда. Карта увлекала изгибами берегов, дразнила недоступностью мелких заливов; она была как готовый сюжет авантюрной повести... "Гагарин" по-прежнему шел вдоль Тендры, а авантюрист Сергей уже прокладывал курс на Евпаторию.

- В Железном Порту к семнадцати тридцати будем, согласен? А теперь так: если по-прежнему норд-ост, идем рекомендованным курсом сто. Если начнется бриз, возьмем мористей ... И в любом случае мы в Крыму, - Сергей выпрямился и жестом полковника бросил карандаш на штурманский столик, - в Крыму будем завтра к вечеру, от 18.00 до 20.00!

- Это если из Железного Порта пограничники выпустят, - ласково напомнил я.
- Ну знаешь... - Сергей, как закипающий чайник - чшш? - втянул в себя воздух. - Тут, Баклаша, навигация бессильна.

IV

Ровно в семнадцать тридцать - согласно расчету! - на границе Тендры и горизонта возникло туманное изменение.

- Вот оно! - изрек Данилыч. - Железный Порт.

- А где же порт?..

Вопрос был резонный. На плоском берегу - ни кранов, ни пирса; только бетонные кубики погранзаставы росли на песке и чуть в стороне - покосившийся навигационный знак. Железо в нем присутствовало в составе ржавчины.

- А где ты видел на Большом Фонтане большой фонтан? - сказал Даня. - Так и здесь.

- Фонтанами именовались артезианские источники... - начал было Саша, но его прервал капитан:

- Готовьтесь на берег, господа... - и тяжело вздохнул. Лицо и вся осанка Данилыча - широкая грудь вперед, широкий подбородок кверху - как у многих людей небольшого роста, самой природой предназначены выражать гордую самоуверенность. Но еще в Очакове я заметил: куда все это девается в преддверии визита к пограничникам! Визит должны были нанести мы с Даней.

- Скажете так, - напутствовал капитан, - ветер усиливается, яхту бьет о дно. Пусть скорей выпускают. Запомнили? Яхту бьет о дно, ветер усиливается... - Под эти драматические инструкции мы отчалили.

Мне предстояло впервые ознакомиться с пограничной системой лично. Косвенная сила запретов (на пляж ночью не ходить!), слухов (говорят, они снова Каролино-Бугаз закроют!), жалобы моряков (на рейде лишние сутки продержали!), невероятные сложности для рыбаков-любителей и яхтсменов (причем своих, для болгарских яхт, например, все обстояло куда проще) - все это мне, одесситу, было известно с детства. Сила была неукоснительной и располагалась где-то вне жизни приморского города, над ней. Сила потребляла бумаги и выдавала бумаги же. В людях она как бы и не нуждалась: по-моему, до сих пор я ни разу в жизни и не встречал живого пограничника... Вся сложность сегодняшнего визита была в том, что следующий пограничный пункт - Скадовск. Он лежал в стороне от нашего маршрута; зайти туда означало потерять минимум сутки.

На заставе правил молодой, улыбчивый старший лейтенант Мы нарисовали ужасную картину: яхту бьет о дно, ветер усиливается. Губернатор Железного Порта понимающе хмыкнул.

- Могу дать выход до Черноморского, - сказал он. - Но вдоль берега. Для нас это означало зигзаг вдоль всего побережья Каркинитского залива. Я развернул документы и победоносно ткнул в маршрутную карту.

- Вот видите: у нас курс прямо на Евпаторию.

На карте пунктирная линия действительно соединяла Гендру с Евпаторией; правда, рисовал линию Сергей и с тем же успехом мог провести ее и через Босфор. - А где тут печать? - мудро улыбнулся старлей. Я понял, что нас видят насквозь, но сочувствуют - и взглядом остановил Даню, продолжавшего бубнить о киле, якобы бьющемся о дно.

- Вот что, ребята, - сказал старлей после тягостного молчания. - Сам я решить этот вопрос не могу. Будем звонить в отряд.

Он снял трубку и сразу приступил к делу.

- Как быть, товарищ полковник? Тут у меня яхта, в маршруте у них указана сразу Евпатория, - и старлей, улыбнувшись, открыл документы на той странице, где после Железного Порта была указана не Евпатория и даже не Черноморск, а Скадовск. Я покраснел.

Из трубки полился металл.

- Есть, - все тверже выговаривал старлей, приподнимаясь со стула, - есть. Понял. Так. Есть! Почему не понял? Я все понял, товарищ полковник.

Он повесил трубку. Мы с Даней тоже стояли, невольно вытянувшись. - Вот что, ребята... - выдохнул старлей, и мы втроем, расслабившись, снова сели. - Идти нужно в Черноморск. Это факт. И при этом отметить в Скадовске. - Значит, заходить в Скадовск? - спросил я с отчаянием, пока Даня заводил пластинку о киле, ударах о дно и ветре.

- Нет. Заходить не надо, - неожиданно сказал старлей. - Я даю выход до Черноморска. Вы идете мимо Скадовска. Вас замечают, делают отметку: такая-то яхта, проследовала тогда-то.

- Так подходить же к Скадовску... - все равно же надо? - не понимал я. Старлей развел руками, пораженный моей тупостью.

- Ваше дело идти, так? Факт. Наше дело вас засечь. Вы идете себе на Черноморск, - он провел ладонью по столу, показывая, как именно мы идем. - Двухмильной зоны не нарушаете: это - ваша задача. Мы вас засекаем, это наша задача. А если мы вас не засекаем, это уже наша ошибка. Ошибка, понятно? Вы идете на Черноморск... Я посмотрел на Даню; лицо мастера по парусам выражало неестественную степень хитрости. Потом я посмотрел в серые, чистые, очень русские глаза старшего лейтенанта. До меня наконец дошло.

В пустой неуютной комнате (но и сюда доносился шум прибора) три человека пожали друг другу руки и улыбнулись - улыбкой посвященных, кроткой и мудрой улыбкой людей, познавших Систему.

V

Вот и Железный Порт растаял за кормой. Вдоль борта тянулась все та же безлюдная желто-зеленая кайма. До оконечности острова Джарылгач, где предполагается ночевка, еще тридцать миль, шесть часов ходу. Странно: не утомляет это однообразие. Оно входит в замысел.

- Данька, уйди с носа! Ты ж взрослый парень!..

- Ой, батя, ничего ж не будет!..

Саша по-прежнему сидел в позе "лотос": волевой матрос был погружен в изучение книги "Школа яхтенного капитана". Его неподвижная фигура на фоне заката и моря напоминала полотно Рериха. На горизонте собирались грозовые тучи; и по-прежнему гудел, как заевшая пластинка, всепроникающий прибор.

Сумерки загнали меня в каюту. В свете штурманской лампы над картой нависал нос Сергея. Вокруг были разбросаны циркули и штурманские линейки. Шелестели страницы двух лоций: Черного и почему-то уже и Азовского моря.

- В ясную погоду мыс Айя открывается с сорока миль, - с порога сообщил мне Сергей. - Миля - шестидесятая часть градуса долготы. По розе ветров можно прокладывать курс...

- Все ясно, - я взял блокнот и попытался записать впечатления сегодняшнего дня. Событий было много, они теснились, отталкивая друг друга локтями, не желали укладываться в рамки слов. Мне казалось, что с момента выхода из Очакова прошел не день - по крайней мере месяц. Или год. Или, правильной всего, девяносто миль морского перехода.

- В Керчи мы будем восемнадцатого июля, в шесть часов вечера, - с какой-то механической интонацией произнес Сергей. - Ты знаешь, кстати: Лондон-то находится на широте Киева!

Произошло непоправимое. Судовой врач свихнулся на почве навигации.

Глава 4 Принесенные ветром

12 июля. Переход остров Джарылгач - бухта Узкая. Ветер N.

I

...И вот, как уже было сказано, утро просочилось в каюту вместе с дождем. На койку падали тяжелые холодные капли. Сверху яхта протекала значительно больше, чем снизу.

Дождь уже шел, когда "Гагарин" отдал якорь у оконечности острова Джарылгач. Именно этой ночью меня поднял звон цепей, нас тянуло на отмель, был аврал, сна не было, и именно сегодняшний рассвет возродил естественный вопрос: зачем же все-таки я во все это ввязался?..

- Все-таки согласись, Баклаша: повезло нам, - задумчиво сказал Сергей. Поскольку я молчал, судовой врач поднялся, кряхтя и трудно помещаясь в каютном пространстве, натянул штормовой плащ; скрылся в люке.

Я продолжал лежать с уютным ощущением: имею право. Во время ночного аврала матросы так и не проснулись. Сергей поступил остроумней: когда цепь запасного якоря наконец зазвенела в клюзе, сонно спросил, откуда звон и по ком он звонит. Я с удовольствием прислушался: сверху, с палубы, донесся гневный голос Данилыча. В альпинизме это называется "разбор восхождения". Правда, доставалось - ше такое? - в основном Дане. Меня не касается...

Койка мерно покачивалась. Несмотря на сырость, можно было еще поспать; можно и обдумать возрожденный вопрос о смысле моего здесь присутствия. С момента отхода вопрос этот как-то забылся, подавленный обилием впечатлений. Впрочем, заниматься самопознанием и сейчас не хочется. Хорошо ведь? Хорошо... Эффект палатки: мокро, тесно - и беспричинно уютно, защищено. Палатка, которая движется. Купе, которое плывет. Каюта... Почему это, попытался я подогреть угасающее сознание, почему только в каюте начинаешь понимать, что вне каюты ты был, строго говоря, ненормальным?.. Тендра, "Мгла", простая смерть Володи, шипит за тонким бортом вода, удивительно спокойное лицо тети Пати... как же она-то без каюты обходится? Я начинал задремывать.

- Баклаша! - Лицо Сергея, возбужденное, мокрое, нависло в раме люка. - Поглядел бы, что делается! Дрыхнет он!.. - Судовой врач опять исчез. Из люка пахло сырой свежестью.

В крышу каюты по-прежнему стучался дождь. Я встал, надел штормовой костюм и поднялся на палубу.

II

На руле стоял Даня. Его цыганская бороденка мокро топорщилась, в зубах торчала раскисшая папироса, с полей невообразимо-фетровой шляпы лилась вода. Над мастером по парусам плыло небо, налитое всеми оттенками свинца и олова; на горизонте этот припой натекал на бронзу с прозеленью. Угадать, где небо переходит в море, помогала только ниточка далекого берега с едва заметными портовыми кранами. А впереди и горизонт, и небо закрывали паруса.

Меня охватило ощущение праздника. Вдоль Тендры, из-за слабого ветра в сочетании с пограничным "контрольным сроком", шли под мотором; но и сонный полет под парусом на переходе Ильичевск - Очаков был не похож на то, что я сейчас видел. Происходило нечто совсем иное.

Дождь был соленым. С гребней срывалась пена и зависала, с кажущейся неторопливостью плывя по ветру. Из ералаша волн в какой-то неумемной радости вылетали двухцветные тела мелких дельфинов-белобочек и с плеском погружались, проныривая под бушприт. Мы шли фордевинд. Ветер шелестяще выл, и казалось, что этот звук, один звук несет яхту. Паруса гудели, как трансформатор высокого напряжения. Зыбь приходила в корму слева; на гребне нос яхты начинал подниматься, корпус вдавливалось в воду, и в этот момент максимальной скорости, когда Даня с трудом удерживал румпель, из-под киля вдруг вылетал водоворот свистящей пены, шипел - и улетал в сторону, расплываясь далеко позади!

- Хорошо идем! - прокричал Данилыч. Его широкое лицо блестело, глаза светились, как у мальчишки перед охотой. - Данька! Давай еще и апсель поставим! Мастер по парусам с готовностью кивнул, передал руль "бате" и скрылся в носовом отсеке. Вскоре оба матроса тянули какие-то фалы, обменивались репликами типа "отдай штаг"... Мы с Сергеем тупо переминались с ноги на ногу. Обидно чувствовать себя идиотом, но я совершенно не понимал, что такое штаг и кому его нужно отдать. Трясина парусной терминологии неизбежно засасывает новичка. Перед отъездом я полистал "Школу яхтенного капитана", и в голове бессмысленно засел один из вопросов для самопроверки. Звучит он так: "Отдавать ли топенанту бизани при галфинде?" Полная парусность "Юрия Гагарина" - около ста квадратных метров, самый большой парус - стаксель. Передняя мачта - грот, парус на ней тоже грот. Все это я знал и уже не называл точно такой же парус на второй мачте "задним гротом". Это была бизань; впрочем, мачты имеют одинаковую высоту, иногда сам капитан именовал грот-мачтой как раз заднюю, передняя становилась фок-мачтой, парус на ней - фоком, бизань исчезала, и я невольно повторял фразу одного из коллег-преподавателей, обращенную к студентам:

- Знаете что? Не нужно делать из меня дурака...

Апсель, по форме похожий на лист каштана, взлетел вверх, хлопнул и распустился.

- Хорошо потянул! - Данилыч всем телом навалился на длинное перо румпеля.

Накренившись, яхта полетела еще быстрее.

- Батя! Может, на штурвал руль перевести?! - закричал Даня.

- А?!

- Управление... на штурвал! Легче будет!

- Не надо! Я так лучше лодку чувствую, вот оно! - В двух метрах друг от друга капитану и мастеру по парусам приходилось кричать во весь голос. Негромкие шипящие гласные ветра уносили слова куда легче, чем вчерашний грохот мотора.

- Узлов шесть идем! - закричал Данилыч.

- Шесть?! - Даня вспыхнул. - Какие шесть, когда восемь!

- Шесть, - капитан дернул рулем, оценил взглядом улетающую воронку - и обидно ухмыльнулся. - Шесть, сынок.

- Ну ше ты начинаешь, батя?! Без апселя семь было!

- Шесть. Опять споришь?! - неожиданно побагровел Данилыч. - Ты с мамой своей спорь, со мной спорить не надо, вот оно. Спорим, что шесть?..

Даня капризно затряс головой. Данилыч вдруг бросил руль. "Гагарин" вильнул, слегка изменил курс и, к моему облегчению, ровно пошел сам, а капитан схватил мастера по парусам за плечо - идем! - и потащил на нос. Мне было видно, как оба отчаянно жестикулировали, щупая стаксель. Судя по долетавшим фрагментам, одновременно с количеством узлов обсуждались дела семейные.

Помнится, перед отходом из Ильичевска, узнав о том, что один из матросов капитанский сын, я огорчился - в команде будет любимчик. Что ж, я не ошибся. В

качестве "своего" Даня находится на усиленном режиме воспитания. По отношению к остальным Данилыч - терпеливый моралист, склонный к нотации, но Даня обладает способностью мгновенно вывести капитана из себя, сам заводится с пол-оборота, потом так же быстро остывает, и называется у него весь этот ритуал "поцапать с батеи"...

- "Восемь"! Спорит он!

- Ну не восемь. А ше, шесть? - Постепенно затихая, семья Кириченко возвратилась на корму. Перемирие было достигнуто решением "набить еще и кливер". Лично мне казалось, что узлов - все девять. Норд свежел; в порывах яхту с корнем вырывало из воды и несло по воздуху. Берег Джарылгача давно исчез, мы пересекали широкий Каркинитский залив. Тяжелой синевой наливались скаты двухметровых валов. Дождь по-прежнему лил, и его капли висели неподвижно, летя: по ветру рядом с нами. Должно быть, прошло несколько часов; я этого не чувствовал. Впереди открылся берег Крыма. Он был похож на срез броневой плиты, разделяющей небо и море. - Буди штурмана, пускай определится! - весело закричал Данилыч. Это была емкая фраза. Во-первых, судовой врач назначался штурманом: его увлечение навигацией не прошло для капитана незамеченным. Во-вторых, я только сейчас заметил, что врач-навигатор спит, спит сидя. Его нос опустился на грудь, а из рук выпал карандаш и промокший блокнот...

Из путевых записей Сергея

12 июля, ветер N, пять баллов. Переход о. Джарылгач - бухта Узкая. Истинный курс 190. Девияция 10, компасный курс 180 на Межводное. Расстояние: 30 миль. Ориентировочное время движения: 6 часов. Первой откроется нефтяная вышка на Бакальской косе, слева от курса 20. Берег согласно лоции откроется за 8 миль, в 12.30. Створы Ярылгачской бухты: см. "Огни и знаки Черного моря". Затем курс 220, компасный 210, и все это нужно помнить, когда тебя будят!

- Так где мы? - Капитан явно иронизировал.

- Киммерия... - пробормотал Сергей, глядя на стремительно растущий берег. Древнее название Крыма прозвучало античным ругательством. - Где нефтяная вышка?

- Нету, снесли. Твои действия?

Навигатор вопросительно зашипел. Уже были видны фонтаны прибоя. Справа серые скалы понижались перед входом в какую-то бухту. Данилыч сжалился: - Вот оно! - Он ткнул в карту, и мы впервые оценили своеобразную прелесть этого выражения. "Гагарин" выходил точно к цели.

III

Вход в бухту Узкая довольно широк. Яхта дважды повернула, обходя мыс и каменный мол. Тяжело упали мокрые паруса. В маленькой, со всех сторон укрытой гавани стояла неожиданная тишина. Ветер порвал облака, открылся кусок вымытой синевы. На берегу валялись разошедшиеся рыбачьи баркасы. В воде отражалось кафе стили модерн и ветхий дом с вывеской "Баня".

- Поздравляю с прибытием в Крым, господа! - торжественно сказал капитан. - Крым - курорт, - изрек Сергей. - Это не Крым. Стереотип не срабатывает. Логично?

И все же это был Крым. Цвет воды, мягкая настойчивость солнца, белая пыль, которую поднял проехавший в стороне грузовик, - все это было чуть ярче обычного.

Мы пришвартовались к борту единственного в бухте судна - сейнера. Борт был ржавый, в соляных потеках. На палубе громоздились бочонки, в воздухе витали ароматы рыбного промысла.

- Морякам привет! - На сейнере показался вахтенный, такой же мятый и просоленный, как его судно. - Откуда?

- Из Одессы.

- Ну?! Слышь, Витя, опять одесситы! - обрадовался рыбак. Откуда-то из трюма тут же вынырнул Витя. Он был помоложе. Оба уставились на нас с веселым зрительским предвкушением.

- В чем дело? - гордо спросил Данилыч. - Какие одесситы?

- Были тут до вас, позавчера ушли... Веселые! Капитан рыжий такой, молодец! В фуражке с крабом ходит.

- И в черном свитере? - Данилыч поморщился.

- Точно. Ну, выдавал! А вы "Частушки морские" тоже можете?..

- Солярка у вас найдется? - не отвечая, осведомился капитан. Старший рыбак громко засмеялся, решив, видимо, что представление началось.

- Ну дает!.. Как не найдется? Бутылку дашь - по краспицы зальем.

- Вот оно. Вы немного отдохните, - повернулся к нам Данилыч, - а потом горючки наберете. На заставу сам схожу...

Капитан начал собираться. По мере того, как штормовая одежда сменялась парадно-выходной, лицо Данилыча теряло праздничное выражение. Когда он взял папку с документами, перед нами был уже не морской волк, а пожилой человек, которому предстоят неприятности.

- Мне тоже на берег, - вдруг твердо объявил Саша - Письмо могло прийти. От матери. До востребования.

- Дай бате паспорт, - быстро предложил Даня. - Он получит. Возьмешь письмо, батя?

- Спасибо. Я сам, - Саша покраснел и отвернулся от невинно улыбающегося мастера по парусам.

Заправка яхты горючим - процедура сложная. Нацедить канистру в машинном отделении сейнера, из широкого крана в узкое горлышко; подняться наверх, перелезть через борт и леерное ограждение; заползти в кормовой отсек яхты и там, согнувшись в три погибели, фильтровать маслянистую жидкость с помощью лейки, затянутой марлей... Рыбаки, разочарованные уровнем проявляемой нами веселости, издали все же поглядывали с ожиданием на новых одесситов; не отчаивались.

- Сколько вам платят? - неожиданно спросил Витя.

- Как это??

- Ну как... полевые, прогонные?

- Отпуск. Мы отдыхаем, - с канистрой в руках прохрипел Сергей.

- Во дают! Молодец!..

Данилыч вернулся довольно скоро, одновременно с Сашей.

- Ну? Что застава?

- Потом расскажу. Давайте обедать... - Но после еды капитан молча залез в машинное отделение и стал осматривать мотор.

На сейнере тоже отобедали. Старший рыбак вышел на палубу. Он уже значительно меньше нуждался в увеселениях извне.

- Ребята! Ухи хотите? Юшка нормальная... Мы были сыты; по простоте душевной я начал отказываться. Вмешался Сергей:

- Ну если попробовать, на завтра...

- Кастрюлю тащи.

Даня охотно нырнул в каюту, вынес шестилитровую емкость. - Да вы чего?.. - Рыбак даже обиделся. Витя вытащил из камбуза и показал их Кастрюлю. Напоминала она гайку, которой крепится на валу главная турбина Нурекской ГЭС. Даня поскреб бородку, достал ведро. Ведро заполнилось до краев.

- А это что? - продолжая проявлять душевную простоту, я указал на объемистый белый кусок мяса, окаймленный нежным жирком. Рыбак пожал плечами.

- Белуга. Без красной рыбы разве уха?

- Белуга, извините, не красная рыба. Красная - горбуша, чавыча. Семейство лососевых, - заявил Саша. Рыбак только еще раз пожал плечами. Мастер по парусам ехидно улыбнулся.

- Саня! Ты письмо получил?..

IV

Странно: Данилыч упорно не желает сообщить, что произошло на погранзаставе. - Хорошо все, потом... Баки доверху заполнили? Ну вы тогда немного отдохните... - Капитан на секунду задумался. - Компасом надо заняться, вот оно. О гнусной необходимости время от времени заливать в компас спирт - испаряется, видишь ли! - мы уже были наслышаны. На борту "Гагарина" много компасов. Самый маленький, авиационный, легко может уместиться в кармане случайного гостя; чтобы этого не случилось, он наглухо привинчен в каюте. Несколько шлюпочных, побольше, отражают развитие отечественного компасостроения за последние сорок лет. Главный же компас "Гагарина" напоминает противотанковую мину, зачем-то установленную на кардановый подвес. Ящик с этим сооружением находится на крышке люка перед штурвалом и при желании легко может быть снят; нужно только, чтобы такое желание одновременно возникло у пяти-шести человек. По ободу котла тянется непереводаемая надпись. Возможно, в ней разъяснено, где Данилыч его достал и как дотащил. Достоверно одно: спирта в эту навигационную установку входит много.

Дивный аромат поплыл над бухтой Узкая. Старший: рыбак побледнел.

- Вы что делаете?!

- Хочешь выпить? - напрямик спросил Данилыч,

- Не в том дело... В него, гада, и воду можно заливать, мы всегда так делаем... Вам что, не жалко?! Нам было жалко.

- Даня, - спросил Сергей, а если в тебя влить два литра спирту, ты правильный курс укажешь?

- Да ты ше! Я буду падать точно на север.

Когда мы окончили свое черное дело, уже смеркалось. Кажется, капитан ждал именно темноты. Не придумывая никаких новых работ, он собрал команду в каюте, зачем-то закрыл люк, зажег лампу. Это походило на сходку заговорщиков.

- Вот что, господа... Выхода не дали. У них яхта потерялась.

- А нам какое дело?.. Как потерялась?..

- Дай-ка папиросу, Слава, - неожиданно попросил некурящий капитан. Он неумело затянулся и вдруг закричал:

- Ему что! Пижон! Покривляется, ему все простят и дальше пустят!..

- Извините, Анатолий Данилович, - робко сказал в наступившей тишине Сергей. - Можно я люк открою? Духота невыносимая.

- Им что! Стали где-нибудь и водку пьют! А выпускающий на всех одесситов бочку катит?!

- Знаешь, батя, давай по порядку, - попросил Даня.

Постепенно выяснилось следующее. Потерялся одесский катамаран "Мечта"; по словам Данилыча, "терялся" он каждый год. Вольнолюбивый катамаран обладал интересной особенностью: при виде какой-нибудь уютной бухточки тут же забывал о контрольном сроке. Пограничная строгость "Мечте" нипочем: капитан ее, в миру не то конферансье, не то массовик-затейник, по отзывам рыбаков - "веселый, в фуражке с крабом", по определению Данилыча - пижон, - приноровился давать на заставах шефские концерты. Последние избавляли от законного возмездия его самого, но, естественно, не других: не нас. "Но это же чепуха какая-то получается?" - "Чепуха", - согласился Данилыч. А главное, идет эта самая "Мечта" вроде бы по нашему маршруту, на Волгу... Не точно, но вроде бы...

Некоторое время мы молчали. В желтом свете лампы на лбах экипажа блестели крупные капли пота. Жара в каюте и вправду была невыносимая.

- Во гады... - пробормотал Даня, и тут весьма своевременно прозвучал спокойный, трезвый голос Саши:

- Не совсем понимаю... Чего мы разволновались все?

- Как почему?! Пижон этот впереди... нам же покою не будет, вот оно!

- Следовательно, нужно их обогнать, - спокойна сказал Саша. - В конце концов, дело обстоит просто: как только найдется катамаран этот - отпустят и нас. А когда опять станет, мы его обойдем.

- Логично, - согласился Сергей. - Знать бы только, как они выглядят. А то еще не тех обгоним.

- Ну, это проще простого. Всегда пижоны под рыжим стакселем ходят, - Данилыч уже немного успокоился. - Перегоним. Должны на Волге первыми быть, вот оно!.. На том и порешили. Тревога - не совсем, кстати, понятная, - которую вызвало появление соперника, быстро улеглась. А зря.

Зря.

Я, помню, даже порадовался. В документах похода, в графе "цели и задачи", значится "выполнение спортивных нормативов, а также посещение мест боевой и трудовой славы". Таков общий знаменатель наших устремлений; личные мотивы стройность формулировки досадно нарушают. Вернее, нарушали. Вот они сидят передо мной в каюте, члены экипажа парусно-моторной яхты "Юрий Гагарин". Наверное, каждый ждет чего-то своего от путешествия. С Даней, допустим, ясно - спортсмен, "мастер по парусам". Сергей натура легкая, нервная, навигационная; для него на первом месте поиск свежих ощущений. Саша загадочен, я... ну что ж, пока будем считать, что моя цель - в ходе путешествия перенять педагогический опыт у Данилыча. Сам же капитан свою сокровенную идею сформулировал совсем просто - должны на Волге первыми быть, вот оно! - и мы, все разные, вдруг все вместе почувствовали обиду при мысли, что "Юрия Гагарина" опередит чья-то "Мечта". Появление неожиданного соперника сплотило команду; я понял, что окончился один из очень важных этапов путешествия.

Другое дело - знакомство с яхтой и морем. Этот этап продолжался.

Глава без номера

I

Старик и мальчик молча разглядывали друг друга. Кожа на руках старика была полупрозрачной, как потемневшая от времени калька, и даже на вид такой сухой, что у мальчика зачесались десны. Еще мальчику запомнился запах мазута и соли, всегда, как он позже убедился, сопровождавший старика. Этот тяжелый и привлекательный запах рождался сразу за проходной судоремонтного завода Марти. Что именно пахнет, определить не удавалось. Сладостная вонь возникала в атмосфере сама, как некая гармония сфер, а затем конденсировалась в одежде и брезенте, которым накрывают лодку.

А старик во время первой встречи с мальчиком думал о том, что все-таки это обуза, да и Барту, моторист лодки, в няньки не годится, с его-то языком. "Приобщить ребенка к морю" - это была чисто женская идея. Старик не стал возражать. За свою долгую жизнь он был женат трижды.

Женщины тверды в достижении того, что кажется им добрым, хотя часто не имеют никакого понятия о том, чего добиваются.

И вот ведь какая странность: довольно часто женщины попадают в точку. Мальчик родился через десять лет после войны, а старик был настолько стар, что в последней войне уже не участвовал.

Старик веровал в единого Бога, хотя и не слишком истово. В церковь он не ходил. Мальчик, как и любой мальчишка, был ближе всего к стихийному язычеству и лет до десяти искренне считал себя атеистом.

И старик, и мальчик очень любили книги и кино. Кроме того, они оба любили жизнь и оба имели право жить в свое удовольствие, потому что стояли на краях пути - каждый на своем.

Женщины не ошиблись.

Довольно скоро мальчик стал называть старика Дедой. Это было имя собственное: в родстве, даже отдаленном, они не состояли. Их сблизил рыбалка, море и маленькая фелюга под названием "Форель".

II

Вставать приходилось в шесть, если шли на бычка, и в половине пятого, если подходила Белая. Пока не исчезла куда-то скумбрия, поднимались и раньше; в этих случаях мальчик ночевал у Деда. Но качалка - скумбрия крупная, матерая - в последний раз подошла к Одессе в мае шестьдесят первого, чирус появлялся все реже, а ставрида хоть и относилась к благородной Белой рыбе, однако столь ранних подъемов все же не стоила. Старик вообще презирал ставриду, вспоминая, как ловил ее на обычную удочку возле Хаоса, по ведру за час, а самодуры специально вязал с крупными крючками, чтобы "всякая ферина" не цеплялась. Мальчику очень нравились рассказы Деда о прошлом. У мальчика был один замечательный, хищно изогнутый ножик специально для метания. Когда бросаешь этот ножик в старую акацию во дворе, он иногда с дребезжанием отскакивает; но иногда раздается правильный сухой щелчок - и лезвие застывает, глубоко вонзившись в кору... Пока рукоятка ножа еще подрагивала, мальчику сводило скулы какое-то непонятное счастье; и похожее ощущение возникало, когда Деда вспоминал давнее обилие рыбы, ловлю кефали, ныне сгинувшей, или с точностью до сантиметра показывал длину пеламиды, оборвавшей его самодур осенью тридцать восьмого года.

Деда жил в переулке возле бульвара. Перед восходом на бульваре бывало тихо и безлюдно. Листья платанов расслабленно шуршали, и мальчик думал о том, что днем, пожалуй, может и посвежеет. Стая сухогрузов в заливе строилась носами к северо-востоку, и это предвещало "широкий". Вода при таком ветре обычно теплая, желтоватая, для рыбалки это гораздо лучше, чем кристальная прозрачность, которую создает юго-западный "молдаван". На ходу мальчик трогал спинки бульварных скамеек; спинки были сухими, роса не выпала, значит, и "молдавана" не будет. Проходя мимо подворотен, мальчик слышал, как его шаги повторяет гулкое утреннее эхо; кажется, это ничего не предвещало, просто было интересно.

Двор Деда накрывали каштаны. Мальчик осторожно покашливал; в окне старика раздавался ответный кашель и вспыхивал свет. Теперь следовало ждать. Двор заполняла глухая тишина - как под подушкой. Тишина ползла из открытых окон. Вокруг спало очень много людей, но их дыхания не было слышно.

- Кепи? - тихо спрашивал старик, спускаясь с лестницы.

- Здравствуй, Деда.

- Здравствуй. Где кепи?

- Дома забыл, - мальчик терпеть не мог это "кепи", а старик терпеть не мог, когда мальчик его забывал.

- Ви знайти, ше это за малшик?! Это ише тот малшик... - Старик шепотом цитировал старый одесский анекдот. Копировать еврейское произношение шепотом трудно, и Деда не справлялся. Поэтому за воротами он повторил то же еще раз, уже громко, и справился.

- Я из газеты сделаю шляпу, - говорил мальчик.

- Как в прошлый раз он сделает. Нет, это тот малшик. Какой ветер, ты смотрел?

- Широкий. Давай, Деда, под мыс пойдём!

- Посмотрим. Сколько я тебя прошу - не загадывай! А вдруг Белая подошла?

- На Каролино-Бугазе, мне дядя Боря рассказывал, уже берут. По времени давно пора, - говорил мальчик. Этот неторопливый утренний разговор всегда повторялся и никогда не надоедал. Это был разговор мужчин, знатоков, узких специалистов.

Из переулка на Военный спуск шли проходными дворами. Дворы, расположенные ступенями, на разной высоте, были соединены узкими лесенками, а в боковых ответвлениях росли неожиданные в центре города хуторки с огородами, курами, цепными собаками. В одном из полуподвальных окон - всегда одном и том же - кто-то невидимый густо дышал ниже уровня земли.

Потом выходили на улицу. Отсюда, в конце крутого спуска, уже близко виднелся порт, хлебная гавань, шары на вышке метеослужбы. Над этим запутанным миром нависала и как бы непрерывно надвигалась темно-синяя стена моря.

III

Я часто вижу их обоих, старика и мальчика, в этот тихий утренний час - вижу почему-то всегда сзади, со спины, и немного сбоку. Деда довольно высок и худ; одет он чисто и - для старика - даже щеголевато.

Мальчик, конечно, без "кепи". В руках у них по "баяну" - так называют емкость для рыбы, дощатый гибрид саквояжа и ящика. Я слышу их голоса - подходя к причалу, они обсуждают детали будущей рыбалки. На "Форели" есть запас соленых рачков, Деда захватил отличную наживку для камбалы или "кнута" - бычье сердце, нарезанное мелкими кубиками, - но этого, если пойдет настоящий клев, может не хватить. Они оба всегда надеются на какой-то небывалый клев, причем старик даже больше, чем девятилетний мальчик, - он азартней и суевернее. Мне хорошо известно, что в конце концов они решат доловить свежих рачков возле дока. Я знаю, чего они опасаются, - Барту, старый напарник Деды, может, как всегда, опоздать. Я вообще знаю и старика, и мальчика очень хорошо, потому что этим мальчиком двадцать лет назад был я сам. Старика, моего Деду, звали Владимиром Филипповичем Проницким.

IV

Он всю жизнь проработал на судоремонтном заводе в довольно скромной должности. Особых наград не имел, особых взысканий тоже. В общественной работе участвовал умеренно, не писал стихов, не пострадал во время культа личности. Себя он считал и называл маленьким человеком; сейчас я понимаю, что Владимир Филиппович был человеком далеко не "маленьким", но все же обычным. Даже в рыбалке он не достиг вершин: на причале судоремонтного были ловцы куда добычливей. Деду выделяла только доброта, честность и особая черта, которую я не могу определить иначе, чем "большое количество жизни". В свои восемьдесят два года он был полон идей, по разным причинам совершенно неосуществимых: сюда относились замена мотора на "Форели" с Л-6 на Л-12, постройка каюты, покупка двух мопедов для изготовления моторного тандема, наконец, какой-то дальний и всеобщий поход, который предполагалось осуществить вот как: мы нанимаемся на корабль, я юнгой, а он матросом, и плывем. Активность, проявляемая Дедой при выполнении этих планов, аналогию с Маниловым исключала; кстати, каюту на "Форели" он действительно сделал. На него очень сильно воздействовала музыка - до слез. У него были небольшие быстрые глаза и крупный, мясистый, жизнелюбивый нос.

Глядя на определенную категорию юнцов, волооких, с растянутой вялой речью, я по контрасту часто вспоминаю Деду. В механике известны законы сохранения энергии, количества движения или импульса, момента импульса... Деда сумел сохранить "количество жизни", которое было ему отпущено, до глубокой старости. Удастся это немногим: это не механика.

Я хорошо помню, как мы с Дедой в последний раз поднимали "Форель". Была осень; листья деревьев по дороге на причал уже приобрели грубую окраску виноградных выжимок. На причале передвижной кран скрипел, одну за другой подцеплял лодки, их длинные тела плыли по воздуху, и странно, как в нырке, было смотреть на влажные днища фелюг и шаланд снизу вверх. Потом совершила перелет, легла на землю и "Форель". Киль еще блестел от соленой влаги; высыхая, он становился зеленоватым, как старая бронза. Такой цвет всегда приобретает от долгого пребывания в море краска "ХВ", в которую, чтобы днище не обрастало, добавлен яд. Этот неестественно сухой, шершавый цвет был цветом сработавшего яда.

Зимой Деда умер. В последние дни он почти непрерывно твердил какое-то короткое слово; сначала домашним казалось, что старик просит пить. Но это было другое, хотя и очень похожее, слово: "Жить".

V

Я никогда не забуду Деду. В детстве меня многому пытались научить - в частности, английскому языку. Сейчас остался лишь намек на правильное произношение, словарный запас весь выветрился. Объясняться по-английски я не могу; но если говорит кто-то другой, начинаю кое-что понимать. Вернее, вспоминать. Деда учил меня морю. И не его вина, если потом я забыл эту науку почти так же твердо, как английский язык. Через двадцать лет я вышел в море на другой лодке, с другим капитаном. Я должен был начинать все заново.

Но кое-что все-таки осталось: намек на правильное произношение. Знакомство с яхтой, с парусами и Данилычем только начиналось; но море мне нужно было не узнавать - скорее припоминать. И, вспоминая море, я не мог не вспомнить Деду.

Глава 5 Вокруг мыса Горн и далее

I

13 июля, утро. Все еще Черноморск.

"Мечта" пока не нашлась. Застряли мы тут, похоже, надолго. С легких рук Ильфа и Петрова все привыкли: "Черноморск" - литературный псевдоним Одессы. Между тем город с таким названием - географическая реальность. Адрес: северо-западный Крым, бухта Узкая.

На берегу еще не был. Слово Сергею.

Небольшой городок, недавно потерявший унижительное окончание "-ое", еще не совсем оправился от этой потери. На задворках нового, пахнущего краской центра сохнут рыбацьи сети. В пределах одного квартала сосуществуют суд, прокуратура, милиция и бар, что чрезвычайно ускоряет делопроизводство. На двери закрытого пивбара объявление, выдержанное вполне в духе Ильфа и Петрова: ПИВА НЕТ. НА ПЛЯЖЕ, В БОЧКЕ - КВАС.

А хорошо бы написать ответный плакат-объявление, и стать с ним напротив, и гордо багроветь под вопросительными взглядами прохожих, и чтобы над головой развевался кумач со словами:

ПРОШУ МНЕ НЕ УКАЗЫВАТЬ!

Примечание соавтора: у меня есть знакомый, которого обижают надписи в подворотнях "Туалета нет". Объясняет он это так: мне, может, и не нужно вовсе, чего они лезут?!

Хамские у нас объявления.

Причем в основном - из-за слова "нет"

09.30. Данилыч опять ушел на заставу. Выхода нет.
10.00. Ни выхода, ни Данилыча.

Позавтракали ухой. Сытна рыбацкая юшка невероятно. Съели едва треть, остальные две трети (ведра) стынут на ветерке. Белуга себя оправдывает. Плохо, что холодильника нет.

Дежурит нынче по камбузу матрос Нестеренко. Дежурство начал с того, что: а) попросил у меня (!) разрешения взять примус, чтобы на стоянке не тратить баллонный газ;

б) потребовал раскладку продуктов на день. "Ты же начальник, боцман!" Посмотрел на него внимательно: нет, не издевается как будто. Единственный на борту, кто относится к моему боцманству всерьез. Человек-загадка.

А чай, между прочим, Саша заваривает гениально. Кто бы мог подумать.
11.00. Не-ту. Нет выхода.

На борту в настоящий момент я один, остальные разбрелись. Только что провел диалог с вахтенным соседа-сейнера. Они возле причала, оказывается, уже неделю сидят. Я возьми да и спроси - почему?

РЫБАК (энергично): Потому что капитан козел! И старпом козел. Два козла! (Сплевывает за борт, выражает неудовольствие. Невольная смысловая пауза).

Я: Понял. А почему они... вот такие, как вы говорите?

РЫБАК: Жадность. Жад-ность. (Продолжает выражать неудовольствие)

Пауза.

Я: Не понял.

РЫБАК: Ты же одессит? Тетю Нюру знаешь?.. Знаешь! Она у вас в Одессе мороженое продает.

Я (поразмыслив): Ну знаю.

РЫБАК: Ну вот. Взяли мы красной рыбы. Ну, много взяли... Ну, козлы!!!
Пауза.

Я: А тетя Нюра что?

РЫБАК (эпически): Приходим сюда. Надевает капитан халат, надевает старпом такой же белый халат. Белые колпаки эти двое козлов надевают. Быстро, говорят, мы быстро!.. Идут на базар, становятся за прилавок, начинают сами рыбу толкать. Скажи, ну кто так делает?!

Я: А как надо?

РЫБАК: Да походи спокойно тете Нюре сдай! Мы всегда так делаем.

Я: А козлы?...

РЫБАК: Под следствием. На втором осетре сыпанулись. Стой теперь на приколе из-за них, как "Аврора".

Долгая пауза. Действующие лица расходятся.

Занавес.

Мораль: надо будет с тетей Нюрой познакомиться.

11.40. Дали выход! Дали!

II

Дописываю уже вечером. "Гагарин" - в Евпатории! Темнота, тишина, южный запах берега. Фонарик как бы чадит: батарейки сели. Беда в том, что на стоянке записываешь всякую чушь, а в море, когда есть о чем, времени не хватает.

Запоминается же морской переход эпизодами; от них, хвостиками, все остальное. Постараюсь придерживаться.

Эпизод первый. Крещение.

Кстати: когда нашлась "Мечта" и нашлась ли - пограничники нам не докладывали. Просто выпустили. В море вышли около двенадцати.

В буквальном переводе Тарханкут означает "чертов угол". Эта западная оконечность Крыма разделяет районы моря с разным направлением течений. Назло метеорологам здесь дуют капризные, непредсказуемые ветры. Возможны шквалы. Нередки туманы. По совокупности этих милых качеств Тарханкут иногда называют "мысом Горн" Черного моря.

На подходе качка была не килевая и не бортовая - винтовая. Ветер западный, а волны - с норда. Корму "Гагарина" заваливает набок, скрипят блоки, мачты чертят на облаках тошнотворные фигуры неевклидовой геометрии... Берег: прокаленная солнцем степь обрезана хмурой стеной. Видны гроты, выбитые волнами в сером камне, видны и взлетающие вверх брызги. Это - мыс Прибойный; потом из-за его богатырских плеч выползает "сам" - Тарханкут. Длинный узкий язык коварно спрятан, замаскирован скалами: "мыс Горн" низкий, или, как с морской прямоотой написано о нем в лоции, "низменный".

Обогнули мы Тарханкут на почтительном расстоянии, и все же... Перемена не просто резкая - попадаешь в другое море. Ветер дернулся и вдруг затих. Волны сбило встречным течением. Вода из мутно-зеленой сделалась кристальной; в голубой безмятежный расплав вкраплены, как пузырьки в янтарь, прозрачные люстры медуз.

- Впервые "Горн" огибаете? - спросил нас Данилыч.

Мы с Сергеем признались: впервые.

- Раз такое дело - вали паруса, Даня! Будем крестить.

Тут был один нюанс (в транскрипции капитана "уанс"). Морское крещение сопряжено с купанием, а купаться с яхты, в открытом море, почему-то запрещено. Запрет, естественно, умозрительный: как раз в открытом море нарушение можно засечь только со спутника. Однако сейчас "Гагарин" находился в зоне видимости береговых служб.

- Это будут учения по спасению утопающего, - решил капитан. - Боцман тонет, судовой врач спасает... - За борт полетели круг и спасательный буюк. Несмотря на сопротивление, тело "утопающего" было предано воде.

- Тону! - от души вопил я. - Тону, спасите!!!

- Достаточно, вот оно: мы тебя не слышим. Твои действия?

Я подтянул буюк и зажег укрепленный на его верхушке фонарь. При солнце свет был едва различим: предполагается, очевидно, что за борт мы намерены падать по ночам.

- Вот оно; теперь спасательная команда... - За борт полетел Сергей. Не проявив интереса к тонущему, спасатель нырнул.

Я последовал за ним. Вода у Тарханкута недаром славится прозрачностью. Виден каждый камешек далекого дна; сверху, как дирижабль на безоблачном небе, парит "Гагарин". Днище уже немного обросло; в шелковистом серо-зеленом мху сидят воздушные пузырьки, киль напоминает плавник, и весь выпуклый живот яхты кажется теплым от скользящих солнечных бликов.

Мы вынырнули, слегка задыхаясь, возле борта. Даня посмотрел на сияющее лицо Сергея и без лишних слов стал раздеваться.

- Они крестятся... а ты куда? - спросил капитан.

- А ше такое? - мастер по парусам уже в воде.

Это было чудесное крещение. Данилыч выкинул за борт длинный конец, поставил кливер, и "Гагарин" тихо плыл, удаляясь от берега. Уцепившись за веревку, мы полоскались в кильватерной струе - ситуация вроде "матросской стирки", только вместо робы очищается сам владелец. Поток упруго обтекает тело. Слышится всплеск: даже Саша не утерпел.

- Вылазьте! - в третий раз кричит Данилыч.

В ответ мы ныряем; пытаюсь под водой догнать яхту, отстаю, едва успеваю ухватить кого-то за ногу - кажется, Сергея...

- ...лишу благословения! - проникает под воду голос "крестного отца". Выбираемся на яхту. Данилыч торжественно читает Лоцию Черного моря. "Предупреждения мореплавателям", повторенные двумя голосами, звучат как клятва. Преклонив колена, целуем угол стакселя. Капитан кропит нас соляжкой и поздравляет со вступлением в парусное братство "мыс Горняков".

- Руль на ветер! Грот набивают новички.

Второй запомнившийся эпизод дня. Парусное учение плюс "Мечта" плюс матрац. И минус уха. Все это - уже под вечер, уже на подходе к Евпатории. Обстановка: попутный ветер посвежел баллов до четырех. Берегов не видно, но ориентир впереди прекрасный - большой радиотелескоп Южного космического центра. Огромная, неправдоподобная чаша лотоса; поскольку знаешь ее назначение, возникает еще одна ассоциация - ухо. Ухо, висящее над горизонтом. Говорить невольно хочется потише.

Вот-вот должен открыться Евпаторийский мыс. Даня в качестве впередсмотрящего высматривает маяк.

Саша на камбузе, остальные (то есть мы с Сергеем) под руководством Данилыча только что отработывали повороты фордевинд и байдевинд, а в настоящий момент учимся рулить.

Паруса раскинуты "бабочкой", по разные стороны от курса.

Читая книги по яхтенному спорту, можно научиться почти всему: вязать узлы, прокладывать курс, определять местоположение по звездам... Управлять яхтой, когда она идет под парусом, по книгам научиться нельзя. Принципы управления просты - не дергать руль, следить за ветром, упреждать рыск - обычные принципы исполнительной власти. Но все это нужно почувствовать: выжидаешь момент когда парус заберет ветер, даешь немного воли... еще немного, яхта должна повернуть, будто ты зазевался... сам должен повернуть, "вот оно", не выдерживает даже Данилыч, но ты отпускаешь еще немного, сейчас и вправду будет поздно, бизань уже хочет заполоскаться... и мягко, вкрадчиво отжимаешь румпель вправо. Игра, увлекательная игра. Вот Сергей и

заигрался.

- Прямо по курсу - предмет! - доложил Даня. - Плоский, одноцветный и плавает.

- Не дури, сынок, - посоветовал Данилыч.

- Есть не дури! Но оно плавает. Вроде на буюк похоже.

- Сорванный с места навигационный буй, - послышался из камбуза Сашин голос, - ложится на воду плашмя и должен казаться двухцветным.

- Есть казаться двухцветным! А если не кажется? - Даня хихикнул. - Ой, понял я! Это днище "Мечты". Она не потерялась, а перевернулась.

Лучше бы он этого не говорил. При упоминании соперника Сергей, стоявший на руле, не выдержал. Пространство перед ним закрывали паруса; судовой врач привстал, присел - все равно ни черта не видно - и, не отпуская румпеля, потянулся в сторону.

- Голову!!!

Что-то резко хлопнуло. "Гагарин" накренился, Данилыч нырнул под гик бизани, перелетевший с правого борта на левый, схватил руль, вернул яхту на прежний курс... Но было уже поздно. Шишка, взбухшая на повинной голове Сергея в результате контакта с гиком, никого особенно не взволновала. Случилось нечто худшее. Белужья уха! Ведро, как известно, стояло в теньке, на ветерке, на палубе. Оно пережило винтовую качку У "мыса Горн", но последнего маневра оно не выдержало. Оно перевернулось.

Минута молчания. В воздухе - дивный аромат; слышно, как журчит юшка, стекая сквозь шпигаты в море.

- Хоть рыбу соберите, - тихо говорит Данилыч. - Палуба чистая...

Мы кинулись подбирать куски белужьего мяса.

- Вижу-уу! - вдруг протяжно закричал Даня. Он по-прежнему не отрывался от бинокля. - Предмет распознан! Надувной матрац! Черт с ней, с ухой!

- Сбить паруса! Матрац за бортом!

На этот раз спасательная операция проведена четко. Через минуту матрац лежал на палубе, на нем самом - Даня, и радость даровой поживы почти компенсировала потерю уха. Один Сергей никак не мог успокоиться.

- Как же так?! Чего не смогли сделать ни ветер, ни волны, я сотворил сам, своими руками!

- Ибо человеческая глупость сильнее слепой природы, - я хлопнул корабельного хирурга по плечу. Данилыч резюмировал происшедшее словами:

- Поздравляю, господа. Теперь, считайте, мы по-настоящему в Крыму!

Капитан был прав. Колумбу весть о близости земли принесли птицы; матрац же в открытом море свидетельствует о близости берега не простого - курортного. Путь по глухим заповедным уголкам Черного моря завершен.

Остаток перехода - без приключений. Ошвартовались в евпаторийском яхт-клубе. Да, здесь уже "настоящий" Крым. По набережной слоняются тысячные толпы. В воде мокнет очень много женщин, детей и надувных матрацев. Музыка, визит любопытствующих яхтсменов.

Между прочим, Саша умеет быть галантным. Кто бы мог подумать. Когда набережная уже затихла, ночью, к причалу подвалил белоснежный пассажирский лайнер. Одессу он покинул всего полсуток назад. На этот же путь мы затратили долгих пять дней.

Быстрота и комфорт современного флота не вызывают у меня зависти. Машины экономят время. Эти пять дней я не согласился бы сэкономить. Хотя, конечно, есть "уансы". Дописываю страницу и поджидаю Данилыча: погранзастава на другом конце города. Хорошо хоть круглосуточно работают.

Вернулся Данилыч. Новости: выход на завтра есть. Вторая новость странная: "Мечта" ушла из Евпатории позавчера и, следовательно, опережает "Гагарина" на три переходо-дня. Где же она, с позволения спросить, "терялась"? Перед сном мы с Данилычем скатили палубу (остальные давно спят), и шпигат забила белужья кость. Экзотика!..

III

14 июля, ветер слабый. Переход Евпатория - Севастополь.

Из путевых записей Сергея.

Евпаторийцы встают рано. Будят их приезжие, которые встают еще раньше. Из воды доносятся крики купающихся, проходящие гамму от "ух, холодно!" до "эх, хорошо!". Включается громкоговоритель: "Граждане, покиньте территорию яхт-клуба!" Звучит трель заступившей на дежурство милиции. На пристани заводят Аллу Пугачеву. Вступает второй громкоговоритель: "Катер "Фиолент" отправляется на морскую прогулку... катер "Фиолент"..." Наконец - басом: "Граждане отдыхающие! Решением горисполкома кормить чаек категорически воспрещается!"

День начался.

Добавлю: а потом все эти звуки покрывает тракторный дизель с воздушным охлаждением.

Вообще-то характеризовать город его утренней увертюрой - неплохая идея. Одно непонятно, Сергей: где у тебя отражено, что Евпатория - всесоюзная детская здравница? Переход простой. До того простой, что есть время писать о нем. Дельфиний театр. Честь изобретения принадлежит мне: под бушпритом "Гагарина" натянута сеть с крупной ячейей, на нее становишься, когда нужно поднять стаксель. Но она же - естественный гамак. Ложишься лицом вниз, летишь над водой - и наблюдаешь. Без дельфинов, начиная с Тендры, не обходился ни один переход. Сначала это были трехметровые черные афалины, а здесь, у Крыма, - белобочки. Они помельче. Дельфины, между прочим, тоже за нами наблюдают. У них хитрые пороссячьи глазки. Вожак плывет, точно выдерживая курс, перед носом яхты. Когда он выныривает, слышится добродушное старческое пыхтение. Молодежь шалит.

Дальше мне придется пользоваться слогом восторженным. Сошлюсь на авторитет Мелвилла, который определял дельфинов так: "Это - молодцы, несущие ветер".

Это торпеды, заряженные непобедимым жизнелюбием. Самый веселый обитатель суши - очень юный, очень породистый щенок ирландского сеттера - рядом с ними показался бы занудой. Глядя на них, сам становишься дельфином - мчишься в прозрачной воде, все выше и быстрее, к сияющей серебристой пленке, удар хвостом - и я лечу в непривычном сухом мире, где много света, где идет двухмачтовая яхта, где висят в гамаке рядом со мной два человечка; где уже кончается моя дуга и я касаюсь носом воды; где остался только хвост мой - холодеет на ветерке; где уже нет меня, дельфина...

"И если сами вы не издадите троекратного "ура" при виде этих резвых рыб, то да поможет вам бог; ибо вам неведом дух божественного веселья". Так говорит о дельфинах Герман Мелвилл.

- Ты заметил, - говорит Сергей, - они трутся спинами о киль! Представь: у тебя чешется спина, вокруг вода, а вместо рук короткие плавники. Их можно понять! Занятная штука - способность к отождествлению.

А исчезают дельфины всегда внезапно и все вдруг.

11.30. Все-таки до обидного простой переход. От Евпатории до Севастополя 30 миль. Мы уже на полпути. Слева виден мыс с антично-обжорным названием: мыс Лукулл.

Ветра почти нет. Поверхность моря разлинеена - чередуются полосы ряби и масляные проспекты штиля. "Гагарин" скользит по ним плавно, как буер по замерзшему озеру.

Нам, между прочим, это благолепие ни к чему. Расспросил Данилыча и понял: если иметь в виду погоню за "Мечтой", то предпочтительней сильный встречный ветер. "Мечта" - катамаран. Фордевинд и при галфинде (по-русски - когда в корму дует), этот тип судов даст оторваться любой килевой яхте. Оно и понятно: осадка двух ножей-поплавков ничтожна. Поверить трудно, но по спокойной воде - до 30 узлов скорость! Завезли идею катамарана в Европу из Индонезии (на нашу голову) сравнительно недавно, но они уже принимают участие в трансатлантических гонках. Правда, переворачиваются часто ("вот оно", с удовольствием отметил в этом месте капитан).

Теперь - наши шансы. У "Гагарина" киль типа "бульбы". У "Гагарина" тяжелый корпус и широкие щеки спасательного бота. Хорошо принимает волну. Наше преимущество - мореходность. Но ход - узлов до восьми.

Короче говоря, для победы срочно требуется встречный тайфун.

О "рыжем стакселе". Рыжие паруса (точнее, пожарно-оранжевые) - штормовые, из более плотной ткани. У нас в запасе они тоже есть. Рыжий парус над яхтой может быть воспринят как сигнал бедствия. Поэтому ходить под ним постоянно - пижонство.

Поэтому капитан "Мечты" - пижон. И в фуражке с крабом ходит! Тут я с Данилычем согласился.

В целом неясные шансы. При системе "от погранпункта до погранпункта" гонка вообще становится перегоном по этапу. Трамвай должен обогнать трамвай. И все-таки должен.

Данилыч говорит о сопернике не очень охотно, название же катамарана вслух произносить избегает. Спросил его, почему - отвечает уклончиво: "Так... одни

неприятности..." Чепуха, конечно. Уху, правда, мы из-за них вчера потеряли. Что сегодня?

IV

...А вот что. Записываю по горячим следам. На фоне берега уже начала высвечиваться белая россыпь севастопольских домов. Даня - впередсмотрящий (как вчера). Сергей в каюте, Данилыч на руле. Саша на палубе, в позе "лотос"; за кормой в кильватерной струе - его тельняшка ("матросская стирка"). Настроение команды - безмятежное.

ДАНЯ (глядя в бинокль): Вроде вижу... Вроде парус!

Пауза

Я (осторожно): Рыжий?

СЕРГЕЙ (из каюты, голосом громче человеческого): Что, "Мечта"?! Где?! Меня подождите! (Показывается в люке.) Где "Мечта"?

Данилыч морщится. Все вопросительно смотрят на Даню.

ДАНЯ: Вообще-то не рыжий... ше такое?? Вообще-то черный...

САША (в позе "лотос"): Черных парусов не бывает.

ДАНЯ: Ну серый... Ой, знаете ше? (Смеется.) Это ж не парус! В жизни не догадаетесь!

Я (выражая общее мнение): А мы и не собираемся.

ДАНЯ: Я ж за парус принял рубку, честное слово! Подводная лодка это. (Весело.) Прямо на нас прет!

Теперь и невооруженным глазом был виден стремительно растущий стальной плавник. Корпус угадывался по ореолу пены. Никогда не думал, что в непогруженном состоянии подводные лодки способны передвигаться с такой скоростью.

- Атакующий кашалот анфас... - пробормотал Сергей.

- У кашалотов на спине плавника нет... - это, конечно, Саша. Данилыч безмятежно машет рукой:

- Существуют правила морской вежливости, вот оно. Мы идем под парусами, все должны нас пропускать. Она у нас по корме пройдет.

- Лучше бы не по корме. Лучше бы за кормой.

- За кормой?! - Саша, путаясь в полураскрывшемся "лотосе", делает попытку встать. - Тельняшка там!

- Или нырнет, вот оно. В конце концов, кто из нас подводная лодка?

- Сейчас видно будет! - захохотал Даня. Меня тоже разобрал нервный смех. Гул мотора. Подлодка пронесется за кормой. Вид рубки в профиль. На короткой сигнальной мачте взвился красно-белый флаг.

ДАНИЛЫЧ (спокойно): Вот оно! Они нас приветствуют. Посмотри, Сергей, что этот флаг означает.

СЕРГЕЙ (ныряет в каюту, достает книгу "Судовождение", листает): Красно-белый, так... Это знак "имею на борту лоцмана"!

ДАНИЛЫЧ: Не понял. (Обиженно.) Мы в лоцмане не нуждаемся.

СЕРГЕЙ: Так... Вот еще похожий флаг. Означает..., букву "у"!

ДАНЯ: У них гудок не работал, вот и подняли: у-уууу-уу!

САША (застенчиво, ибо сосрить пытается впервые в жизни): Они хотели просигнализировать "У-й-д-и-с-д-о-р-о-г-и", но успели только первую букву...

Пауза. Сергей наконец определяет: это был флаг "вы опасно идете". В данном контексте - окрик "куда прешь".

ДАНИЛЫЧ: Даю слово, вот оно: подходя к Севастополю, в другой раз буду знать морскую азбуку!

СЕРГЕЙ (торжественно): Клянемся: "Мечту" всуе не упоминать!

ДАНЯ: Военно-морской вежливости не доверять!

Я: На простоту перехода не сетовать!

ВСЕ ЭКИПАЖ, ХОРОМ: И всегда уступать дорогу подводным лодкам!..

У

Больше всего в Севастополе мне понравились пограничники. Хамской этой фразой я пытаюсь оттянуть нелегкое для одессита признание. А именно: самый красивый город на Черном море - все-таки Севастополь. Даже новостройки, разбросанные по берегам фиолетовых севастопольских фьордов, не кажутся стандартными. Город чист и подтянут; в нем смешаны строгая парадность военного марша и дух романтики.

Но и пограничники здесь хороши. Севастопольская застава работала четко. Зеленую калитку отворил сержант - юный и образцовый. Он приказал подождать две минуты, взял папку с документами, ушел и вернулся ровно через две минуты.

- Приход отмечен. Когда намерены отходить на Ялту?

Я начал бормотать какие-то цивильные глупости - "это зависит от вас", "хотелось бы с утра...".

- Конкретней. В четыре ноль-ноль? В пять ноль-ноль?

Я бормотал. К счастью, выручил Саша:

- В пять. Ноль-ноль.

- Есть, - пограничник облегченно вздохнул. Дальнейшие недолгие переговоры он вел с матросом Нестеренко. Я любовался: это была достойная пара. Саше пошла бы военная форма.

- Ясно. У меня все, - подытожил сержант,. - Завтра в пять выпускающий будет в Камышовой.

И калитка захлопнулась. За ней стыла военная тишина.

Камышовая бухта - место новой стоянки "Гагарина". Семья Кириченко - на борту: обеспечивает солянку. Сергей взял на себя покупки, я - пограничников. Треугольник

береговых проблем становится привычным. Вы немного отдохните, как говорит Данилыч, а потом... За этими словами следует приказ, который надо выполнять немедленно.

А Саше, разумеется, нужно было на почтамт, и мое счастье, что застава оказалась недалеко.

Письма "от матери" он и здесь не получил. Я, кажется, начинаю догадываться, в чем состоит секрет матроса Нестеренко. Не так уж это сложно. На выходе из почтамта - какая радость! - столкнулись с Сергеем. Судовому врачу удалось купить фотопленку. До заката оставалось два часа личного времени и самый красивый (повторюсь) город на Черном море.

Нас затрясла туристская лихорадка. Успеть в Панораму, на Графскую пристань, в Морской музей, не забыть про Аквариум... Хотелось после моря и простых человеческих радостей. Хотелось пива. Хотелось прожигать жизнь мороженым.

Существует два способа сокращенного осмотра городов. Можно сесть на лавочку и философски разглядывать прохожих. Можно составить список достопримечательностей и перейти в галоп. К сожалению, мы избрали второй способ. Мелькали бастионы. Сыпалась скороговорка экскурсоводов. Появился и исчез из поля зрения памятник затопленным кораблям. Саша купил карту-схему города и со свойственной ему пунктуальностью ставил на каждом осмотренном пункте крест. Мы чувствовали, что делаем что-то не то, но остановиться уже не могли. Константиновский рavelин мешался с Малаховым курганом. Здесь бы не промчаться и взглянуть, а остановиться и подумать; но как раз на это не хватало времени. Мы бежали по улицам, залитым абрикосовым вечерним светом, и не замечали их красоты: до закрытия Панорамы осталось полчаса.

Я чувствовал какую-то особо гадкую усталость. Груда сухих путеводительских фактов росла. Голова гудела, кроме того, мы не пообедали; хотелось есть. Навстречу прогарцевал табун экскурсантов. В зубах гида был закушен ячменный корж. Отрезвил нас Аквариум. Здесь тоже была суета; толпа, оглушенная собственным гомоном, двигалась по часовой вокруг бассейна, где безнадежными кругами - против часовой - плавал скучный долговязый осетр. За стеклами томилась рыба мелочь. Как и во всяком зоопарке, здесь экспонировалась не живая - полуживая природа. Для посетителей, знакомых с пляжным морем, это экспонируемое море сходило за чистую монету; но мы, пожалуй, к таким посетителям уже не принадлежали. Усохшее чучело дельфина ничем не напоминало полнокровных красавцев, которые еще утром резвились вокруг яхты.

- Идите сюда! - неожиданно позвал Саша. Перед аквариумом с большой океанской черепахой стояла девушка. Она вела по стеклу ладонью; черепаха медленно, важно следовала за рукой, вытягивая морщинистую шею, и что-то как бы выговаривала узкой щелью рта. Ее прищуренные глаза внимательно и ласково смотрели на девушку. - Милая... добрая... - шептала девушка черепахе. Поглощенные игрой, они никого не замечали: вокруг них, среди бесцельной суматохи, пролегалась невидимая линия тишины.

- Черепаха океанская, - прочитал Саша.

- Хорошая девушка! - вздохнул Сергей. И туристское безумие вдруг отпустило. Больше мы никуда не спешим. На улице вечер, теплый и мягкий. По бульвару у

Графской пристани идет чинное военно-морское гуляние. Мелькают светлые кителя моряков, тихо смеются красивые, хорошо одетые женщины.

Солнце садится в море на выходе из бухт. Рядом с огромным красным диском виден статный силуэт военного корабля. Закат на фоне линкора строг. Сергей Щелкает "Зенитом", Саша спрашивает, почему наше светило, находясь у горизонта, краснеет и увеличивается. Мы же, кажется, физики?.. Из Артиллерийской бухты вышло еще одно судно и плавно понеслось на запад, к солнцу и своему товарищу в море. - Пора домой, - наконец нехотя сказал я и впервые поймал себя на том, что называю "домом" яхту.

VI

15 июля. Вместо "пяти ноль-ноль" пограничник выпустил яхту из Камышовой в половине четвертого.

У капитана есть странный обычай: самое раннее время суток он называет "девятью часами утра".

- Вставайте, уже девять, вот оно. Море не ждет. Дома отоспитесь, вот оно. При этом спросонья кажется, что тебе в лоб забивают гвоздь. Нужно сказать, что на Даню и Сашу капитанские методы не действуют. Подняв нас с Сергеем, от матросов Данилыч вынужден был отступить и, уважая всякий труд, выполняемый профессионально, констатировал:

- Спят сильно. Студенты, вот оно!

Траверз мыса Херсонес прошли еще затемно. Слабый утренний бриз. Туман. Не "светает", а туман светлеет. Туман южный, летний, розовато-лиловый. Сквозь него и над ним - высокая линия скал. Показалась краюха солнца.

Звуковой лейтмотив восхода - слово "мористей", его то и дело выкрикивает Данилыч. Мористей!..

Перехода вдоль Южного берега Крыма мы ждали давно. В ясную погоду Яйла видна еще из Евпатории. Синяя кромка плато притягивает. Горы растут из моря; не знаю, есть ли на Земле место, где эти две стихии сходятся вот так - вплотную. С этими местами для меня связаны альпинистские воспоминания. Уже давно я просил:

- Данилыч, давайте ближе к Яйле пойдем! Глубины позволяют.

- Позволяют, - соглашался капитан. - У берега и пойдем.

- Понимаете, яхта - единственный шанс! Все эти прогулки "по Крымско-Кавказской" - они далеко слишком ходят. Маршрутов не разглядишь...

- Разглядишь, - обещал мне Данилыч. - Глубины позволяют. И вот раннее утро, Фиолент, черное ущелье Балаклавы... Громады скал выплывают из дымки как розовые айсберги. Красота непривычная, гипертрофированная, действует вроде допинга. На палубе все возбуждены. Данилыч без всякой надобности щупает паруса. То и дело звучит приказ "мористей", ибо я в забытьи веду яхту на берег. Сергей твердит, что открыл новый вид навигации - без карты, по одной лоции; он читает лоцию вслух, нараспев, как сагу. По-моему, открыт новый вид не навигации, а литературы; для нас, во всяком случае.

Фиолент. Айя. Не географические названия мысов, а звуковые символы утопающих в фиолетовом тумане скал. Произносишь - "Кикинейз" - и во рту возникает вкус винограда; "Сарыч" и "Дзиба" перекатываются, стынут на языке, как клички хищных птиц; и медным колокольным благовестом накрывает царственное имя "Меганом".

Вся эта восточная пышность в лоции уравновешена сдержанным тоном описаний. Они прежде всего точны. "При подходе с норд-веста мыс Фиолент имеет вид седла. У его оконечности лежит приметный камень, похожий на грушу... вблизи долины на берегу видны белая осыпь и отвесный треугольный обрыв..." Сергей читал, и мы видели: верно! Книга разворачивалась по левому борту, оживала и подтверждалась по мере движения вперед. Удивительное чувство: будто творишь, по описанию воссоздаешь Крым.

- Освободи бинокль, боцман!

- Погоди... - Мористей! Что ж ты делаешь?!

- Погодите... маршрутов не видно...

Из путевых записей Сергея.

На траверзе бухты Ласпи оторвать Баклашу от бинокля стало окончательно невозможно. Где-то в этих местах он когда-то залез на стенку. - Именно тут я заработал радикулит! - Альпинист сиял, будто заработал не радикулит, а орден. Застрять посреди скалы ночью, в январе месяце, называется "поймать холодную". Когда на голову падает камень, считается, что на тебя "спустили чемодан". Термины типа "поющего крюка" непонятны. Лично меня горные радости как-то не привлекли. Умный в гору...

Сколько я выслушал, сколько читал ответов на вопрос "зачем вы лезете в горы" - и не было среди них ни одного убедительного. По-моему, сам вопрос лишен смысла. Умный в гору не пойдет, это ясно.

Но у меня такое ощущение, Сергей, что умный и на яхте не пойдет.

11.00: на подходе к Ялте. Штиль. Матросы наконец поднялись. На траверзе мыса Кикинейз горы отодвигаются от моря. Красоты здесь уже общеизвестные, кипарисно-курортные. Берег все пышней расцветает дворцами, зеленью, ароматом южных цветов. Все гуще покрывает пляжи красно-коричневая сыпь. Это тела сотен тысяч отдыхающих. Прекрасная земля хворает многолюдством; напротив Алупки столько яблочных огрызков в море, будто здесь только что съели целый сад.

- Неизбежные отходы цивилизации, - формулирует Саша.

- Какая там цивилизация, вот оно! Мусор не надо в море выкидывать! Засиженный Эдем.

До Ялты час ходу. Сергей нервничает:

- А вдруг нас прямо сегодня на Феодосию выпустят?

- Отлично будет, - бодро откликнулся Данилыч. - Сразу и пойдём.

Судового врача такой вариант не устраивал. Я-то знаю, в чем дело: в Одессе Сергей не успел получить отпускных. Наш общий знакомый, Игорь Шевченко, должен был взять деньги по доверенности и привезти в Ялту. Игорь в Ялте уже два дня, Сергей

ему звонил, но успеет ли встретиться? Немедленный отход на Феодосию грозит финансовым крахом.

- М-минуточку! Дело в том, что нас обещали встретить... - Сергей начал капитану что-то вполголоса втолковывать. Не знаю, не знаю... По части продвижения вперед Данилыч беспощаден.

У него есть особая теория: "идти, пока идется".

Оправданием спешки служит погоня за "Мечтой". Данилыч не похож на Вольтера, но если б соперника не существовало, капитану следовало бы его выдумать. Вот и сейчас я вспомнил - и заволновался: что-то давно о них ничего не слышно, о массовиках-затейниках. Может, опять "потерялись"? Нет, пока не обгоним - покоя не жди. А вообще-то есть нечто привлекательное в образе нашего врага, нечто опереточное. Где захотели, там стали. Пограничники нипочем, при попутном - тридцать узлов. Летуны, пижоны, а все-таки завидно. У нас посуровей.

Саша, например, посуровей. Хотя и к нему я с некоторых пор лучше стал относиться. Начал его понимать.

Шерше ля фам, разумеется: не от матери он писем ждет. Подумайте о могучей силе чувства, способного выгнать в море человека с характером юного бухгалтера!

Подумал. Должен сказать, что механизм этой гипотетической любовной истории мне пока непонятен. А Даня, хитрюга, все знает!

О нашем дневнике. Пора бы подвести некоторые итоги.

Ясно, что все записать мы хронически не успеваем. Нужен более тщательный отбор фактов. Об отобранном - подробней.

Второе (и главное). Не потерять бы особое настроение праздничности будней, в нем суть путешествия. О смысле (это не то же самое) потом рассуждать будем. Сейчас важно сберечь свежесть профана.

Тут я, правда, понимать как раз перестал: мы кто, путешествующие профаны или уже не очень профаны?.. Сам для себя не меняешься; тут требуется взгляд со стороны.

Переговоры судового врача с капитаном закончились, яхта сбавила ход. Точно не знаю, что наговорил Сергей, но Данилыч, похоже, ожидал в Ялте встречи на высшем уровне.

- И по телевизору нас покажут?

- Этого не обещали, - краснел Сергей, - а фотокорреспондент Шевченко будет. - Тогда нужно, чтоб у нас был приличный вид. Возьми швабру и еще разок скати палубу. Проклинаю свою болтливость, Сергей брал и скатывал.

Мы всячески тянули время: протащились вдоль Ай-Петри, проползли мимо Ласточкина гнезда и долго стояли на рейде, зачем-то пропуская выходящие из порта суда. Потом все корабли в порту кончились. Новых поводов для задержки не нашлось, и около двух часов "Юрий Гагарин" медленно вошел в Ялту.

Глава 6 Материалы Ялтинской встречи

I

Когда яхта проходила мимо маяка, откуда-то сверху зазвучал торжественный голос:

- На "Юрии Гагарине"...

Что именно на "Юрии Гагарине", расслышать не удалось, однако Данилыч кивнул и сказал:

- Все ясно. Швартуемся к крану.

Возле причала стоял понтон, придавленный ажурным металлическим сооружением. Размерами и формой сооружение напоминало дипломный проект начинающего Эйфеля.

- Простите, это кран?

- Кран, - подтвердил вахтенный. - Но только мы через двадцать минут отходим.

- Плавучий кран номер такой-то через двадцать минут отходит, - подтвердил в рупор чей-то бас.

- Чего привязываетесь, мальчишки? - кокетливо спросила, выглянув из камбуза, молоденькая повариха. - Мы все равно минут через двадцать отойдем.

- Швартуемся, - приказал Данилыч. - Много говорят. Никуда эта плавучая лебедка не денется.

Капитан, как всегда, был прав. В течение дня к нам подходили матросы, электрики, ответственные за крюк и заведующие левым поворотом стрелы в штормовых условиях. Каждый нес - весть о скором окончании срока, после которого кран обязательно отдаст концы. "Гагарин" спокойно простоял возле "плавучей лебедки" почти сутки.

II

- Где же корреспонденты? - спросил Данилыч, как только петля была наброшена на кнехт крала. - Звоните в редакцию.

Игорь Шевченко с женой Леной и дочкой, трехлетней Танечкой, обитал на квартире двоюродной тетки. Звонок "в редакцию" оторвал семью от еды.

- Это наши яхтсмены! - крикнул Игорь, и в дальнем конце трубки немедленно отреагировали:

- Дяди с кораблика просят, чтобы ты съела еще ложечку.

В материнском голосе звучало искреннее убеждение, что "дяди с кораблика" именно для этого прибыли в Ялту.

- Мы быстро! Через полчаса будем у вас.

- Захвати фотоаппарат, - предупредил Сергей.- Ты - корреспондент. Лена с телевидения, а ребенка одолжили для кинопробы фильма "Юрий Гагарин и дети".

Запомнил?.. Как зачем? Вас иначе на территорию порта не пустят, - судовой врач бросил трубку. Я назвал его вруном; Сергей снисходительно напомнил - мы рождены, чтоб сказку сделать былью, - сбегал к начальнику морвокзала, еще куда-то... Через десять минут на проходной порта лежал пропуск: "корреспонденты Шевченко (3 чел.)".

Я не слишком удивился. Когда-то, еще будучи студентами, мы всей группой летели в Ереван на "день физики", летели окольным путем, через Киев, ибо билетов не было; и застряли ночью в Борисполе. Все покорились, задремали в креслах зала ожиданий, а Сергей ушел. До сих пор помню, как меня разбудило объявление: "...под руководством Осташко. Повторяю: на посадку приглашается группа баскетболистов под руководством Осташко".

Это - лишь один из возможных примеров. Иногда суперодессизм Сергея меня даже раздражает.

Когда мы вернулись на яхту, оказалось, что Данилыч успел о корреспондентах забыть.

Капитан побывал у пограничников. Снова, как в Черноморске, он завел нас в каюту и прикрыл люк.

- Меня вот о чем предупредили... В Ялте какие-то контрабандисты орудуют. Хотят захватить плавсредство и в Турцию прорваться. Фамилия главаря Демин, вот оно... Тут у каждого из нас нашлось по знакомому Демину. Стали гадать, кто из них мог достать товар, которым заинтересовалась заграница. Оказалось, что все. - И еще мне сказали, - продолжал капитан, - чтоб мы рыжий стаксель не вздумали поднимать.

- Как рыжий стаксель? При чем тут...

- Сам не понимаю. Какой-то катамаран из Ялты вчера вышел, вот оно... больше ничего не хотели говорить...

Я ровным счетом ничего не понял; Сергей тоже. То ли "Мечта" в перерывах между концертами занялась контрабандой, то ли ее угнали в Турцию, то ли собираются угнать... Какая-то чепуха с налетом мистики, характерная для образа нашего врага; а выход на завтра дали... В крышу каюты постучали, низкий голос прохрипел: "Хлопцы, моя фамилия Демин, подбросьте, хлопцы, до Стамбула!" - и в люк просунулось веселое лицо Дани. Мастер по парусам спешил на танцы.

С берега замахали: приближалась семья Шевченко. На шее Игоря висел фотоаппарат. Обе дамы - трех и двадцати пяти лет - были в ярких футболках, сливавшихся с видом на ялтинскую набережную. Мы познакомили капитана с "корреспондентами", и Данилыч уселся на корме, положив руку на румпель. Он явно позировал.

Шевченки, однако, глядели только на нас с Сергеем, глядели как-то странно.

- Папа, это пилаты?! - Танечка спряталась за спину отца.

Оправдывая такое определение, судовой врач отобрал у Игоря деньги. - Дяди загорели на кораблике, - объяснила ребенку Лена. - Ты разве не узнаешь дядю Сережу и дядю Славу?

Неискушенное дитя покачало головой. Это, пожалуй, и был тот "взгляд со стороны", которого нам не хватало. Путешествуя на яхте, от цивилизации быстро

отрываешься. Темнеет кожа, отрастает борода, забываются права и обязанности главы семьи; но процесс одичания незаметен, ибо происходит со всеми членами команды одновременно. Чтобы его оценить, лучше всего встретить ребенка, который видел тебя всего неделю назад.

На фоне бледнолицей, упитанной семьи Шевченко мы, конечно, выделялись. Воспаленные глаза, обугленные лица, вместо волос - серая пакля, скрежещущая от соли... В доведенной до таких пределов запущенности появляется уже и нечто романтическое. Одеты мы были соответственно: достаточно описать шорты судового врача, которые он сшил в раннем детстве, отрезав штанины от любимых парусиновых брюк своего дедушки. Шорты имели цвет всех сортов краски, которой красят яхту. Недостаток пуговиц восполнялся избытком прорех; карманчик для часов говорил о хорошем вкусе их обладателя. В этих шортах Сергею море по колено: выше колена уже начинаются шорты...

Мы наскоро переоделись. Танечка немного расхрабрилась.

- Можно колаблик посмотреть?

- Это у дяди капитана нужно спрашивать, - Игорь вспомнил о своем корреспондентстве и спохватился. Забытый дядя капитан терпеливо ждал начала съемок. Шевченко взялся за аппарат и сразу стал похож на репортера воскресной газеты в субботний вечер. Длилась съемка не больше минуты, в кадре неизменно присутствовали жена и дочь фотографа. Лицо Данилыча выражало сложные чувства: он понял, что это за корреспондент, но выход из Ялты уже взят на завтра, матросы давно сбежали в город, вот оно... Капитан провел экскурсию по яхте и отпустил всех с миром.

III

В Ялте было жарко. Амфитеатр гор собирал лучи, как линза, а в фокусе людские потоки завихрялись, переплетались, стихийно вытягивались в нити очередей. Нити двигались только назад, ибо вновь подошедшие лезли вперед. Отношение хвоста очереди к ее голове напоминало поведение скорпиона в минуту смертельной опасности. Поражало обилие бесполезных вещей: торговали ожерельями из ракушек, яблочных косточек и обкатанных морем булыжников; наживались на раковинах рапаны, сбывали куски грубого плетня, свернутые в некое подобие сумок... Продавали и поддельных "куриных богов". Есть примета, что "куриный бог" - галька с отверстием, выточенным в ней морем, - приносит счастье, приносит тому, кто сам его найдет; здесь же счастье продавали на цепочках, просверлив Дрелью.

- Душновато, я как-то отвык... - пробормотал Сергей. - У вас тут можно где-нибудь спокойно посидеть?

- Сейчас, я только "Советский спорт" в киоске возьму. Вы же неделю без информации!

Фу-ф... Открытая веранда кафе была вознесена на крышу. Лифт только что поднял нас из муравейника города сюда, в оазис относительной прохлады. Первый тост был "за встречу".

- А теперь - рассказывайте, - семья корреспондентов смотрела на нас с предвкушением.

Мы переглянулись. О чем, собственно, рассказывать? Как передать впечатления

парусного похода людям, не умеющим отличить бизань от брашпиля? Да и поймут ли они радости подъема в четыре утра или здорового сна на палубе под проливным дождем?..

- Ну, - неуверенно начал я, - у нас все хорошо. На Тендре комары, например, как здесь голуби.

Беседа наладилась, как только мы почувствовали: от рассказчиков в таких случаях ждут экзотики.

- Идем как-то раз левым галсом... - я давал "запевку", а Сергей подхватывал:

- А навстречу подводная лодка!

- ...Данилыч кричит: матрац за бортом!..

- ...белужьей ухой палубу мыли... Наливай. Постепенно наше красноречие стало иссякать, и в разговор включились Шевченки. Вопросы они задавали вполне бессмысленные.

- На мачты лазить не тяжело? - спрашивал Игорь. - Как зачем? Ну... когда паруса натягиваете...

- А кто вам стирает? - интересовалась Лена.

- Акулу-калакулу видели? - вносил свою лепту ребенок. Все-таки точка зрения Танечки была самой здоровой.

- Да, здорово... Ну и мы тут тоже отдыхаем, - несмело сказал Игорь, когда темы яхты, по его мнению, были исчерпаны.

- Не понимаю, - перебил Сергей, - как тут можно отдыхать?

- Ну почему: на пляж ходим, в кино... Кстати! Давайте в кино сходим. Хороший фильм: "Идеальный муж"...

Я невольно засмеялся. Все-таки за неделю похода мы изменились не только внешне; изменилось и отношение к радостям жизни. Какой "Советский спорт", какое кино?! Завтра мы снова пойдем морем вдоль Крыма. Разве в кино такое покажут? Спор о сравнительных достоинствах морского и берегового отдыха заглох: все было ясно.

Уже смеркалось, когда мы снова вышли в город. Искусственное освещение преобразило Ялту. Над главпочтамтом зажглась надпись: ТЕЛЕГРАФ. ТЕЛЕФОН. ЛЕТАЙТЕ САМ... Остальную часть надписи скрывали кипарисы. У кинотеатра стояла огромная очередь. Кроме "Идеального мужа", там, судя по афише, показывали фильм "А.Рублев". По улице непрерывным потоком двигались гуляющие. В вечерней Ялте шла ежевечерняя демонстрация мод. Раздетые и просто раздетые граждане дефилировали вдоль набережной. Четко различались пары двух типов: супруги законные - и малознакомые. У законных глава семьи плыла впереди; за ней, как дополнение к вечернему туалету, плелся муж. Он с завистью поглядывал на пары второй категории.

У этих вторых впереди шел мужчина. Спутница смотрела на него с обожанием и заразительно смеялась после каждого слова.

Шевченки проводили нас до проходной порта.

- Ну, давайте прощаться! - Игорь произнес эти слова преувеличенно бодро. Мне стало его жаль. Всякая сцена расставания - дискриминация тех, кто провожает. У путешественника возникает легкая грусть и элегическая жалость к остающимся (как они, бедные, меня любят!). Потом, в дороге, это чувство быстро размывается. А у провожающего грусть смешана с изрядной долей зависти. - Сами думаем отсюда вырваться, - Шевченко больше не пытался пропагандировать отдых в Ялте. - Вот в Судак, может, съездим. Если получится... Танюша днем спит...

- Судак? - Сергей зевнул. - Будем его проходить. Завтра.

Мы простились. Сразу из трех ближайших рестора нов донеслась песня "Остановите музыку", и я подумал: именно этого не хватает Ялте для счастья. Семья Игоря возвращалась в город, а мы - на яхту, домой, к праздничным будням путешествия.

Глава 7 Ссора

I

Восточней Ялты курортная насыщенность крымского берега начинает убывать. Каким-то образом в судовой библиотеке "Гагарина" наряду с вполне современной литературой оказался и "Практический путеводитель по Крыму" 1915 года издания. Он полон архаизмов вроде "таксы ялтинских извозчиков" и рекламы "российской паровой фортепианной фабрики К.М.Шредер". Однако сообщение, например, о Судакской долине, "по достоинству не оцененной приезжими, устремляющимися в модные центры", не потеряло актуальности до сих пор. Для многих Крым по-прежнему ассоциируется с окрестностями Ялты; благодаря Волошину и Паустовскому прославились Карадаг, бухта Коктебеля; но шестьдесят километров между Алуштой и Судакком до сих пор почти не освоены вездесущим туризмом. Еще меньше "зон отдыха" на Керченском полуострове.

Впрочем, мои сведения и впечатления о восточном Крыме поверхностны. На берег я почти не сходил: не хотелось. Причин этому было по меньшей мере две. Ну-с, во-первых: после ялтинской встречи, после "взгляда со стороны" и Сергей, и я, каждый по-своему, попросту зазнались. Берег ничтожен и суетлив; что мне там делать! Поруч своего яхтенного ученичества я считал оконченной, и погода этому приятному заблуждению способствовала. Теплое южное море баловало наш кораблик. Попутный ветер исправно наполнял паруса. Волны мягко лизали борта. Я умел вязать узлы, стоять на руле, чувствовал себя полноправным, вполне сложившимся боцманом, и мое хорошее настроение какое-то время не мог испортить даже Сергей, окончательно возомнивший себя навигатором.

Вот характерная запись в дневнике, относящаяся к периоду эйфории: "...просто недоумеваю! Я физик, как принято говорить, "ученый" - пусть и небольшой; это подразумевает творческий труд, участие в активном познании. У меня интересная работа. Но только иногда, в те редкие моменты, когда "хорошо идет" трудная задача, мне приходилось ощущать такую полную, как сейчас, удовлетворенность и ощущение - я в ладу с миром и с собой... Почему?"

Ответа на последний вопрос в дневнике нет, а сама приведенная запись наряду с прекраснородушием грешит слишком частым повторением слов "я" и "мне". Может быть, именно в этом - корень второй причины, по которой мне на берег сходить не хотелось. Попросту говоря, после Ялты на борту "Гагарина" начала вырваться ссора. Ничего удивительного.

В любом путешествии неизбежен этап испытания того, что ученые люди называют "психологической совместимостью". Существует здоровая традиция - перед полетом на недельку запирают космонавтов в барокамере. Задолго до начала эры покорения космоса роль полигонов по проверке несовместимости с успехом играли коммунальные кухни. Вообще годится любой кусок замкнутого пространства, где несколько человек обречены вариться в собственном соку - в том числе и парусно-моторная яхта, и, скажем, хижина зимовщиков-полярников.

Всегда был убежден: сообщение о том, что "к концу зимы они друг друга съели", нужно понимать в обобщенно-психологическом смысле.

II

"Гагарин" покинул Ялту в полдень. Штилевая жара длилась второй день; она была настоявшейся, густой, как супчики. На зубчатом краю Яйлы безнадежно застряли облака, над морем навис купол раскаленного неба. Мотор стучал особенно назойливо. - Действительно на медведя похоже, - изрек Саша на траверзе Аюдага. - Ой, ше ты начинаешь! А если бы этот холм на Аюдаге не "Медведь-гора", а "Бобр-гора" назвали? - сердито откликнулся Даня. Мастер по парусам еще не остыл: из города, "с танцев" он вернулся только утром и крепче обычного поцапался с батеи. Кроме того, оба матроса в Ялте, казалось, не поладили: они то и дело уединялись возле бушприта, Даня что-то горячо доказывал, а Саша отрицательно качал головой.

- Так не годится, - наконец громко сказал он.

- Ну давай, раз ты такой сильно умный! Валяй!..

- Я просто обязан, - Саша твердым шагом направился на корму. - Извините,

Анатолий Данилович. Тут дело такое: хотел вас предупредить... : - Предупреди, - разрешил капитан.

- В общем, мне, может быть, на днях уехать придется.

Вот тебе и на! Такого оборота событий не ожидал ни я, ни, похоже, капитан. Данилыч надменно закинул голову, а благодушное выражение на его лице начало сменяться челленджеровским.

- Чего так вдруг? - удивленно спросил Сергей.

- Ну... я, в общем, письмо одно получил. От матери.

- Да ше ты его слушаешь, батя! - закричал Даня. - Никуда он не поедет, ему и ехать-то некуда!..

- Я тебя просил... - Саша покраснел больше обычного. - Это еще не точно, Анатолий Данилович. Если возникнет необходимость, мне телеграмму дадут. Просто счел необходимым предупредить заранее.

- Очень хорошо, вот оно, спасибо, что предупредили, - Данилыч тоже стал необычно вежлив. - Я никого не заставлял, сами хотели. Извините, если что не так; никто никого силой не тянет. И не держит. Но есть уанс...

- Я знаю. Пока мы в пограничной зоне, трудно из судовой роли члена экипажа вычеркнуть.

- Вот-вот... - Данилыч стал развивать мысль о том, что теперь нужно спешить еще больше; по крайней мере до Керчи, в Азовском море пограничников уже нет, там хоть все мы можем улепетывать, он и сам до Астрахани дойдет, он никого не держит... Саша пообещал до Керчи дойти во что бы то ни стало, и на этом инцидент был исчерпан. Но неприятный осадок от разговора у меня остался, Не то чтоб я слишком дорожил педантичным обществом матроса Нестеренко; а впрочем...

Например, он прекрасно готовит (даже не знаю, где так выучился) и никогда не пытается просачковать, как Даня (занят парусами!) или Сергей (занят навигацией!). В последние дни все кулинарные обязанности как-то незаметно перешли к Саше. Вообще-то в походе еда - дело тонкое. Одни любят поесть, другие не любят варить обед, и вокруг этого парадокса могут накапливаться "уансы". У нас все проще: Саша завидно готовит, остальные завидно едят. Очень удобно.

Помимо соображений меркантильных, желание Саши уехать было и щелчком по самолюбию. Я понимал обиду Данилыча: Саша как бы дал понять, что могут быть и более важные жизненные дела, чем наше путешествие. Какие? Медведь-гора медленно погружалась в дымку. Далеко позади виднелись белые дома Алушты и над ними - четкий треугольник Чатырдага. На несколько часов эта картина словно застыла: яхта висела, приколотая к середине громадной дуги берега.

Даня после сообщения Саши о его предполагаемом отъезде вдруг развеселился. Не глядя на матроса Нестеренко, он подергивал бородку, фальшиво насвистывал из "Сильвы" - без женщин жить нельзя на свете, нет! - потом подсел к Сергею...

- Ты вот человек женатый, да? Объясни: ну ше в этом хорошего?

- Хорошего мало, - на всякий случай ответил судовой врач. - А что?

- Да я просто так. Абстрактно интересуюсь. А вот любовь - чувство эгоистическое, да?

- Видишь ли... - Сергей, польщенный тем, что в нем видят знатока, начал развивать теорию любви как одного из видов творчества. Саша резко повернулся, ушел к бушприту.

- А вот влюбиться ведь каждый может, правда? Ну, например, бухгалтер?.. - Даня вел какую-то опасную игру. Сергей увлекся. Он стал громогласно доказывать: не только никто не гарантирован от лучшего из чувств, напротив! Именно бухгалтер, именно человек сухой и прагматический, если уж нагрянет, может оказаться наиболее незащищенным; ибо отсутствие душевного опыта... Голос Сергея разносился по яхте и наверняка долетал на нос, где одиноко приютился матрос Нестеренко. В другое время и в другом месте я послушал бы эти рассуждения не без интереса.

- Сережа, на минуту, - я отозвал судового врача; в сторону. - Ты бываешь удивительно тактичен.

- Не понимаю. В чем дело?

- Ни в чем. Ты полез в чужую историю, тебе не кажется?

- Какая история? - Сергей задумался и раздраженно втянул в себя воздух. - Саши с Даней, что ли? Говори толком!

- Рад, что ты начал понимать. Они помирятся, а ты попадешь в дурацкое положение.

- Понятно. Спасибо за предупреждение.

- Пожалуйста. И не злись. Я не виноват, если ты сам такой простой вещи не заметил.

- Где уж нам! Не психолог. Не люблю усложнять.

- Я ведь просил, Сережик: не злись. Уж нам с тобой, по-моему, ссориться не из-за чего.

- Логично, - сухо сказал Сергей.

III

Уже вечерело, когда впереди по курсу засинел далекий профиль мыса Меганом.

- Это Меганом, - объявил я.

- Меганом, - согласился капитан. Сергей сверил очертания мыса с рисунком в логии и небрежно подтвердил: Меганом.

Из путевых записей Сергея.

В 20.30 прошли траверз Меганом. Судак почти не виден: невыразительная кучка белых домиков. Почему-то не видно на Меганоме и маяка. Но заблудиться тут просто негде. В этом районе моря магнитное склонение и девиация нашего компаса взаимно компенсируются. От Меганом курс 53 (16 миль) до мыса Киик-Атлама, потом курс 29 (4 мили) до Феодосийского маяка (мыс Ильи), после чего по пеленгу 330 в 4-х милях откроется Феодосия.

За мысом показался Карадаг - во всем своем великолепии. И ведь у нас есть шанс...

Шанс состоял вот в чем. Ялтинские пограничники, выпуская яхту, дали контрольный срок до следующего вечера. Мы могли переночевать у Карадага, а с утра, поныряв в Сердоликовой бухте, двинуться в Феодосию. Эта возможность не давала судовому врачу покоя.

От увлечений юности у Сергея осталась пара ласт, удостоверение подводного пловца и непреодолимое желание лезть под воду при каждом удобном случае. Его маска, трубка и самодельный трезубец-гарпун вечно валялись на моей койке. Любая стоянка, где специалисту по баротравме уха не удастся нырнуть, воспринимается им как личная обида. Кроме повседневного водолазного пунктика, у Сергея были две глубоких подводных мечты: погружение у Тарханкута и у Карадага. Первую он осуществил и сейчас повел борьбу с капитаном за вторую.

- Я тут каждую бухточку знаю! Вон, видите: отличное место для стоянки! Меня как понесет из нее в море - еле выплыл...

- Какая стоянка! Мы же спешим, вот оно.

- Ну да, - в скобках заметил Даня. - Теперь новый повод для спешки выискался. - И потом, мне наш ход под мотором что-то не нравится, может, на винт намотали? Не мешает осмотреть, - Сергей снова начал проявлять одессизм. Меня передернуло. Представляю эту стоянку, когда одни откачивают воду из раскаленного машинного отделения, а другие резвятся за бортом, "осматривая винт"! Данилыч хмыкнул:

- Винт пускай корреспонденты осматривают, вот оно... Вы, господа, про "Мечту" не забываете!

Величавые обрывы Карадага подходили все ближе. Зеркало штилевой воды, изгибаясь, уходило к скалам. Красиво, ничего не скажешь. - Ну ше ты, батя, режим устанавливаешь?! - неожиданно закричал дальнотзорный Даня. - Вон она, твоя "Мечта"!

Данилыч рванул с шеи бинокль. Команда сгрудилась на левом борту. На фоне скал я разглядел тонкую спицу мачты. По-видимому, соперник стоял на якоре: паруса были спущены. Фуражку на капитане и контрабандный товар в трюме с расстояния свыше мили увидеть не удалось.

- Ага... Катамаран, вот оно... - пробормотал Данилыч. - Ну и пусть тут ночуют! Будем идти, пока идетя. Догнали, а теперь обгоним!

- Наоборот! Нужно разведать, какие у них планы.

Мнения разделились. Саша коротко сказал: он за движение вперед. Сергей и Даня представляли оппозицию; таким образом оказалось, что мой голос решающий. Я отдал его капитану.

- Чшшш?! Ну, Баклаша! - Сергей посмотрел на меня с нескрываемой враждебностью.

- Не впадай в детство, - холодно сказал я. - Понырять хотел?

- А хоть бы и так! Тебе какое дело?

- Никакого. Я высказал свое мнение.

- Вы, Сергей, зря обижаетесь... - официально начал капитан, но судовой врач только махнул рукой. Он отвернулся и молча ушел на нос. Ну и черт с ним, решил я и занялся навигацией самостоятельно.

Последнее было нетрудно. Уже стемнело, но впереди четко виднелся горбатый профиль Киик-Атламы. Слева по борту проплыли огни Планерского; я с удивлением отметил, что этот поселок светится, как целый город... "Гагарин" миновал Киик-Атламу, и неожиданно в лицо ударил ветер.

- Где маяк? - резонно спросил Данилыч. Впереди должен был открыться мощный Ильинский маяк; не видеть его мы не могли. Однако не видели.

- Кажется, мы это не Киик-Атламу, а Меганом миновали, - слышался из каюты Данин голос.

- Да? Почему? - заинтересовался капитан, всегда склонный предполагать худшее.

- На Киик-Атламе огонь зеленый, а мы видим желтый.

Я нырнул в каюту и в желтом свете настольной лампы увидел, что Даня воткнул циркуль в море восточнее Керчи.

- Все в порядке, - доложил я Данилычу, вернувшись на палубу. - Просто зеленый огонь заменили желтым. Впереди мыс Ильи.

- А почему на Меганоме не было маяка? - конфиденциально спросил капитан. Я раздраженно ответил:

- Не знаю. Там, извините, не я определялся.

- Верно. Там Сергей определялся.

- Может, то был и не Меганом, какая разница. Сейчас-то мы прошли Киик-Атламу? Тут у вас нет сомнений?

- Тут нет, - согласился Данилыч с явным сомнением.

- Значит, впереди мыс Ильи... А вот и Феодосия открывается!

Экипаж недоверчиво молчал. За хребтом мыса Ильи засверкали огни; правда, для Феодосии их было, пожалуй, маловато. И откуда впереди еще один высокий, горбом уходящий в море мыс? Еще одна Киик-Атлама, что ли?.. Саша поступил разумней всех: сосчитал промежутки мигания знака на оставшейся позади Киик-Атламе.

- Три проблеска и восемь секунд перерыв. Это Меганом.

- Второй раз что ли? А Карадаг, Планерское?

- Вероятно, то было не Планерское, а Судак. Ошиблись. Тогда Меганом был не Меганом, а мыс Башенный. А Карадаг не Карадаг, а мыс Пещерный. Это не мыс Ильи - это Карадаг и есть. Только сейчас.

- М-да... - протянул Данилыч.

- Потому ше людей надо слушать! - неожиданно заорал Даня. - Гонит он куда-то! Ночевали бы себе спокойно у Карадага...

- Но выяснили ведь: то был не Карадаг, а...

- Ты вообще молчи, Саня! Из-за тебя все!

- Что именно?

- А ну тихо! - Данилыч тоже повысил голос. - Вы в море или где?! Иди сюда, Сергей. Вы не обижайтесь, Слава...

- Ничего-ничего. Я вам больше не нужен? - Теперь уже я ушел на нос. Сергей молча прошел на корму по другую сторону от каюты.

Грустное это занятие - до рези в глазах всматриваться во тьму. Никому я не был нужен. На Данилыча обижаться не стоило, он действовал в интересах дела, но Сергей! Интересно, насчет Меганомы он меня и вправду случайно дезинформировал?.. На корме теперь уже точно установили: впереди Киик-Атлама.

- Ладно, - слышался голос капитана. - А где тогда зеленая мигалка?

Помолчали, потом Даня спросил:

- Слава, ты не видишь зеленую мигалку?

- Не вижу, - злорадно ответил я. На гребне приближающегося мыса горели два огня, но были они белыми, а мигали только одновременно с наблюдателем. Моя вера в точную науку навигации дала трещину. От встречного сырого ветра разболелся зуб. Я залез в каюту - пусть сами управляются! - укутался на койке и незаметно задремал. Разбудила меня тишина, наступившая после выключения мотора: "Юрий Гагарин" обрел желанную Феодосию.

- Заблудились, но сориентировались! - слышался довольный и потому особенно неприятный для меня голос Сергея. - Все-таки навигация точная наука!

- Саша! - позвал я. - Вы зеленую мигалку нашли?

- Да. Только она оказалась красной.

IV

Уже светало, когда мы отдали якорь на траверзе феодосийских пляжей. Весь день вокруг "Гагарина" сновали катера, спасатели перехватывали на подступах к яхте любителей дальних заплывов... Эта суэта доходила до нас урывками. "Мечта" осталась позади, Сашина телеграмма в Феодосию пока не прибыла, и экипаж пожинал плоды побед: спал.

Меня разбудил надрывный кашель капитана.

- Что-то нездоровится... Буди врача.

У Данилыча оказалась температура. Очевидно, он простудился возле мотора, где при шестидесятиградусной жаре всегда гулял сквозняк.

- Ты лежи, батя, - заботливо сказал Даня, - а мы в город смотаемся... Ну ше опять такое?! Почему опять нельзя?

- Здесь рейд открытый... Все уедут, а вдруг шквал?

- Ой, ничего не будет! И Сергей со Славой остаются...

Я вопросительно посмотрел на судового врача. На следующий день все выглядит несколько по-другому; честно говоря, было бы неплохо забыть вчерашнюю размолвку, особенно в связи с болезнью капитана.

- Мне нужно на берег, - Сергей отвернулся... Саша вторично собирался на почтамт.

- Как хотите. Делайте как знаете, - Данилыч замолчал. Я сказал, что могу остаться.

- Вот и хорошо: он заберет "Яшку", - обрадовался Даня. Этого момента я не учел: мне предстояло работать перевозчиком.

- Ровно в девять будем на пляже, - заверил Саша.

- Ну ладно... а как я вас в темноте найду?

- Я покричу, - Сергей обращался по-прежнему не ко мне, а к Данилычу. Схема десанта была обычной: Кириченко перевез Осташко, Осташко - Нестеренко, Нестеренко - Пелишенко. Потом я вернулся на яхту, взял блокнот и уютно устроился в кокпите. Вечер был тихий; передо мной лежал просторный залив и зеленый город на берегу...

Из путевых записей Сергея.

Какие мысли пробуждает парусное судно у современного человека? Может быть, на берегу яхтсменов спрашивают о летучих рыбах, белых китах, сокровищах затонувших кораблей?

Ничего подобного. "Гагарин" прошел половину Черного моря, и мне уже стало казаться, что во всех гаванях, во все времена, даже первопроходцам-грекам задавали все те же два вопроса: "Какой у вас мотор?" и "Сколько ваша триера стоит?"...

И только в Феодосии мы услышали нечто новое: "Надеюсь, плавание проходит успешно?"

На пирсе стоял сухощавый старичок. Его китель, который когда-то был форменным, поблескивал уцелевшими пуговицами. Голову покрывала "мица", выгоревшая до парадной белизны.

- "Комендант порта", - прошептал Даня, и я тоже понял, кого напоминает этот отставной капитан. У Александра Грина есть рассказ, где такой же чудаковатый, неприкаянный "комендант" встречает прибывающие в гавань суда. Когда-то в южных городах их было немало - хранителей традиций, людей со странностями. Помню старика, который в Одессе, на Соборной площади, изготавливал бумажные "ласточки" и дарил их нам, детям. По свидетельству Паустовского, человеком того же склада был и Александр Грин. Я знал, что Грин долго жил в Феодосии, запечатлел ее черты в своих Зурбагане, Лиссе, Гель-Гью, - но встретить гриновского героя в современном городе не ожидал.

Встреча с комендантом навевала мечтательное настроение. Вечерний Гель-Гью был красив. Дома в слегка вычурном восточном стиле, веранды, увитые виноградом... Мне даже стало на минуту жаль, что с нами нет Баклаши. Хотя он сам во всем виноват. Пусть помучается.

Я взялся за дневник. Хотелось провести вечер мирно.

- Давно собирался спросить, - услышался простуженный голос капитана, - что вы там с Сергеем пишете?

Пришлось спуститься в каюту. По просьбе больного было зачитано несколько отрывков.

- Не понравилось, - честно сказал Данилыч. - Почему я "капитан"? На малотоннажных парусных судах не капитан, а шкипер...

Я пообещал с этого момента называть капитана шкипером, и оказалось, что все остальное ему понравилось.

- Вы и стихи пишете?

- Как вам сказать? Пожалуй, нет.

- Ну, тогда чужие почитай. Я же видел: ты в поход какую-то книгу взял. Пушкин?
- Нет. Бунин, - я собрался с духом и, как сумел, прочитал Данилычу свое любимое стихотворение:

Звезда дрожит среди вселенной... Чьи руки дивные несут Какой-то влагой драгоценной Столь переполненный сосуд?..

- Вот оно! - с искренним восхищением выдохнул шкипер, когда я закончил чтение.

Честно говоря, я удивился. Мне всегда казалось, что "дрожь звезды" рассчитана на эстета, что это стихотворение элитарное. Что ж, значит, я недооценил Бунина, все же проникшего в неиспорченную особым эстетизмом душу Данилыча. И я порадовался за них обоих.

- А теперь подай вон ту банку, - неожиданно попросил шкипер. Банка была с керосином; Данилыч закинул голову и, к моему ужасу, начал полоскать керосином горло.

- Отлично помогает от кашля... - в промежутках между бульканьем объяснил шкипер.

- Ты мне еще спину разотри, вот оно... Теперь я полежу, а ты отдыхай. Последнее было непросто: резкий переход от поэзии к керосину выбил меня из колеи. Я взялся за дневник, но в этот момент яхту вдруг рвануло, наверху хлопнул гик, что-то посыпалось на палубу... Ничего не понимая, я выскочил из каюты.

Из путевых записей Сергея.

Улицы вечерней Феодосии безлюдны - вся жизнь течет в полных народом и в то же время тихих дворах.

Представьте оазис между двумя невысокими домами. Под развесистым платаном четверо соседей забивают "козла"; но чтобы стук никого не беспокоил, на стол постелена газета.

Рядом в тазике купают ребенка. Он ревет добросовестно, но на пониженных тонах, прислушиваясь, как продвигается игра в прятки, от которой его оторвала мать. В палисаднике раскладушка, застеленная простыней, ждет любителя ночевать на воздухе.

Большинство обитателей двора смотрят телевизор. Экран светится в одном из распахнутых окон, во двор вынесены стулья и почтенный кожаный диван; публика наслаждается детективом и одновременно - вечерней прохладой.

Я выскочил на палубу. С востока налетел шквал. "Гагарин" туго натянул якорную цепь, фалы щелкали по мачтам, а на гиках развевалось, грозя улететь, вывешенное для просушки белье. По заливу сразу побежала маленькая злая волна.

- Попустись! - закричал снизу Данилыч. - С якоря сорвет! Я попустился. Яхту тянуло на рыбацьи сети, до ближайшей вехи оставалось метров двадцать.

- Сейчас помогу, вот оно... мотором надо подработать...

- Не вставайте, я сам! Вы же после растирания!

- Черт с ним... Белье держи!..

Из путевых записей Сергея.

В перспективе феодосийских улиц стоит морская синева, которую как будто только что написал Айвазовский.

Удивительно, как притягивает к себе море. Казалось бы, за последние, десять дней мы на него насмотрелись, могло бы и надоест. И нельзя сказать, что в море не ждешь

берега: ждешь, но в незнакомом городе, когда совершенно все равно, куда идти, невольно выбираешь путь, ведущий к морю, вдоль моря, или тот, с которого море видно.

Мы выходим на набережную.

Шквал - это очень красиво. Ветер как бы распахнул горизонт, пляшут белые барашки, и далекий "Гагарин" на рейде кажется одним из них.

- Они там без нас справятся? - забеспокоился Саша.

- Ой, ше ты начинаешь! Не маленькие. Пошли еще побродим.

По-моему, после вчерашних событий Даня наконец заговорил с матросом Нестеренко миролюбиво - правда, и телеграммы по-прежнему нет. Мастер по парусам отходчив. Я решил взять с него пример и по возвращении простить Баклаше его идиотские выходки.

Ветер затих так же внезапно, как начался. Данилыч вернулся в каюту, лег, укутался...

- Ты немного отдохни, а потом, если хочешь, можешь штормовые паруса поднять.

Их просушить надо.

Солнце уже садилось. Нацепив на мачту апельсиново-рыжий грот, я почувствовал, что несколько утомлен вечерним отдыхом. Я взял бинокль и принялся выглядывать загулявшую часть команды. По-моему, шквал мог бы стать поводом вернуться пораньше.

Постепенно темнело. Народу на берегу толпилось много, и я последовательно определял, кто из них не Сергей Осташко. Потом все лица слились; я понял, что уже ничего не увижу, и начал прислушиваться.

Работы хватало: на берегу кричали человек двадцать. Рядом с причалом функционировал ресторан; оттуда неслись звуки музыки. Откуда-то слева прорывалась гармонь. Кашлял в каюте Данилыч. С берега донесся особенно истошный вопль. Это Сергей, подумал я и заорал:

- Э-ге-гей! Ребя-таа!

- Э-ге-гей! - откликнулись на пирсе. Я зажег керосиновый фонарь, подсветил им парус, приготовил "Яшку"... Крики стихли.

Из путевых записей Сергея.

Улицы переходят в аллеи, особняки сменяются вполне современными санаториями. Где-то вдали слышится музыка. Вспыхнувшие фонари усиливают ощущение праздника.

- Все на карнавал! - возвещает Даня. - Если вы потерялись в толпе, встречайтесь на площади, у статуи несравненной Фрези Грант. Пошли на танцы!

- Мы к девяти обещали быть, - напомнил Саша.

- Знаешь ше? - Даня вспыхнул и остановился. - Ты сильно порядочный, да?

Можешь идти, мы с Сережей тебя не держим!

- Чего ты? Обещали же вместе вернуться.

- Нет, ты сам иди! Иди, выслуживайся!

Это, пожалуй, было уже слишком. Саша не покраснел, как обычно, а побледнел, резко повернулся и ушел. Даня, по-моему, тут же спохватился, но было поздно. - Надоедает он со своими сложностями - смерть. Ты не все знаешь... ладно, пошли, - мастер по парусам решительно двинулся вперед, навстречу музыке. Мы вышли на площадь и...

- Сеергееей!!! - завопил я и прислушался. Помолчав, в темноте на берегу что-то пискнуло.

- Они! - Я оседлал "Яшку" и поплыл к берегу на пирсе сидела незнакомая компания.

- Вы парня такого, с носом, не видели? - Очевидно, в скупом описании парня с носом мне удалось слепить цельный образ, потому что мне сразу ответили - такого не было. Я вернулся на борт яхты.

- Слава! Слав-каа! - надрывались где-то в стороне. Голос был как будто Сергея; а может, и не его. Мой тонус рос прямо на глазах. Ну ладно Саша с Даней, они еще мальчишки, но товарищ Осташко!..

- Вот что, - сказал я Данилычу, - это, кажется, они. Но, может, и не они. Я поеду на берег; если они, то приеду, а если не они - не приеду.

- Как это? - не понял шкипер.

- Да так. Придется вдоль берега курсировать.

И я начал курсировать, время от времени возвращаясь к яхте, чтобы успокоить Данилыча. Весла вырывались из черной воды, обдавая меня брызгами, на берегу окликали, спрашивая, нашел ли я парня с носом, за спиной светился рыжий, подсвеченный фонарем парус...

Таким злым я не был со дня переезда на новую квартиру.

Из путевых записей Сергея.

На площади оказались танцы "для тех, кому за тридцать". Слепой гармонист наигрывал уныло-однообразный мотив. Танцевали мало. Изредка один из немногих кавалеров решался, неуклюже шаркал ногой и выводил партнершу на площадку. И они топтались в одиночестве, вызывая жгучую зависть остальных. Некоторое оживление вносил "белый танец". Томно поводя плечами, дамы осматривали мужчин - и приглашали друг друга.

- Нет, это не Гель-Гью... - пробормотал Даня. Карнавал обернулся танцплощадкой, статуя Бегущей по Волнам - Девушкой с Веслом.

На яхту возвращались не спеша, стараясь сохранить остатки лирического настроения. Как назло, в глаза теперь лезли провода, опутавшие небо, облупленная штукатурка, мусор во дворах...

Но вот один из домов, мимо которого мы уже прошли, показался необычным, мы обернулись... Прямо на нас, разрезая форштевнем асфальт, плыл парусник. Две улицы, как две волны, расходились от его носа, а за кормой далеким маяком мигал светофор.

Это был Дом-музей Грина. Я подумал: бессмысленно спрашивать, что такое Феодосия - сказочный Гель-Гью или обычный курорт. Вернувшись на берег, мы увидели на мачтах "Гагарина" штормовые паруса. Они были рыжими; в открытом море это цвет бедствия. Но все зависит от точки зрения. Сейчас подсвеченный снизу парус казался алым.

Было уже около одиннадцати, когда на пирсе возникли две знакомые фигуры. В стороне от них появилась и третья: Саша.

- Все зависит от точки зрения...

Я услышал спокойный, самодовольный голос Сергея и подумал: они неплохо провели время.

V

Честно говоря, сегодня мне просто смешно.

"Сегодня" - означает год спустя. Сейчас, год спустя, я перечитываю дневник, только что прочитал о том, как мы блуждали возле Меганомы, дошел до "вечера в Гель-Гью"... Сейчас для меня очевидно: никаких серьезных причин для ссоры у нас с Сергеем не было. Да их и не могло быть в те счастливые дни!..

Ссора тем не менее была. Объяснить этот факт я могу лишь тем, что основательных причин для возникновения ссор, а также драк, скандалов и войн никогда и не требовалось; и еще, может быть, тем, что мы были детьми тогда - не по возрасту, а по принадлежности к раннему, детскому, еще и не переходному периоду путешествия. И вели себя соответственно.

Так или иначе, но после вечера в Гель-Гью мы с Сергеем крупно поговорили. Даже очень крупно. Это был полный разрыв.

Не лучше обстояли дела у Саши с Даней.

Указанные обстоятельства отразились и на дневнике. О последнем переходе по Черному морю - из Феодосии в Керчь - в нем нет ни слова.

Вести путевые записи в море нелегко и без конфликта соавторов. При наличии конфликта - практически невозможно.

Сейчас, задним числом, я с улыбкой вспоминаю - с улыбкой и легкой грустью, ибо все это позади, - как проходит даже мирный писательский день на яхте.

На рассвете один из нас говорит:

- Что-то нет настроения... Я постою на руле, а ты пиши.

Он становится к штурвалу, а второй надувает резиновый матрас и не спеша, капитально укладывается. Тут же над творческим ложем возникает тень шкипера.

- Вы немного отдохните, - говорит Данилыч, - а потом, если хотите, можете подогреть завтрак.

Естественно, этот приказ надо выполнять немедленно. Тот, у которого с утра "нет настроения", сурово сдвигает брови. Всем своим видом он дает понять, что навигационная обстановка крайне осложнилась и передать штурвал в иные, менее надежные руки нельзя. Греть завтрак приходится второму, после чего вдохновение и у

него пропадает. Он становится на руль, а первый ложится на матрац и мгновенно засыпает. Так проходит утро.

Днем, если все уже выспались, а до обеда еще далеко, процесс писания как будто налаживается. На руле стоит Даня или сам шкипер, а мы лежим на палубе покрываем страницы блокнотов неразборчивой вязью.

Но вот у одного из авторов родилась удачная, по его мнению, фраза. Он вскакивает, обегает вокруг каюты и зачитывает ее соавтору. - Ничего... - мрачно говорит тот. Мрачность объясняется просто: создатель очередного перла наступил ему на руку.

Пострадавший решает сменить творческую позу. Он складывает матрац так, что нижняя половина лежит на палубе, средняя упирается в стенку каюты, а подушка прикрывает голову. Ноги оказываются за бортом, и их блаженно холодит пена, летящая из-под форштевня. Соавтор пристраивается рядом. Воцаряется недолгое счастье, которое разрушает кулинарный гений Саши. Из камбуза уже доносятся запахи, способные отвлечь не только боцмана от блокнота, но и Горького от "Матери", а Флобера - от "Мадам Бовари".

Во второй половине дня жарко. Творческий процесс идет вяло и прерывается каждые пять минут. Наиболее нагретый из соавторов встает, набирает ведро забортной воды и кричит другому:

- Сережа (Славик), окати!

Второй нехотя поднимается, окатывает, а потом, дождавшись, чтобы Славик (Сережа) улегся, кричит:

- А теперь ты меня окати!

Не лучше и общие купания в море: после них матрац почему-то всегда занят, а руль свободен.

Неся прохладу, спускается вечер. Это время закупки продуктов и осмотра городов. Потом становится темно. Хочется спать. На страницы, испещренные каракулями, садятся полнокровные южные комары; не удовлетворенные текстом, они обращают на писателя свои критические жала... Пора побрызгаться "Тайгой" и спать: творческий день окончен, и это был удачный день, когда точки зрения соавторов ни разу не разошлись...

Но так бывает редко. Еще не начав писать дневник, мы стали спорить о том, как это делается.

- Конспективно, - утверждал Слава, - приводить записи в порядок будем дома.

- Дома у меня жена и дети, - возражал Сергей, - надо сразу готовый текст писать. Через четыре дня борец за конспективный стиль лежал на палубе и с ненужными фотографическими подробностями описывал тендровский переход.

- Это дневник! - втолковывал ему отец семейства. - Только факты!

- Я тебе не Маяковский, - звучала в ответ совершеннейшая правда, - я своей песне на горло наступать не собираюсь. У каждого свой творческий метод.

- Верно, а нам нужен единый!

В достижении этого единства на двоих заключалась главная трудность. Примеры творческих дуэтов, начиная с Кирилла и Мефодия, не годились. "Кириллицей" пишут все: в методе не хватало новизны. Мы не были братьями, как Стругацкие, Гонкуры и Вайнеры, и не могли пожаловаться друг на друга общей маме. Наконец, в творчестве Ильфа и Петрова нас не устраивал прием решать судьбу героя жребием. Все-таки наши герои были живыми людьми...

Ну а если серьезно, каждый из нас по отдельности, наверно, все это давно бы к черту бросил. Есть в работе вдвоем одна вещь, более важная, чем все ее минусы: взаимная энергетическая подпитка.

Вдвоем мы как-то справлялись.

Когда же пробежала между соавторами черная кошка, вечер в Гель-Гью оказался описан дважды, а потом в дневнике возник и зазял творческий прорыв. Помню только, что невесело было у нас на борту на подходе к Керчи. Устойчивые пары "Даня-Саша", "Сергей и я" распались. Внизу, в каюте, под тремя одеялами кашлял и потел Данилыч. Точно помню, как перед входом в порт он сердито сообщил нечто непривычное:

- Завтра хоть до двенадцати спать можете. День отдыха устроим. Я болен, вот оно!..

Глава 8 В конце первого акта

I

Утром стало ясно, что Данилыч выздоравливает.

- Подъем! - неслось над Чушкинским коленом Керчь-Еникальского судоходного канала. - Через два часа отходим!

- Куда отходим? - Я неохотно выглянул из спальника. - Который час? Оказалось, что "уже девять". Вчера перед сном судовой врач накормил шкипера и жаропонижающим, и снотворным; иначе, конечно, было бы "уже шесть". Экипаж молчаливо бунтовал, продолжая спать, и Данилыч прибег к монологу... Греческое слово "монолог" в энциклопедии определено как "прием классической драмы - речь, которую произносит одно из действующих лиц большей частью самому себе, чтобы выяснить положение и душевное состояние других действующих лиц". Данилыч трактовал это понятие иначе. Наше положение и душевное состояние были ему предельно ясны. Нельзя также сказать, что речь капитана предназначалась самому себе; но и не нам.

Монолог был обращен к неким безличным "тем, кто", "им" и "некоторым". Это придавало ему черты публицистичности, пугающей широты. Шкипер ничего не утверждал, никого не обвинял - он лишь размышлял вслух и, как Гамлет, бился над неразрешимыми загадками бытия.

- Зачем идти на яхте тем, кто спит? - риторически недоумевал он. - А если дрыхнешь, то зачем идти на яхте? Сидели бы себе спокойно дома. Спать или плыть - вот оно в чем вопрос!

Начинать утро шекспировской трагедией невыносимо. Я спрятал голову в спальник, но сладкозвучные периоды, усиленные эхом от бетонной стенки дока, настигали и там. Не отличаясь особой убедительностью, они были необычайно занудны и потому быстро вели к цели. Я решительно полез из спальника. Сергей тоже не спал - но и не шевелился. Мешок с его телом лежал на палубе. Готический нос судового врача был обращен к небу. Я отвернулся. - Вот оно так, во сне и жизнь пройдет! - с новой силой воззвал Данилыч.- Из люка показалось заспанное лицо Саши. Через десять минут мы с ним уже брели по Керчи, разыскивая погранзаставу. Что касается Дани, то он даже не проснулся.

II

Освещенный солнцем, город лениво вступал в воскресенье. Несмотря на ранний час, заметно припекало. Немногие прохожие держались в тени домов. Как сильно разнится публика, дефилирующая по крымским городам! В Евпатории контингент смахивает на младших научных сотрудников. В Севастополе преобладает нечто военно-морское и командировочное. В Ялте можно встретить кого угодно - от товароведа до директора овощной базы. Далее к востоку, не считая пионеров "Артека" и писателей Коктебеля, ранг публики выравнивается. На отдыхе в Феодосии - полновесные представители простых трудящихся. И, наконец, в Керчи те же трудящиеся - уже не на отдыхе.

После лихорадочной экзотики курортов здесь веяло чем-то полузабытым. Сегодня Керчь отдыхала; но чувствовалось, что в отличие от Ялты недавно она и работала. Погранзастава размещалась далеко от порта, на тишайшей пыльной улице. Дежурный долго не мог взять в толк, чего мы хотим.

- "Юрий Гагарин"? - недоумевал он. - Ну? Так зачем вы пришли?

- За "отходом", - твердо сказал Саша. - И "приход" зарегистрировать. Печать поставить.

- Мы печать не ставим. Вы, теперь куда?

- В Азовское море.

- Ну идите... Никакого отхода не нужно.

Мы, конечно, знали: Керчь - последний пограничный пункт на пути "Гагарина". Тем не менее в предлагаемую свободу не верилось. Мы вели себя, как два щегла в канун Дня птиц: дверца открыта, вылететь хочется... нет, страшно. В душе восхищаясь коварством сержанта, мы тупо требовали своего: "отхода", "прихода", печати. Офицер, которого по настоянию Саши вызвал дежурный, подтвердил: идти можно когда угодно, и в Азовском море - куда угодно. Никаких контрольных сроков, никаких печатей. Хочешь - иди днем, хочешь - ночью; не хочешь - стой где хочешь. Офицер усмехался в гречневые усы: ему льстила наша растерянность. Она показывала, насколько надежно нас вышколили его коллеги из Очакова, Железного Порты, Черноморска, Евпатории, Севастополя, Ялты и Феодосии. Я в последний раз оглядел серые кубы казармы и учебного корпуса, асфальтовые дорожки, жестяные призывы нести службу бодро - весь одновременно и уютный, и безликий мирок стандартной заставы.

Впереди была вольница внутренних вод. Странно: даже грустно немного. После заставы Саша, разумеется, зашел на почтамт. Телеграммы не было.

Мы еще около часа бродили по Керчи. Город не блистал архитектурным излишеством. О былом величии столицы Митридата Эвпатора, грозного соперника Рима, ничто не напоминало. А ведь я знал, что вся земля, на которой стоит Керчь, изрыта древними гробницами; что в археологии существует специальный термин "керченские древности"; в Очакове и Одессе когда-то процветал даже промысел по их подделке, высшим достижением которого явилась продажа братьями Гохман - и не куда-нибудь, а в Лувр - фальшивой "тиары Сайтафарна"... Нельзя, кажется, назвать ни одного века, когда бы на склонах горы Митридат не шли бои за господство над Керченским проливом, не лилась кровь; и наш XX век, во время прорыва Эльтигенского десанта, превзошел в этом отношении все предыдущие. Но сейчас тут стояла тишина. Зеленые улицы дремали. Я обратил внимание на прелестную деталь - открытые двери магазинов были затянута для защиты от мух рыбацкими сетями с мелкой ячейей.

III

На борту "Гагарина" шла обычная предстартовая сумятица. Нужно было долить горючего в баки, набрать пресной воды, докупить продуктов... Сломленная переменой планов, команда работала неохотно. Оппозиция в лице Дани и судового врача то и дело уединялась в каюте, не подозревая, по-видимому, что на палубе их прекрасно слышно.

- Ше ж спи до двенадцати?! - возмущенно шептал мастер по парусам. - Ше за дела, Сережик?!

- Логично. Сколько гнать можно? Чшшш?...

- Скажи ему ты, Сережик. А то я за себя не ручаюсь.

- Лучше ты скажи... Ничего, Даня, не выйдет. Эти двое за него же всегда!..

"Эти двое", то есть мы с Сашей, грустно помалкивали. Данилыч делал вид, что ничего не замечает. На мой взгляд, шкипера все-таки можно было понять. Нарушая планы дня, он оставался верен основной идее похода. Он спешил на Волгу. Жаль, что города так мимолетно исчезают за кормой - не успеешь и разглядеть; жаль, что капитаном как будто владеет одна мысль - "идти, пока идется"; но иначе яхта вряд ли уже была бы здесь, на пороге Азовского моря.

Но сейчас происходило, надо признать, нечто странное: четкого маршрута, например, не было.

- По обстоятельствам, - сказал Данилыч. - К вечеру выйдем из пролива; может, станем заночуем, может, ночью пойдём...

- Восточным берегом пойдём или западным?

- Разумеется, восточным!.. А может, и западным.

Все это начинало отдавать неразберихой. Вдобавок ко всему около полудня задул сильный норд-ост. Выход "Кометы" сообщения Керчь - Жданов, стоявшей недалеко от "Гагарина", в связи со штормовым предупреждением был задержан.

- Давайте я хоть карту Азовского моря на "Комете" пойду перерисую, - хмуро предложил врач-навигатор.

- Зачем? Что, у нас карт этого Азова нет?

Карт Азова было две: одна - восточной части моря и одна - Таганрогского залива. Западная часть отсутствовала.

- Так что, не нужна карта? Не идти?

- Как хочешь, вот оно. Тебе надо - иди...

"Гагарин" наконец отвалил от причала. Карта была срисована наполовину, ветер крепчал. Сразу по выходе из порта стало неудобно. Резкая встречная волна пенилась и кипела даже в проливе; стуча мотором, яхта с трудом пробивалась вперед. Прошло часа полтора.

- Что будем делать? - неожиданно прокричал шкипер.

- Что "что"?..

- Ну так... сделаем, как вы хотите. Можем где-то стать, можем и вернуться... Давайте вместе решать.

Момент для дарования демократических свобод был выбран крайне неудачно. Кто-то предложил ночевать в проливе, другой - в море, третий - за мысом... Данилыч на все соглашался.

- Как хотите... я имею в виду... как хотите.

Команда была в недоумении. Дисциплинированный Саша интересовался, куда же все-таки править.

Слабость капитана объяснялась болезнью: вид у Данилыча был все еще неважный. Я почувствовал, что нужно вернуться, и постарался внести это предложение максимально твердым голосом. Никто не возразил. Саша тут же повернул руль. Мы быстро проделали обратный путь по ветру и вскоре бесславно стояли у того же причала, под сенью той же зловещей горы Митридат. На задержанной "Комете" ехидно засмеялся вахтенный.

День был изломан и на две трети выжит. Потянулась цепочка мелких неудач: Даня из-за какой-то ерунды снова "поцапался с бате́й". Сергей хотел позвонить в Одессу, но пришел ни с чем. Я безуспешно ловил бычков, у Саши впервые пригорел ужин... Мы молча поели и сразу улеглись.

После заката ветер еще усилился. Я лежал в темноте на крыше каюты и думал о том, что путешествие - любое путешествие - похоже на пьесу. Ты и автор, и актер на первых ролях, и зритель. Природа и история местности - тема, сырой материал; погода, пограничники, нехстатки подвернувшаяся мель создают канву, внешние коллизии; но от тебя и твоих спутников зависит, приобретет ли действие связность - или рассыплется. Черт бы побрал нашу нудную, несценичную, неталантливую ссору; и черт бы побрал уважаемого шкипера! Сегодня он погрешил против драматургии. Конец пути по Черному морю требовал отдыха, паузы, антракта.

А то актеры уже начали в ролях путаться. Прежние отношения развалились, зато как трогательно спелся "Сережик" с "Данечкой"! Плевать... тут мне стало жарко, я расстегнул спальник. Плевать. Мне теперь зато Саша остался. Интересный человек. В пьесе похода матрос Нестеренко, разумеется, герой-любовник: Данины намеки на

подходе к ложному Меганому эту мою догадку окончательно подтвердили. Остальное - письмо, телеграмма, причины бегства от любимой на яхте, роль Дани - пока неясно. Правда, мысленно я уже создал несколько гипотетических конструкций Сашиной истории, но... Но.

Версия реалистическая: Саша влюблен в нее, она же его, педанта, на дух не переносит. Однако держит на поводке - жди письма, жди телеграммы, может быть, я тебя вызову. Даня безуспешно пытается открыть другу глаза, злится, ссорится... Возможен романтизированный вариант: они любят друг друга, но родители против. Она пишет: "Кажется, маму (!) удастся уломать. Жди телеграммы". Даня, близко с мамой знакомый, понимает всю безнадежность этих надежд, злится, ссорится... Наконец, в натуралистической версии я предусмотрел и такую возможность: Саша сбежал от опостылевшей девицы на яхте, а она ему пишет: "Дорогой! у нас, кажется, будет ребенок!" И Саша, как порядочный человек... А Даня?..

Неубедительно как-то. Несовременно. Оба матроса - молодые ребята, в дни мира любившие, тайком от Данилыча, подключать к аккумулятору магнитофон. И по очереди слушали через наушники "хард-рок", хотя шкипер утверждал, что аккумулятор от этого садится... Простой факт, который как-то не совмещается с моими вариантами. И потом, ни одна из версий не отвечает на вопрос: что же Саша надеется приобрести, участвуя в походе на яхте? Хотя бы в связи со своей любовной историей? В сущности, только это меня и интересует, отсюда и любопытство. Пойму его - тогда, может, и себя?

Наибольшие надежды я возлагал на версию психологическую. Имеется любовный треугольник. Веселая разбитная студентка, однокурсница Дани и Саши, тянется к мастеру по парусам, который погулять с ней не прочь, но и только. Перед безнадежно втюрившимся Сашей Дане неловко, но и смешно. Высоко моральный матрос Нестеренко воспринимает все излишне серьезно, он даже просит взять его в поход, чтобы Даня не считал, будто он в претензии к победителю: дай вам бог счастья, я прежде всего ваш друг... Ситуация вызывает к розыгрышу; перед отъездом Даня договаривается с девицей о ложном письме с ложным мотивом перевлюбления в Сашу, ложным обещанием вызова телеграммой... Вопреки ожиданиям, твердолобо-моральный Саша всем делится с Даней, и содержанием письма тоже. Даня раскаивается, злится, даже пытается раскрыть механизм розыгрыша. Саша не верит, ибо верит ей. Они ссорятся. Все.

Все сходится. А нелегко, оказывается, придумывать пьесы! Лежа на ветру в спальнике, я начал припоминать события первого акта нашего путешествия. Да, в отношении Дани - Саши все сходится; логично, сказал бы Сергей... Ладно, бог с ним, с Сергеем. Хотя все же обидно, даже поделиться не с кем. И дневник запущен. Между прочим, вдруг подумал я, размолвка началась с того момента... именно в тот момент, когда мы решили, будто обогнали "Мечту"! Вот чья роль действительно непонятна! Гулящий катамаран возник где-то за кулисами, немного попортил кровь действующим лицам - и исчез. Но исчез ли? Может быть, ему еще суждено выплыть на сцену? Где гарантия, что на траверзе Карадага мы обогнали именно "Мечту" или именно ту самую, нашу "Мечту"? У яхт это имя так же распространено, как фамилия Иванов - русских или у греков - Попандопуло. Пошленькое название, злорадно подумал я; впредь буду называть "Мечту" катамараном

"Попандопуло"... Тут я задремал, и приснился мне усатый катамаран под рыжим стакселем и в фуражке с крабом.

IV

Сон оказался вещим: наутро сведения о "Попандопуло" не заставили себя ждать. Их сообщил дед, стороживший причал.

Это был уже третий страж керченской стоянки. Когда яхта зашла в порт, нас встретил дед номер один. Суетливый добряк, он называл нас "хлопцами" и "сынками". Во что бы то ни стало он хотел оформить стоянку яхты на законных основаниях: звонил диспетчеру порта, хлопотал. Диспетчер неизменно отвечал, что яхты его не интересуют - где стали, там пусть и стоят. Первый дед нам порядком надоедал. Дед номер два начал свою вахту с того, что обвинил пирс канатами, повесил таблички "вход воспрещен" и начал бегать от узла к узлу свитой им паутины. Это был вахтер с паучьими наклонностями. Нам он портил кровь, запрещая купаться, когда ловили рыбу, и ловить рыбу, когда готовили обед. Второй дед нас порядком раздражал. А психология третьего деда идеально соответствовала ремеслу сторожа. Керченцы спокойно удили с пирса, Саша разжигал примус, дети плескались под винтами "Комет". Дубленое лицо вахтенного было невозмутимо. Третий дед прогуливался по дощатому настилу, напомиравшему палубу, важно курил и поглядывал на море из-под козырька "мицы". Он был мужествен и молчалив, как хемингуэевский старик, и Данилыч проникся глубоким уважением.

- Это местный Старожил. Он должен Знать Погоду...

Прежде всего нас интересовало, сколько продержится ветер. Третий дед долго молчал. Мы благоговейно ждали, чувствуя, как дух Старожила вопрошает богов, ответственных за перепады атмосферного давления. Наконец старик отверз уста. Из его слов явствовало: норд-ост, коли уж задул, продержится две недели. Идти нельзя. Недавно какой-то катамаран его не послушал, ушел и больше не вернулся. Да, стаксель у них был рыжий...

Около полудня ветер стих. Ожидая норд-оста, мы даже не собирались. Тем временем погода улучшалась, проявляя все признаки устойчивости. Часа в три, при мертвом штиле, Данилыч снова рискнул обратиться к сторожу. Керченская Сивилла, пожевав пророческими губами, дала новый прогноз. Оказывается, на том участке Евразии, где мы находимся, штиль устанавливается минимум на две недели. Идти можно. Он не помнит, как назывался тот одесский катамаран. Может, и "Мечта". Что-то похожее.

- Пошли, - приказал шкипер.

- А если с погодой дедок опять напутал?

- Я и сам ему что-то перестал доверять, - признался Данилыч. - Но нас и так опередили. Да всего и дел - пересечь какое-то Азовское море!..

Глава 9 Любое море нужно звать на «Вы»

21 июля, вечер. Затем 22 июля, ночь.

Переход Керчь - Бердянск.

Погода самая разнообразная.

I

Древний Рим непочтительно именовал Азовское море Меотийским болотом, а также Скифскими или Сарматскими прудами. В известной степени мы разделяли предубеждение латинян.

Что это, в самом деле, за часть Мирового океана? Каждое море в чем-нибудь одном - "самое". Средиземное - самое синее, Балтийское - самое янтарное, Черное - самое сероводородное... Азовское может похвастать только тем, что оно самое мелкое. Смехотворная глубина - не больше пятнадцати метров - заставила бы покраснеть всякое уважающее себя озеро. Конечно, Сарматский пруд - отпрыск океана, только очень уж обнищавший. Атлантика вряд ли догадывается о существовании бедного родственника. Средиземное море - ее дочь от Гибралтара, Черное - внучка (там что-то Босфор напроказил); но какой-то Азов?.. Меотийское, говорите, болото? Склероз, не припомню - а впрочем, зашли бы как-нибудь вечерком...

Экипаж "Гагарина" считал, что истинно морская часть исхода уже окончена. Хоть в этом мы были едины. Яхта шла узкостями. Керчь-Еникальский судоходный канал утыкан буйками, как пляж пионерского лагеря. Берега покрывает частокोल створных знаков. Горло Азовского моря ритмично функционировало, проталкивая абсолютно пресноводные баржи. Керченский пролив был обжит и лишен всякого намека на морскую романтику, как вход в курятник.

Видя вокруг себя огромное число ориентиров, старший офицер-навигатор задался целью наконец-то определить девиацию главного компаса. - Держи левой! - командовал он скучавшему на руле Дане. Яхта делала попытку взобраться на невысокий берег Керченского полуострова. - Правее! Нужно поймать створ Камыш-Бурунского и Чурубашского маяков, - просил он часом позже. Яхта направлялась к Тамани, по лермонтовским местам. Шкипер - он чувствовал себя уже лучше, но все еще кашлял - недоумевал: - Чего ты мучишься? Девиация десять градусов, давно проверено... - А в какую сторону?

Сергей суетился, Данилыч кашлял, остальные отдыхали. Возле переправы "порт Крым - порт Кавказ" Саша сфотографировал меня на фоне парома, деловито пересекавшего пролив. Паром был невелик. Гигантская надпись КРЫМ - КАВКАЗ странно выглядела на его скромном сереньком борту. Затем берега пролива стали не спеша, с некоторой торжественностью раздвигаться. Одновременно они повышались. Слева, на крутом откосе мыса Фонарь, воздвиглась башня Еникальского маяка. Это был первый маяк Азовского моря. Я спустился в каюту, аккуратно поставил на полку лоцию Черного моря и вынул вместо нее лоцию Азовского. Она была раза в четыре тоньше, но так же солидно открывалась

Важными Предупреждениями и Обращением к Мореплавателям. В навигационно-географическом очерке я успел прочесть, что впервые лоция была издана в 1854 году, составил ее подпоручик А.Сухомлин. Мое презрение к Меотийскому болоту усилилось. Разве описание серьезного моря доверили бы подпоручику?.. Захватив лоцию, я вылез наверх. Берега пролива разошлись; впереди мягко колыхалось открытое водное пространство.

- Глуши мотор! - приказал шкипер. - Азов надо поприветствовать! Ссора ссорой, но этот последний приказ был выполнен мгновенно. Как по мановению волшебной палочки возникла бутылка коньяка, рюмочки и скупая флотская закуска. - Ну, за новое море "Гагарина"! Ура! - Шкипер поднял свою рюмку. Не глядя друг на друга, команда подхватила:

- Ура! Урааа!!!

- Наливайте еще, - решительно сказал Данилыч. - За что пьем?

- За Дон! За Волгу! За успех нашего предприятия! - Новое "ура!" пронеслось над тихой водой. Выпивая за успех, я случайно скосил глаза и увидел жирную цифру 13 на буге, возле которого "Гагарин" приветствовал свое второе море. Буй ехидно покачивался. - Хватит, - приказал после второй рюмки шкипер. - Теперь давайте думать, куда пойдем.

Думали недолго. В Черном море пограничники запрещали ходить вдали от берега - следовательно, Азовское яхта пересечет напрямик, через самый его центр. Из тех же соображений экипаж высказался за ночной переход. Оставалось выяснить немного: куда можно попасть, если ночью напрямик идти через середину Азовского моря? - Сейчас посмотрю, - пообещал Сергей. Смышленный навигатор взял карту и провел от мыса Фонарь карандашную линию. Безупречная прямая уперлась в Бердянский залив. - Около девяти миль, - определил Данилыч, - ходу часов восемнадцать... Может, сразу в Таганрогский залив пойдем?

Я открыл лоцию, раздел "Наставления для плавания по генеральным курсам", и вслух прочел:

- "Плавание из Керченского пролива до Таганрогского залива и обратно осуществляется по рекомендованному курсу № 30, начинающемуся от светящего буга Варзовский (точка А-24). Пройдя светящий буй точки А-2 (46°32'8" N, 37°03'5" O), следует идти далее по рекомендованному курсу через точку А-3 (46°49'00" N, 37°19'08" O) в порт Жданов, затем..."

- Понятно, - перебил шкипер, - а в Бердянск как идти?

- "Плавание из Керченского пролива в порт Бердянск осуществляется произвольными курсами".

- Ладно, идем в Бердянск, - решил Данилыч и, закрывая демократическую часть совещания, уже командирским голосом предупредил:

- Чтоб ночью пристегивались! Достаньте страховочные пояса. Даня иронически козырнул. Страховочные пояса, как же! Мы их и у Тарханкута не надевали. Снова застучал мотор, и "Юрий Гагарин" двинулся вперед.

II

Из главы "Гидрометеорологический очерк" лоции Азовского моря. Признаки перехода от спокойной (антициклонической) погоды к восточному шторму:

- а) изменение направления ветра на восточное;
- б) ровный ход или рост атмосферного давления;
- в) повышение температуры воздуха;
- г) уменьшение влажности воздуха;
- д) усиление волнения моря.

Башня Еникальского маяка давно осталась позади, но Керчь-Еникальский канал все не кончался. Прорезая мелководье, искусственный фарватер далеко уходил от берега. В открытом море было как-то странно идти вдоль ровной линии сигар-буев, тянувшихся к горизонту, как столбы на большой дороге. Азовское море встречало нас мертвой зыбью. При полном безветрии яхта чувствительно покачивалась. Пологие, прилизанные волны шли по желтоватой воде. Мы решили, что это остатки волнения, поднятого утренним ветром. Воздух был горячим, не по-морскому сухим.

- Какой закат! - восхитился Сергей, ни к кому специально не обращаясь. Щелкнул затвор "Зенита". Судовой врач питал упадническую страсть к заходящему светилу. Вечерний свет заливал половину цветных пленок.

Закат был действительно великолепен. Солнце опускалось в странную сизо-багровую дымку.

- Это либо к ветру, либо к большой жаре, - авторитетно заявил Данилыч. Я поддакнул:

- Скорее к жаре. Ветра не будет: барометр поднимается.

В это время дохнуло нечто легкое, нежное, почти неуловимое.

- Вот оно, - обрадовался шкипер, - восточный! Вполветра... - но Даня махнул рукой:

- Сильно слабенький. Вчера надо было идти, батя! Пропустили мы ветерок. Робкое дуновение как бы прислушалось к словам мастера по парусам и стыдливо потухло.

- Не пойму здешней погоды, - сказал Саша. Я открыл лоцию на главе "Гидрометеорологический очерк" и прочел:

- "Гидрометеорологические условия в Азовском море различны..."

- Можешь не продолжать. Это мы сами видим.

- Тут есть раздел "Местные признаки погоды".

- А ну их к черту, - общее мнение выразил не кто-нибудь, а сам шкипер. - Ночные вахты нужно распределить, вот оно. Давайте так: с вечера Даня и Саша заступят, потом Сергей и Слава, а я...

- Минуточку! Я бы предпочел с Даней, - высказался судовой врач. Я тут же заявил, что хочу в напарники Сашу. Матросы, каждый порознь, к этим пожеланиям присоединились.

- Вот даже как? - Данилыч внимательно оглядел команду. - Ладно, как хотите... А кто "собаку" будет стоять?

Лирическое название "собаки" носит вахта, на которую нужно заступать с двух. Такой способ разбить себе ночь считается наименее удачным.

Произошла короткая борьба великодуший. Я сказал шкиперу, что мы с Сашей готовы стоять всю ночь. Ну, может, не всю, а часов до трех. - М-минуточку! Так и я с Даней готов, - моментально отреагировал Сергей. - Мы с вечера постоим, а они...

- Нет уж, - не согласился Саша. Борьба великодуший сползала на уровень кухонной свары. Высокие договаривающиеся стороны, друг с другом не общаясь, апеллировали к Данилычу. Переработать и недоспать - само по себе все это не страшно, но чтобы этим воспользовались другие! Не нужно делать из меня дурака!.. Уже начались, ни к селу ни к городу, воспоминания о том, кто стоял на руле последние два часа, уже аристократически побледнел Саша и Сергей втянул воздух - чшшш? - начиная закипать, когда Данилыч не выдержал:

- Противно на вас смотреть, вот оно! Сам всю ночь простою. Вы мне не нужны! Команда опомнилась. Решено было тянуть жребий, и короткая спичка, означавшая "собаку", досталась нам с Сашей. Раздор затих. Данилыч прилег, а мы четверо тихо перекурили на палубе.

Было около половины одиннадцатого. Сизо-багровый закат догорел, луна еще не всходила. Мягкая мгла ночи была вся пронизана разноцветными, точечными, ничего не освещавшими огоньками. Небо, исколотое булавками звезд, стекало вниз и продолжалось в густой тьме воды.

За кормой, построившись в длинную очередь, светил первой величины, мигали буи Керчь-Еникальского канала. В стороне проплывали ходовые огни судов, следующих рекомендованным курсом № 30. Теплым, домашним, печным светом при каждой затяжке разгорались и опять меркли угольки папирос. Все-таки ночь многое меняет.

- И ше мы делим? - неожиданно спросил Даня. Ему никто не ответил.

- Жаль, что домой скоро... - Это был голос Саши.

- Ну ты же телеграммы пока не получил.

- Все равно придется. Непокойно... - Саша помолчал. - А хорошо бы под конец - приключение! Очень уж гладко идем.

- Что значит "приключение"? Переворот оверкиль?

- Это скорее досадное недоразумение! - Саша засмеялся. - Подул бы ветер - чтоб закладывало хорошенько, брызги, волна в борт била - чтоб нервы, короче, пощекотать!.. Вот каких приключений я жду от Азовского моря, - после паузы резюмировал он своим обычным, суховатым тоном.

Да он скрытый романтик, подумал я, как же с моими версиями?! Сергей лениво сказал, что ждет от Азовского моря более мирных приключений - например, рыбацких. Вскоре разговор затих; ничего он не изменил, ночные пары - Саша со мной, Сергей с Даней - были определены, и диспозиция корректировке не подлежала. Мы с Сашей докурили и улеглись, оба в носовом кубрике. Грохот мотора доходил сюда ослабленным, я быстро заснул.

Из лоции Азовского моря.

С мая по сентябрь гидрометеорологические условия для плавания судов в Азовском море благоприятны. Погода обычно тихая, ясная. Циклоническая деятельность ослаблена, штормы наблюдаются редко...

Немолодой, но крепкий палач поднял меня - и с размаху бросил на бетонный пол. Глаза резал беспощадный мертвый свет камеры пыток.

- Где страховочный пояс?! - завизжал человек с глумливым лицом садиста. Стиснув зубы, я молчал. Было очень больно. Сознание уходило, я куда-то проваливался и снова толчком выныривал. Садист ухмыльнулся, заплечных дел мастер зачерпнул воды из стоявшей почему-то здесь же, в пыточной, эмалированной ванны и с криком "пристегнись!" выплеснул мне в лицо...

Я проснулся. Сквозь дыру люка лились лунный свет и морская вода. Натужно ревел мотор, какой-то свист и клокотанье перекрывали глухие шипящие удары. Перед каждым ударом меня приподнимало над койкой, швыряло вниз, а сверху каскадом изливалась очередная порция пронизанной мертвым светом воды. С трудом ориентируясь в запрокинутой тьме, я наспех оделся и полез вон из этого миксера. На краю люка сидел Саня; он курил, явно наслаждаясь происходящим.

- Чего встал! Еще только час ночи!

Не отвечая, я вылез на палубу. В лицо с правого борта бил горячий, плотный ветер. Накренившись, яхта шла под гротом и штормовым кливером. Мотор работал на полных оборотах.

- Пристегнись! - закричал с задней банки Данилыч. - Где пояс?

Я сполз вниз. Сергей - почему-то вместо того, что-бы нести вахту с Даней, он лежал на своем обычном месте, - Сергей сонно спросил, что случилось.

- Все нормально, - не очень уверенно сказал я, - но если хочешь встать, надень штормовой пояс.

- А где он? - страдающе спросили из темноты. Я неопределенно ткнул пальцем в направлении парусного отсека, повалился на край койки, куда брызги не доставали, и снова заснул.

Но ненадолго. Меня опять пытали, били огромной шахматной доской. С криком разлепив глаза, я обнаружил, что ноги придавлены. Периодически на колени и гораздо выше хлопались все новые шахматные доски. В темноте рядом возились и пыхтели.

- Баклаша! - прорезал ночь голос Сергея. - Баклаша, я переложу к тебе книги. На меня полка упала.

- Хорошо, - кротко сказал я, - только кидай в нижнюю часть ног... в нижнюю!!!

- Постараюсь... понимаешь, я сплю, а они падают!

- Очень хорошо понимаю, - отозвался я. Ни одного из нас не удивил следующий факт: мы друг с другом снова разговаривали, впервые за последние трое суток!.. Заснуть же под судовой библиотекой не удавалось. Мы в буквальном смысле были обременены знаниями, и знания эти не лежали мертвым грузом: они скакали по нашим телам, заключенные в тома с твердым переплетом. Окончательно пробудившись, полезли наверх.

В кокпите у штурвала, широко расставив ноги, стоял Даня. Лицо у него было какое-то отрешенное. Цепляясь за тросы, я кое-как пробрался к Данилычу, пристроился рядом с ним и закричал прямо в ухо:

- Откуда вдруг ветер?! Давно?

- Видишь ты, - отвечивал шкипер, - вы легли, луна взошла, слегка дунуло. Потом посильней. Ну, мы паруса набили... вы с Сергеем не обижайтесь, Даня и Саша поопытней, пришлось их двоих задействовать!

- Да я не обижаюсь! А как теперь...

- Теперь уже бизань скинули, крепчает он, вот оно! Теперь с двух вам с Сергеем заступать, вы уж не обижайтесь...

Я не обиделся. Для человека, перекрикивающего ветер и мотор, голос Данилыча был на удивление спокойный. Я тоже успокоился. Наверху крен и качка казались слабей. Мачты, ванты, подбегающая волна - взгляду было за что уцепиться, и это как бы возвращало миру потерянную устойчивость.

- Зыби мало! - поняв ход моих мыслей, утвердительно прокричал Данилыч... Действительно, волна была не слишком высокой - примерно двухметровой, - но вся так и кипела, покрытая орнаментом гребешков, пены, волночек второго и третьего порядка малости. По сравнению с черноморской волна была значительно "короче и круче. Яхта не успевала отыгрывать, палубу заливало. Накат шел в борт; справа и немного сзади сияла яркая, желтая, полная луна. На небе не было ни облачка, спокойно светили звезды. Я разглядел линии пены, тянувшиеся в свинцовых впадинах между валами. Их появление означало, что ветер не слабей шести баллов. Было два часа ночи; яхта находилась где-то у самого центра Азовского моря.

Подошло время "собаки"; первым на руль стал Сергей. Передача штурвала превратилась в сложную операцию. Сначала Сергей вполз в кокпит и перестегнул страховку, потом, держась за мачту, долго искал и не находил положения равновесия; наконец встал рядом с Даней. Еще какое-то время они рулили вдвоем, затем Даня отпустил штурвал и был отброшен куда-то в темноту. Смена состоялась.

- На руле не тяжело? - закричал Данилыч. - Не давит?

- Немного...

- Тогда скинем кливер, - Саша с Даней сбили передний парус и уползли в каюту, чтобы заняться безнадежным делом: попытаться уснуть. Сергей стоял у штурвала довольно долго; но когда я предложил его сменить, он удивился.

- Не устал... Всего минут десять стою!

- Больше часа! - С бесконечными предосторожностями я занял его место.

- Держи ровно триста! - прокричал Сергей. - Увалишь - тяжело вернуть!

Я сразу понял, почему у стоявших до меня были отрешенные лица. Руль требовал максимума внимания. Глаза прикованы к светящейся, заваленной набок картушке компаса, но боковым зрением я вижу, как приближается очередной вал - нависает над бортом, подкатывает, настойчиво отдавливает корму влево; грот сильней берет ветер, и, упреждая рыск, я всей тяжестью наваливаюсь на штурвал. Яхта увеличивает ход, скатывается в сырой овраг между волнами; несколько секунд ее ведет - уже влево - и снова подходит вал... Ощущение упругого сопротивления и покорения лодки повторялось, не надоедая; это было захватывающее ощущение силы. Руки стоящего у руля в маленьком мире яхты были руками бога.

Впрочем, эти мысли пришли позже. Стоя на руле, ни о чем не думал - не успевал. Глаза, руки, все тело совершали настолько сложную и быструю работу, что если б я рассчитывал - сейчас нужно повернуть штурвал, а сейчас, чтобы удержать равновесие, тверже опереться на правую ногу, - если б я продумывал свои движения, я бы запутался, испугался, ничего не успел. Но я все успевал и ничего не путал. Яхту, ставшую продолжением моего тела, вело какое-то чутье. Я совершенно ясно понимал - бояться нечего, оно не подведет, это чутье, только не надо ему мешать. Не надо думать...

Прошло, как мне показалось, минут десять, и Сергей меня сменил. Время на руле проходило ускоренно; тем медленней оно тянулось на кормовой банке. Полубольной, укутанный плащом, Данилыч подремывал, сложно ухватившись за леера. Стоило, впрочем, на горизонте заплескаться цветному тройнику ходовых огней, шкипер просыпался и замечал его первым. Суда проходили справа от нас, и мы были им благодарны. Мы радовались и тому, что не сбились с пути - идем, как и положено, параллельно рекомендованному курсу; и тому, что не одиноки в этом ночном, бурлящем, непонятном море, что у нас есть товарищи по шторму; но главным поводом для радости оставалось то, что эти товарищи проходят достаточно далеко и невзначай не отправят нас ко дну.

Однако суда встречались редко, а все остальное время смотреть не на что, делать нечего, занять себя нечем. Над слегка подсвеченным парусом виднелось однообразное в своем спокойствии небо, под парусом - кусок однообразного в своем беспорядке моря; вот только в зрители я не годился. На корме меня сразу же охватило неприятное ощущение, которого не было, пока я стоял у руля. Пожалуй, не страх - скорее щемящее чувство неустроенности и напряженного, затянувшегося ожидания. Внешний мир давил, как мог - визжал, ревел, обливал забортной водой, вырывал из-под ног палубу - но я во всем этом как бы не участвовал. Я не принимал шторма: в противовес его хаосу во мне с усилием сохранялось нечто неподвижное, упорядоченное. Это усилие раздражало и утомляло. Я не мог любоваться "величием стихии", хотя умом и признавал это величие - я им томился, почти брезговал.

То же внутреннее напряжение слышалось и в спокойном, излишне спокойном голосе Данилыча. Мы переговаривались, верней перекрикивались, в основном для демонстрации взаимного спокойствия голосов. Героем переговоров-перекриков был ветер.

- Он вроде потише!

- Что?!

- Вроде стихает, говорю! На восходе убьется! Точно!..

Само слово "ветер" не произносилось; мы кричали о ветре, бросали слова на ветер, но почему-то избегали называть его ветром. Мы говорили - "он", по свидетельству Льва Тостого, так же - он - русские солдаты именовали противника.

В действительности было непонятно, усиливается или слабеет ветер. Он дул неровно. Мы могли замечать только резкие ослабления или порывы. В остальное время ветер ощущался, как притерпевшаяся боль: становился условием бытия, пронизывал все, но сам по себе как бы не существовал. Наступало временное затишье, и мы, расслабившись, кричали друг другу что-то успокоительное; но он опять надавал, и опять, замолчав, мы уходили в себя. Как ни странно, каждый должен был бороться со штормом в одиночку.

На руле было проще. Я сменил Сергея, Сергей сменил меня. Ощущение времени потерялось. Казалось, ветер только что задул; потом начинало казаться, что "Гагарин" валится на бок, и уходит от волны, и повторяет этот несложный захватывающий трюк уже годы; что так было всегда и всегда будет - изменений не предвидится... И все же что-то менялось, проходили особые безразмерные ветро-часы. Сергей сменил меня, я сменил Сергея. Спереди и справа по курсу начала замещать звезды сизо-багровая заря. Она была точной копией вчерашней, только поменяла место.

Одновременно с восходом, около пяти часов, шторм достиг наибольшей силы. Яхту клали трехметровые валы. Отмечавший угол крена отвес, который мы с филологической фамильярностью звали "кренометром", гулял далеко за сорокаградусной отметкой. Грот был давно зарифлен, его не мешало бы сбить, но мы и не пытались этого сделать. Пришлось очистить палубу: вахта сгрудилась у ног рулевого в защищенном от волн кокпите.

Я стоял у штурвала, когда близко друг к другу, одна за другой и одна выше другой, подошли три волны. От первой я отвернул, но при этом яхту увело на ветер; вторая, промежуточная волна отвесила тяжкую пощечину правой скуле яхты, третья нависла над бортом.., Я понял, что подставить ей корму уже не успею. - Ого! - в первый раз позволил себе сказать Данилыч, когда гребень закипел выше правого ходового огня "Гагарина"...

Из лоции Азовского моря.

Небольшие размеры, малые глубины и значительная изрезанность берегов Азовского моря ограничивают развитие волнения. Даже во время сильных штормов степень волнения не превышает 4-5 баллов. Тем не менее иногда возникают опасные для малых судов волны, имеющие значительную крутизну и малую длину.

...Я изо всей силы увалил штурвал влево и успел заметить, что кренометр отклонился до красной отметки 60°. Потом его стрелка звонко щелкнула об ограничитель и сломалась. Я почувствовал, что зависаю, отрываюсь, парю над палубой.

Яхта летела в воздухе.

Это длилось какие-то доли секунды. Резко ударившись о воду, "Гагарин" черпнул правым бортом... и выпрямился. В каюте грохнулось что-то тяжелое.

- Вообще-то, - спокойно заметил Данилыч, - таким волнам задницу нужно подставлять.. В кокпите вдруг стало тесней - из люка полезли Саша с Даней.

- Ше за дела?! - вопил мастер по парусам. - Ше такое?!

- Ничего особенного. Идите досыпайте.

- Спасибо, - вежливо ответил Саша. - Дважды из коек выкидывало!

- Ладно... - Даня зевнул. - Пошли и вправду еще покемарим... - взлохмаченные головы исчезли. О разладе, как и у нас с Сергеем, - ни слова!..

То ли напряжение, длившееся слишком долго, перегорело, то ли меня развеселили вездеспящие матросы, но только после "девятого" вала я почувствовал: ничего с яхтой не произойдет. "Гагарин" держался молодцом.

В конце концов этот шторм только мне в новинку, подумал я и, желая почерпнуть дополнительную уверенность, прокричал:

- Данилыч а вы так уже бывали? И сильней доставалось, да?

- Да нет, - ответил Данилыч, - на "Гагарине", пожалуй, в первый раз так. Но что я теперь понял...

Капитан поудобней устроился в кокпите и закончил:

- Теперь я понял: любое море нужно звать на "вы"!

Глава 10 Бердянская элегия

То же утро 22 июля, тот же шторм.

I

Солнце оторвалось от изрытой волнами линии горизонта. Верхушки гребней окрасились багровым, но основное, мертвенное освещение создавала с запада все еще яркая луна. В зрелище двух равноправных светил над хаосом свинцово-багрового моря было нечто инопланетное. При виде этой ожившей иллюстрации к фантастическому роману хотелось ущипнуть себя и проснуться. Я ущипнул себя и проснулся. Несмотря на броски яхты, спать хотелось невыносимо. К счастью, вахта кончалась; из кубрика снова возникли Саша с Даней. Вид у них был помятый.

- Ух ты! Да... - только и сказал мастер по парусам, бросив взгляд на космический пейзаж моря.

Я сполз вниз. Каюта напоминала свалку во время землетрясения. Все, что когда-то пряталось в углах, лежало на койках, висело на стенах, теперь перекатывалось, сплеталось, сложно сочеталось на полу. Хрустели осколки бутылок; судя по запаху, это были бутылки из-под уксуса и коньяка. В сплетении простынь и одеял, как самородки в породе, сверкали банки тушенки. Все это безобразие было присыпано супным концентратами, посолено, подсахарено, поперчено и вымазано повидлом. Дубовый анкерок, исходя последними каплями воды, бодал переборку. Я вяло и неудачно увернулся от анкерка, заполз на широкую носовую койку, заклинился...

- В одиннадцать покажется Бердянский буй. Потом - берег! - Эти слова Сергея я слышал, проваливаясь в сон, сон, сон...

II

Из лоции Азовского моря.

Северный берег Азовского моря простирается от Крымского полуострова до Таганрогского залива на 112 миль. Этот обрывистый берег пересечен во многих местах балками. К югу от него отходят косы Федотова, Обиточная, Бердянская и Белосарайская. Все косы настолько низкие, что в некоторых случаях приметные пункты северного берега открываются раньше, чем сами косы.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: подход к северному берегу Азовского моря требует особой осторожности: судно может быть снесено на отмели, простирающиеся от кос, или на сами косы.

- Вижу землю! - разбудил меня глас Данилыча. - Сергей! Уже одиннадцать, где же твой буй?!

Для обозрения берега вся команда собралась наверху. Ветер завернул к югу и немного стих. Волны стали ниже, но еще круче.

Далекая земля виднелась почему-то с трех сторон: спереди, справа и слева. Полупроснувшийся Сергей долго смотрел в карту, потом уверенно ткнул куда-то пальцем, заорал: "Мы сейчас тут!", повернулся к Дане и уже тише, конфиденциально прокричал:

- А где буй, сам не знаю!

Мастер по парусам не отозвался. Как обычно в подобных случаях, Даня восседал на носу, впередсмотрящим. Неожиданно он пробормотал что-то вроде "ты будешь смеяться!" и передал Сергею бинокль. От судового врача бинокль переключал к Данилычу, потом к Саше, потом ко мне; обошел всю команду. Происходило все это молча: прокомментировать увиденное никто не взялся. Далеко впереди, то почти скрываясь между волнами, то возносясь, мелькал в штормовом море рыжий треугольник паруса.

Берег быстро приближался. Показались корабли на рейде, силуэты портовых кранов, нашелся Сережин буй... Справа тянулась Бердянская коса; земля слева была косой Обиточной. На девяностомильном ночном переходе мы промахнулись всего миль на пять.

Парус впереди тоже рос, был виден уже и невооруженным глазом. "Гагарин" явно догонял, побеждал, справлялся... Вот рыжий треугольник повернул направо, к Бердянской косе; мы за ним. Никто по-прежнему ничего не говорил, только Сергей чаще обычного с шипением - чшш?... - втягивал в себя воздух. Все ближе, ближе... Вдруг парус впереди накренился, мелькнул на фоне песчаного берега - и исчез.

Из лоции Азовского моря.

Бердянская коса ограничивает Бердянский залив с востока. Восточный берег косы сравнительно приглубый. Вблизи западного берега лежит остров Малый Дзендзик. От этого же берега выступает полуостров Большой Дзендзик. В южной части полуострова видны строения рыбозавода.

Полуостров Б. Дзендзик и остров М. Дзендзик ограничивают с запада небольшие бухты, используемые для стоянки рыболовных судов.

Нас качало все меньше: "Гагарин" входил в защитную зону косы. Переход от шторма к покою был резок. Теряя свинцовые оттенки, вода налилась безмятежно-голубым. Еще двести, еще сто метров - и нас окружил уютный, заброшенный рай. Рыбозавод на косе был покинут людьми; он тонул в зелени камыша, подступившего к стенам, и напоминал поглощенные джунглями города древней Индии. Напротив развалившегося причала стояли сети, которые никто не проверял. Неподвижно висела в голубой воде лодка, на которой никто не плавал. За узкой полосой песка, в искрящейся васильковой лагуне, виднелся маленький пирс и возле него...

- Это не "Мечта"! - с облегчением выдохнул Даня. В лагуне стоял небольшой швербот.

Промеряя глубину, мы подошли к берегу. Смолк восемнадцатичасовой грохот мотора. Уши затопила тишина. Коротко прогремела якорная цепь. Сергей осторожно кашлянул, пробуя голос.

На корме незнакомого швербота теперь уже ясно была видна надпись - "Миф". Порт приписки - Ростов. На палубе ни души; мачта покосилась, на крыше каюты лежал несвернутый, видимо, только что сбитый штормовой парус...

- Черт бы вас побрал, - пробормотал Даня. - нервы?..

- Пижоны, - согласился Данилыч. И тут же из каюты "Мифа" высунулась взлохмаченная голова. Долговязый парень с осунувшимся лицом вылез наружу. В руках он держал обломок румпеля.

- Салют, ребята! Меня зовут Валера. У вас лишнего руля не найдется?..

Ш

К вечеру в бухте под прикрытием Дзендзиков собралось не меньше десятка яхт. Вдали, за косой, по-прежнему ревел бессильный здесь шторм.

У летчиков есть термин "улететь на палке". Это значит, что человек спешит, а мест в самолете уже нет. Тогда между креслами пилотов кладется палка. Настоящий шофер никогда не проедет мимо машины с поднятым капотом. Если на экзамене по спецкурсу "Статистическая теория жидкости" тонет студент, спасти его бросается вся кафедра.

И вот что любопытно: после подобных контактов настроение повышается и у нуждавшегося в помощи, и у того, кто помогал...

Яхты прибывали поодиночке в течение всей второй половины дня. Было интересно следить, как помятое суденышко забегает в лагуну: экипаж сбивает паруса, лица у всех ошалелые, голоса хриплые, сорванные, ненужно громкие; отдают якорь, начинают озираться; постепенно приходят в себя, здороваются, И вливаются в дружную компанию бухты Большого и Малого Дзендзиков. Странные сюрпризы преподносит путешествие. В Ялте, встретившись с давними друзьями, не знаешь, о чем говорить. А с людьми, которых видишь впервые, находится множество точек соприкосновения.

- Стаксель - в куски. Ну, думаю...

- А у нас? Сижу в кокпите - мокренько!

- Насчет мачты у Данилыча поинтересуйтесь. У одесситов все есть! - весело кричит из воды, прилаживая к корме "Мифа" новый руль, старожил бухты Валера. Подомашнему сохнут на крышах кают подушки и простыни, кто-то негромко чертыхается, штопая парус, кому-то понадобился ключ на семнадцать; Саша варит борщ - и ароматный пар плывет над лагуной; Даня оседлал мачту таганрогского "Витязя", помогает чинить рею; и течет над водой, то и дело прерываясь грубоватым смехом, неторопливая беседа яхт.

Раздается возглас: "Генацвале, прими швартовы!" - и еще один гость появляется в бухте: кэч "Арго" с грузинским акцентом... За косою все так же гудит шторм.

А вечером на борту "Гагарина" состоялся прием. Починившиеся яхтсмены прибывали на минутку, с визитом вежливости; на минутку присаживались и уже никуда не уходили. Здесь были просоленные представители двух морей - Черного и Азовского. Удивительно много народу может поместиться в каюте! Валера - терапевт из Ростова - сидит, упираясь головой в потолок, на острых коленях батумского докера. Между плечами двух сварщиков - Эдика и Фимы - зажат шкипер, по профессии портной. Уже ясно, что борща на всех не хватит, и не только борща; но кто обращает внимание на подобные мелочи во время спора о том, "чье море лучше"!

- Мелкое?! Потонуть хватит! А ветра...

- Рыбы у нас меньше, да. Зато простор!

- Генацвале, дайте я скажу! Яхтингу мешает пограничная система, верно?

- Еще как! Ну?..

- В таком случае у нас два выхода, генацвале: либо упразднить границы, либо сделать Черное море внутренним!..

Мне было хорошо с ними. Спор, основанный на местном патриотизме, скоро иссяк, капитаны "Мифа" и "Арго" сцепились уже на новой почве: сравнивая бермудское парусное вооружение с гафельным. Два судовых врача делились последними каплями средства по профилактике насморка в открытом море. Разногласия возникали непрерывно, по каждому поводу, но это были разногласия единомышленников.

И только одна маленькая заноза не давала мне покоя. Сергей сидел рядом со мной; последние полчаса он пытался разучить с Эдиком и Валерой одесскую песню "Придешь домой, махнешь рукой, выйдешь замуж за Ваську-диспетчера". Аккомпанемент - и кого из гостей черт дернул захватить гитару! - как всегда у врача-навигатора, смахивал на испорченное "Болеро" Равеля; но не в том дело...

Сейчас я уже не понимал: на каком мы свете? Если на мирном - похоже, что так, - то не начнется ли из-за оставшейся неопределенности новое расхождение? Сколько можно, сердито подумал я и повернулся к Сергею. Только что отзвучал последний аккорд "Болеро"; судовой врач опустил гитару и весело смотрел на меня. - Знаешь что? - начали мы одновременно... Продолжения не понадобилось. Далее мы действовали по примете - продублировав слова, собеседники должны взяться за что-нибудь черное и загадать по желанию - и оба ухватились за клеенчатую зюйдвестку пожилого капитана "Витязя". Думаю, что загаданные нами желания совпали.

- Вы чего, ребята? - Капитан "Витязя" снял с себя зюйдвестку и внимательно осмотрел. По другую сторону стола дружно рассмеялись Саша с Даней. Общий разговор - уже о проблемах речной навигации - пошел своим чередом.

Мне жаль, что вас не было с нами в ту ночь, читатель. Мы просто сидели все вместе и беседовали; иногда пели, пели и пили. Детали ночи выделились из темноты, стали выпуклы и заметны - огни далекого порта, уют и покой освещенной изнутри каюты, свежесть близкой воды. Ночь была прекрасна, прекрасен был "я пронзительный спирт, и грубый вкус жесткой китовой тушенки, и первобытный хаос стола; и ночь уже убывала, когда мы наконец разбрелись по своим яхтам, по темным миркам, покачивающимся на масляной черной воде.

Жаль, что вас с нами не было.

Глава 11 Бердянская элегия (продолжение)

I

Меня разбудила тишина. Фон прибоя, всю ночь гудевшего за косою, утих. Тишину лишь подчеркивали, оттеняли одинокие вопли крачек, пикирующих над камышом. Я вылез на палубу - и зажмурился. Лагуна вся горела под утренним солнцем. Большинство яхт ушло, остался, кроме "Гагарина", только ростовский "Миф": зато на берегу Большого Дзендзика, где вчера не было ни души, кое-где виднелись неподвижные фигуры с удочками. Они, пожалуй, только усиливали ощущение пустынности берега - росли на песке коряво и естественно, словно кактусы, и казались наименее живой деталью окружающей природы.

На яхте еще все спали. Я не спеша сделал зарядку, чего со мной давно не случалось, и выкупался. Лагуна была неглубокой. Сквозь теплую воду просвечивало дно. Нырняя, я заглядывал в уютные ущелья между камнями; в каждом ущельице заседал, изумленно тараща на меня глаза, кворум непуганых бычков.

Потом я подплыл к берегу и с наслаждением зарылся в горячий, сухой, тонкий песок. С борта "Гагарина" потянуло ароматом кофе: Саша, очевидно, уже встал и возился на камбузе... Ничего, кофе подождет. Одиночество в небольших дозах тоже полезная вещь.

Саша тоже решил выкупаться. Я услышал всплеск и приближающееся фырканье; затем матрос Нестеренко вышел на берег. Я прикрыл глаза, притворился спящим. - ...Вот вы, кажется, рыбак?.. - Саша зря времени не терял. Он подошел к одному из людей-кактусов и завел разговор - в своем амплуа. Я прислушался: сейчас, конечно, он попросит объяснить, почему у рыб кровь холодная... Однако Саша оказался практичней. - Скажите, а камбала тут есть? - спросил он. Рыбак слегка кивнул и указал пальцем через левое плечо.

- А глосси? А тарань? - Рыбак снова кивал и указывал через правое.

Я приподнялся на локте. Саша никак не мог назвать рыбы, которая бы здесь не водилась. В заливе на червя ловили лещей, кефаль, судака, тарань, глоссей, камбалу,

бычков и "дракончиков" ловили на рачков, по другую сторону Дзендзика. Снасти у нас, положим, только бычковые, нет наживки, и все-таки...

Когда Саша закончил расспросы и подошел ко мне, спящим я уже не притворялся. - Все разведано. Рачки в лагуне водятся. Бычков лучше всего у затопленной баржи ловить. Мне показали.

- Да ты-то разве рыбак? - Я с удивлением заметил в холодноватых глазах Саши хорошо мне знакомый - по другим людям - азартный блеск.

- Я - нет. А ты?

II

Предметом ловли бычков является пухленькая головастая рыбка. Ее размер колеблется от мизинца до полуметра. Орудие лова: леска, снизу груз, чуть выше два "отворстка" - поводка - с крючками. Грузило ложится на дно, бычок дергает рачка, вы дергаете леску - и вытаскиваете улов. Все очень просто.

Так просто, что трудно понять: в чем тут удовольствие? Говорят о радости общения с природой; но в Одессе, например, раньше хорошо ловилось "на горячке" - участке берега под сточной трубой мясокомбината. Природа там довольно своеобразная; и все же после рыбалки вспоминаешь не шум грязной воды, не сомнительный запах, а предощущение клевка, и короткую борьбу, и чувство обладания, когда можно потрогать, подержать в руках живую, крепкую, бессмысленно красивую рыбу. А если ловля происходит на вольной Бердянской косе, когда на душе еще свежо после шторма, - в памяти, кажется, навсегда остается каждая ее подробность.

Вот мы втроем - Сергей, Саша и я - сидим на прогретых досках палубы; разбираем снасти. Шкипер и Даня убыли на "Миф" для завершения ремонта, у нас на борту тихо. Идет подготовка к рыбалке: этап предвкушения, таинство. Крючки берешь из специальной коробочки с отделениями, где они разложены по номерам. Грузила и поплавки лежат отдельно, в особом ящичке. Старые "справы" нужнораспутать, опробовать "месину". Затем на крючки надеваешь, для страховки, по кусочку пенопласта. - Это булинь? - уважительно спрашивает Саша, глядя, как я довязываю особый, от Деда доставшийся в наследство узел.

- Это, Сашенька, двойной булинь!..

Вот мы с матросом Нестеренко ловим рачков у заброшенного причала. Причал обаятельно стар. Его доски растрескались под горячим солнцем, ржавчина свай поросла травой. На мели рядом с нами покоится забытый сейнерок - обломок глубокой древности. К рыбозаводу ведет пологий бетонный скат; бывшие ванны для засолки рыбы кажутся преувеличенно шершаво-сухими, как все места, где когда-то была вода. Никакой мерзости запустения не ощущается: наоборот, старое здание и причал забыли о своем рукотворном происхождении, слились с солнечной тишиной косы. Я брожу по пояс в теплой о лагуне. Разноцветные водоросли забивают сетку, мы вываливаем эту ароматную грудку на доски, от нее поднимается йодистый пар. Саша вывозит из дебрей морской травы рентгеновски прозрачных креветок, судорожно сгибающих розовато-коричневое тельце. Деловитые крабики выбираются сами; они боком подбегают к краю причала и галькой плюхаются в воду. Подошел мокрый Сергей. В руках он бережно несет подводное ружье. Это циничное,

откровенное орудие убийства. Гарпун с зазубренными вилами годится для охоты на акулу: любая рыба помельче проскочила бы меж зубцами. Новоявленный Кусто пытался бить камбалу; к нашему намерению ловить на крючок он настроен снисходительно.

- Ну как там рачки?

- Наживка есть. А камбала?

- Пока нету... Бычков масса. Одного взял.

- Да ну! Из этого миномета?..

- Не совсем, - признается подводник. - Плыву я, гарпун в руке держу. Вдруг - голова из-под камня, здоровая! Я его - гарпуном, плашмя!.. зря, между прочим, ржёшь: бычок такой, что его на пол-ухи хватит! Посмотри на берегу, я его в ласт засунул, - из последнего замечания становится ясно, что бычок все-таки не больше ноги сорок второго размера.

- А теперь кефаль возьмем, - Сергей бодро плюхается в лагуну, и элегия Бердянской косы приобретает тему посапывания...

Вот мы надуваем и спускаем на воду собрата "Яшки" - надувную резиновую лодку ярко-рыжего цвета.

- Мне объясняли так, - говорит Саша, - сначала будет мелко, потом сразу глубоко: там она и лежит.

Я гребу, Саша консультирует, Сергей ныряет за кормой. Идет вторая стадия рыбалки - поиск заветного места. В данном случае это затопленная баржа.

- Ну что, Серега, есть баржа?

- Не-а... фуфф...

- А бычки?

- Фуфф... и бычков не-а... - Сергей уходит под воду.

- Саша! Тебе ведь показывали?

- Показывали, - соглашается Саша, и я еще раз прослушиваю его информацию, как бы пытаюсь найти тайный смысл в словах "сначала мелко... потом, наоборот, глубоко". - А вот здесь бычков навалом, - вынырнув, заявляет Сергей, и мы тут же замечаем под лодкой ржавое тело баржи. Вода то обнажает, то медленно накрывает ее корму; водоросли, похожие на гриву крашенных волос, вздымаются дыбом и опадают. С одной стороны баржи мелко, с другой - глубоко; все правильно. Можно приступить к основному этапу рыбалки, собственно лову - и Сергей влезает на борт...

Если образ судового врача производит на вас приятное впечатление, дорогой читатель, то это потому, что вы никогда не ловили с этим образом бычков. Тело моего соавтора страшно любит удобства. В лодке тело стало моститься, недовольно побряхтывать. Соавтор предлагал поменяться местами. Соавтор постанывал и кренил лодку. Его ноги обладали свойством внутрь лодки не влезать. К тому же у него упорно не клевало.

- М-минуточку! Баклаша, давай попустимся! - канючил он поминутно. Я все эти предложения отметал: у меня-то как раз клюет! Мы с Сашей азартно "таскаем". Через

какой-нибудь час под ноги приятно взглянуть: там, на дне лодки, грудой ворочаются и "сурманы" с разлапистыми жабрами, и "кнуты", и толстые поросята-бубыри с зелеными глазами.

Но вот происходит неизбежное! Я захотел пить, вплавь добрался до "Гагарина", а когда возвращаюсь к барже, то обнаруживаю, что пропил свое рыбацкое счастье. В мое отсутствие Сергей переменил место и достиг желаемого: теперь не клюет не у него одного.

- Зачем кричать? М-минуточку, - говорит судовой врач. Он надевает ласты и лезет в воду...

Сигареты намокли первыми. Сережина идея - в том, чтобы зацепить второй якорь и растянуться вдоль баржи на двух кодолах; но я никогда не видел, чтобы здравая мысль так бездарно проводилась в жизнь.

Осташкины ноги, вооруженные ластами, торчали из воды в метре от нас и равномерно молотили по поверхности. На запросы с борта водолаз не реагировал; Саша совсем не вовремя начал выпрашивать: вот я, кажется, физик? Это правда, что звук хорошо распространяется в воде?..

- Внизу очень много бычков, - говорит Сергей, окончив свое черное дело. - Чего они не клюют, я не знаю.

Он влазит на борт, интересуется, почему в лодке много воды, и, выслушав ответ, пожимает плечами:

- А как иначе нырять? Все правильно.

Запуганные бычки больше не ловятся. Мы растягиваемся меж двумя якорями, передвигаемся, опять растягиваемся, попускаемся... Я по опыту знаю: все это напрасно. Я опять невольно вспоминаю давние времена, когда мы с Дедой, Владимиром Филипповичем Проницким, выходили на лодке "Форель" в море. Брезент на лодке вонял мазутом и солью, "Форель" мягко разваливала еще по-ночному масляную воду, и весь долгий горячий день был еще впереди.

Мы становились на якорь, и сразу, после первой же закидки начинался клев. Поднималось солнце, вода становилась глубокой и прозрачной, но все это замечаешь между делом, мельком. Мы сосредоточенно "таскали".

А потом клев затихал. С одиннадцати до часу бычки перестают клевать "по всему морю", и нам это прекрасно известно.

Но мы в это не верим. Начинает всегда Деда - ему, видите ли, перестал нравиться стук грузила по дну. Стук мягкий, значит, на дне трава. А бычок песочек любит, чистоту. Или камни.

И вот мы попускаемся - отдаем якорный конец. На новом месте глубже, что же касается стука свинца о дно, то он чист и тверд, как голос молодого Козловского. Одна беда: не клюет. Деда туманно поясняет: "Пошла низовка". Я сердито говорю, что низовка, донное течение, идет при "молдаване", а нынче широкий. Нужно искать старое место.

И мы подтягиваемся по кодоле назад. Но старого места уже нет, бычковая поляна куда-

то исчезла, рассосалась в таинственной безмолвии морского дна. Мы долго ползаем по кодоле взад-вперед. Я сержусь, Деда виновато улыбается.

Тем временем на соседней лодке, где сидят люди поспокойней, люди серьезные, скоротавшие перерыв клева на утреннем месте за бутылкой портвейна, снова начинают таскать. Деда вполголоса чертыхается; мы вытаскиваем якорь, заводим мотор и придвигаемся поближе.

Ну и так далее. Здесь мельче, дно травянистое, потому и не клюет; попускаемся, дно твердое, но вое же не клюет. Ветер широкий, или "молдаван", или мертвый штиль, вода теплая, а на дне, может, и холодная от низовки... Не клюет.

Становится ясно, что дела уже не будет. Мы прозевали, предали рыбацкое счастье, которое некий мстительный бог дает лишь раз на дню. И, осознав это, мы смиряемся, успокаиваемся, садимся перекусить. Солнце клонится к западу, вода густеет. Деда нарезает на крышке мотора хлеб, сало, разворачивает промасленный пакет с бычками прошлого улова; я посыпал солью мясистые половинки степных помидоров и с интересом, высунув язык, наблюдаю за крупными каплями как бы пота, выступившими на полированной мякоти среза... Нету в нас раскаяния: мы ничему не научились, назавтра история поисков места повторится, завтра новая рыбалка, а нынешний день - он позади, неплохой, в общем-то, день, долгий и яркий. Деда сидит напротив меня, чуть повыше, и мне хорошо видно, как ходит вверх-вниз кадык на сухой стариковской шее; но глотает он смачно, небольшие глаза от удовольствия даже подернулись влагой; и улыбается Деда, заметив мой взгляд, уже не виновато, как днем, - скорее лукаво, заговорщицки.

Что-то он знает, хитрый старик, что-то замышляет, выдумывает... И вдруг лицо Деды начинает размываться, дрожать, знакомые черты стираются, словно по доске провели тряпкой, и исчезают.

В прошлое.

Глава без номера

I

Данилыч наш улов высмеял. С точки зрения бывшего очаковского рыбака, бычки были делом несостоящим. Зато шкипер внимательно осмотрел камыши Малого Дзендзика, где безмятежно тянули сеть две лодки, и велел Дане "приготовить снасть"... Но это так, к слову. То, о чем говорится в этой главе, произошло значительно позже, в последние дни путешествия, на Волге. Даже не "произошло", а происходило; да и сейчас происходит. И не только на Волге - на Дону, на Черном и Азовском морях, повсеместно. Просто на Волге это явление наиболее заметно. Речь идет о браконьерстве.

II

Последние дни путешествия мы провели на Волге, спускаясь от Волгограда к Астрахани.

Это были чудесные дни. Цель путешествия достигнута, спешить больше некуда. Легкая тоска по дому - и легкая ностальгия по лежащему позади пути, сладкая грусть

окончания, от которой лишь ярче становятся и чудеса, и быт дороги. Нижняя Волга хороша. Могучее русло окружено сплетением боковых уютных протоков, для ночевки всегда найдется тихий затон, ночи тихие, немного душные, и мы подолгу сидели на палубе в чернильной тьме, вспоминали наш путь, пели - способность Волги катализировать песенный порыв давно известна.

Но иногда нам мешали. В темноте раздавался треск подвесного мотора, потом замолкал, легкий удар по борту яхты - и хриплый голос:

- Грязь нужна?..

Данилыч включает фонарик; луч выхватывает два-три лица, иногда это страшные испитые рожи, а иногда лица как лица, хотя и принадлежат они браконьерам. Следует добавить: профессиональным браконьерам.

III

Браконьерство бывает любительское, профессиональное и государственное. С медицинской точки зрения человек, выпивший рюмку вина, может считаться начинающим алкоголиком; точно так же рыбак, поймавший карасика меньше установленного размера, со строго юридической точки зрения браконьер. Простейшая стадия браконьерства - бытовая. Веселая компания выехала к реке и ловит раков в период линьки. У них нет ни рачниц, ни наживки - только пиво, под которое раки хорошо идут. Эти горожане, эти лопухи о запрете чаще всего и не знают. Ну, может, кто-то краем уха слышал...

- Ребята, а ведь мы браконьеры! - говорит такой знаток. Это шутка: остальные смотрят на добычу, которая легко уместилась в кепку Вити Гвоздика, юноши с головой удивительно скромных размеров, и смеются. Больше всех довольны дамы: они гордятся своими мальчиками, своими добытками, своими секачами. Антиподом глупой компании является старик бакенщик. Он хорошо оснащен, а главное, "знает места". Знает бакенщик (егерь, охотовед, сторож лодочной станции) и то, что ловить сетью нельзя; но даже в шутку браконьером себя не считает. - Дед ловил, и я буду, - говорит несознательный сторож, а биолог с высшим образованием строит кривую популяции, из которой следует одно: не надо на корм скоту губить плавни.

В целом они правы. У деда-рыбака сеть с крупной ячейей. Молодь он сам выпустит, надеясь поймать подросших судачков осенью. Егерь подстрелит десяток ворон, каждая из которых уничтожает недосиженных яиц кряквы больше, чем поместилось бы в сапогах егеря, наполненных к вечеру болотной жижей. Ни один кабинетный боец за среду не заинтересован в охране дичи и рыбы больше этих людей; их несправедливая охота никогда не переходит в хищничество из-за весьма прозаического мотива собственности: это же мое! Что ни говорите, а профессионалы в любом деле полезны; дать бы им власть над химическими предприятиями - всю бы страну рыбой накормили. Но все общее, а значит, все ничье - так рассуждает самый страшный браконьер, лишь немного перевирая, вернее, перенося на несвойственную ему почву вольной охоты принцип нашей недавней государственности. А может, и не рассуждает - он так воспитан, а это куда важнее. И не случайно в Казахстане сквозь борта грузовиков течет кровь сайгаков, грудой сваленных в кузов, и не случайно плывут вниз по Волге трупы осетров со вспоротыми ради икры животами.

IV

Волжские браконьеры называли "грязью" черную икру. Самого осетра они зовут Курносым. Продавали "грязь" дешево: втрое, иногда и вчетверо дешевле госцены. Но мы так ни разу и не купили.

Сначала собирались. Почему бы не привезти домой банку-другую? Каждый из нас - не ханжа и не святой; когда "грязь" предложили впервые, покупка не состоялась только потому, что икра была свежепросоленной и до Одессы могла не дотянуть. Кстати, самого Курносого браконьеры не предлагали, и на то были особые причины. Фарватер Волги широк. Днем вода становится белой от непомерной яркости солнца, над водой струится дымка, и в этом ослепительном мареве труп осетра можно заметить метров за сто, не дальше. В течение дня мы замечали одного-двух; однажды пять. Ширина Волги в тех местах не меньше километра. Так сколько плывет по всей реке? И примерно треть плывет со вспоротыми животами.

Волжскому браконьеру нужна "грязь", сам Курносый ему без надобности. То есть он бы его взял, но ведь есть и рыбоохрана. Выскочит из протоки рыбоохранный катерок - куда с Курносым? Выкинешь - поплывет, сразу увидят. Сядешь. А "грязь" тяжелая. Стеклянная банка с икрой тонет сразу. Бульк!..

Поэтому Курносого потрошат, а тело выкидывают, не дожидаясь следствия. Издали труп осетра похож на корягу - до полутора метров длиной, больших мы не видели. Вблизи можно разглядеть дыру в брюхе, в которой плещется вода. И когда мы на все это насмотрелись, покупать икру расхотелось.

Жалеть осетра трудно, он не вызывает жалости. Легко жалеть теплокровное животное - собаку, лошадь, какого-нибудь симпатичного бурундука; и даже в физиономии иной рыбы, в том, как разевает рот карась, можно усмотреть нечто человеческое. И, соответственно, умилиться. Курносый умиления не вызывает: он слишком велик, силен, а главное - чужд человеку. Он слишком древен. Древность осетрового рода в доказательствах ихтиологов не нуждается, на него достаточно взглянуть. Удивительное рыло; акулий рот, рот на животе; странные ряды шипов, хрящеватых наростов на спине. Эти шипы какие-то ископаемые, они наводят на мысль о динозаврах; говорят, что любая царапина от такого шипа быстро загнивает. А в целом Курносый красив, вернее дивен: и красив и страшен. После убийства осетр не нужен не только человеку, но, по-видимому, и природе. Эти трупы даже чайки не клюют, хотя иногда на них садятся. В чем тут дело - не знаю; возможно, слишком плотная кожа. Достался бы хоть ракам, но раки на поверхность не поднимаются.

V

И нелегко ответить на вопрос - что тут можно сделать? Можно усилить рыбоохрану. Даешь каждому браконьеру по рыбинспектору! Знаете, что из этого единственно выйдет? Подорожает икра. Значит, нужно браконьера перевоспитать.

Ну а кто этим займется? Порядочные люди, живущие у воды, браконьера не так уж и осуждают. Рядом рыбколхоз, он тоже добывает Курносого, однако икру и балык увозят подчистую, и куда, тоже понятно. У браконьера хоть разживешься. Когда человек

сидит у реки и видит рыбу, ему хочется ее есть. И это правильно: рыбу нужно есть, в ней много фосфора.

И даже если взрастить поколение граждан, у которых икра будет вызывать аллергию, останутся те осетры, что плывут по Волге с нераспоротым брюхом.

VI

За спуск в воду отработанного горючего на Волге положен суд. Возле ГЭС имеются боковые каналы или подъемники для проходной рыбы. Волгу берегут. По берегут по мелочам, а там, глядишь, сероуглеродный гигант пустят... Ага, подумает читатель, вот мы и подобрались к "охране окружающей среды", проблеме, которая настолько навязла в зубах, что говорить и читать о ней уже невозможно. Ошибаетесь: об охране среды я ничего не скажу. Я в ней мало что понимаю. И пишу только о том, что сам видел.

Волжского осетра сохранить можно. А вот в Азовском море нам встречались тела дельфинов. Здесь живет мелкая порода сереньких дельфинов "азовочка". Никто на них не охотится. Они гибнут, задохнувшись в рыбацких сетях, и их трупы запутаны в крепкие нейлоновые петли. Можно сохранить "азовочку"? Можно... а вот у нас на Черном море давным-давно исчезла прелестная рыба - скумбрия. И никто не знает, почему. Наверно, если перенести южный промышленный комплекс на Север, скумбрия вернется. Но вам не кажется, что тогда кто-нибудь сдохнет на Севере?.. Я вообще что-то ничего не понимаю. Каждый, кто пишет об "охране среды", рано или поздно обязательно ввернет фразу: "Прогресс не остановить, мы этого и не предлагаем..." Какой прогресс?! Навоз значительно сложнее и совершеннее, чем любая минеральная соль! Правда, на этом основании иногда предлагают во всем вернуться к навозу.

Тут какая-то чудовищная путаница. Парус не только экологичней АЭС - детали его работы значительно тоньше, по сей день мы, физики, описать их толком не умеем. Это один из самых сложных механизмов, которыми пользуется человечество. С другой стороны, полупроводниковый солнечный элемент и умней, и чище любого костра. Сколько можно путать громоздкое и грандиозное с прогрессивным - и одновременно почему-то считать архаическое безвредным? Почему именно пауку обвиняют в том, что промышленность пользуется керосинками?!

Пусть не пользуется. "Некеросинки" давно придуманы. Если попросите, мы еще придумаем. Но вы ведь и то, что уже есть, не берете! При этом строится цепочка: дороже - сложнее - неэффективно - ненужно - невозможно.

Отказать.

А в целом все за. Никому неохота дышать гарью и пить то, что течет из кранов у нас в Одессе.

Здесь как с ростом населения. Человечеству в целом рост этот уже не нужен, вреден. А каждому государству в отдельности - нужен и полезен. Минводхоз занят святым делом: печется о своем коллективе. Я специально привожу примеры известные, тривиальные.

У волжских браконьеров тоже есть свои коллективы. У нас сохранилась фотография: человек восемь, из них пятеро уже отсидели; все какие-то обескровленные,

высохшие от пьянства и ночного образа работы, а при них - здоровенная мадам, повариха, организатор сбыта и вообще. Мы с этой атаманшей довольно мило поболтали - об охране природы. Думаете, ей не обидно было, что завтра ее детям-браконьерчатам придется, за отсутствием осетров, пойти по профсоюзной линии?.. Просто она никак не могла догадаться: что же делать, чтобы этого не произошло?! Ну что? Я слушал ее сентенции и все яснее, за спецификой чисто браконьерских доводов, улавливал нечто давно и хорошо знакомое. Стимул: хоть день, да наш. Оправдание: для людей стараюсь, своих людей; каждый должен заниматься своим делом. И принцип: не слишком умствуй.

Нет, что ни говорите, а браконьеры - люди государственные. Обратное, вообще говоря, неверно; но только "вообще" говоря.

Впрочем, это к теме браконьерства уже не относится. А теперь вернемся на Азовское море, к Бердянской косе. Я должен сознаться: на борту "Юрия Гагарина" была браконьерская снасть - тридцатиметровая сетьпутанка. В тот вечер еще была.

Глава 12 Бердянская элегия (финал)

Из путевых записок Сергея.

Смеркалось. Мы сварили бычковую уху, с "Мифа" на борт "Гагарина" прибыли гости, Саша приготовил салат, Даня вытащил заветную флягу, и снова звучали над заливом одесские песни, ростовские прибаутки и неиссякаемые истории о парусах.

- Спасибо, ребята, - сказал наконец Валера. - Хорошо посидели.

- А на посошок?!

- Ну разве что на посошок... - Ростовчане уехали домой, на "Миф".

Данилыч в предвкушении потер руки.

- Вы порыбачили своим способом, теперь я порыбачу своим, - сказал он и тут же заставил работать всю команду.

- Ты сетку вынимаешь, а ты подаешь... Вот оно. Теперь мы с тобой будем сетку разбирать, а ты - складывать... - Складывать было еще, собственно, нечего. Даня с удивлением взирал, как долго четверо взрослых людей могут возиться с одним квадратным метром путанки. Потом он к нам присоединился и еще через минуту понял - как. Возгласы Данилыча изменились:

- Куда тянешь?! Это не верх, а низ. Здесь потрясти надо. А ты чего трясешь? Это я уже один раз распутал...

Стояла темная воровская ночь. Данилыч запретил зажигать свет из принципиальных, по отношению к комарам, соображений. Понять, где верхний и нижний края сетки, а также где чья рука, было невозможно. Команды шкипера крепчали. Мощь русского языка в конце концов возобладала: минут через сорок сетка была разложена на корме. Данилыч взялся за ее край и загробным шепотом сказал:

- Иди на нос, выпусти метров сорок кодопы... Только тихо! - Не подозревая ничего плохого, я пошел и попустился. Тем временем к сетке привязали груз и опустили за борт. Данилыч скомандовал:

- Теперь выбирай. Только тихо!..

Такого подвоха я не ожидал. Выбирать в темноте, при свежем ветре, мокрую якорную цепь, которую только что сам попустил - занятие не из приятных. К тому же тащить нужно было "только тихо", ругаться приходилось про себя, а про себя ничего плохого не скажешь. С кормы покрикивали "тяги тише!", и я тянул все тише, размышляя о тяжком хлебе браконьеров. Хотя наверняка ни один браконьер не ставил сети с крейсерской яхты...

"Гагарин" разогнался, цепь звякнула о борт.

- Якорь чист! - по привычке гаркнул я.

- Какой там чист, - тихо гаркнули с кормы, - у нас еще полсети в лодке, Давай все сначала...

Я начал "давать", то есть снова отпускать цепь. Возглас Дани - "ого, глоська!" - возвестил, что сеть в лодке. На всякий случай я вытравил еще метров сто и начал подтягиваться.

На этот раз все шло гладко. Сетка стеночкой становилась у дна, кодопы хватало. Оставался последний этап: закрепить второй конец сети на корме и идти наконец спать.

- Все: крепи, - раздался с кормы шепот Данилыча и тут же растерянный голос Баклаши:

- А что крепить?..

Дальнейшие слова и фразеологические обороты я описывать не буду. Если хотите, поезжайте в Бердянск. Местные браконьеры и оба Дзендзика - Большой и Малый - до сих пор вспоминают их с содроганием. Оказалось, что Данилыч выкинул за борт всю сеть, без остатка, вместе с кончиком, который Баклаше надлежало закрепить на корме... Почему мы не попытались выловить ее сразу? Это до сих пор загадка. Шкипер махнул рукой, сказал, что "завтра найдем", и почему-то добавил "вот и все" вместо привычного "вот оно"...

Вот и все. Но сколько раз потом, на Дону и на Волге, когда вода вокруг кипела от рыбы, сколько раз потом я проклинал этот вечер, свою (или Данилыча?) непонятливость, сетку как таковую! Сколько новых седых волос появилось на седой голове шкипера, скольким нервным клеткам никогда уже, в соответствии с наукой, не восстановиться!.. А тогда, на Азовском море, у Бердянской косы, мы несколько раз чертыхнулись и пошли спать в глупой уверенности, что еще не все потеряно...

Глава 13 Врач-навигатор с водолазным призванием

I

- Ударили Сеню кастетом по умной его голове! - надрывным речитативом пел Данилыч и, помолчав, затягивал снова:

У-дарили Сеню кастетом!

По ум-ной его го-ло-ве...

День начинался песней. Этот ее единственный куплет я когда-то вычитал у Вадима Шефнера и обычно исполнял, опробуя лбом крепость гика бизани. Сегодня, в связи с результатами ночной рыбалки, злоключения Сени вспомнились Данилычу. Есть несколько способов искать утопленную вечером сеть. Самый надежный - вылавливать ее тотчас же, вечером. Остальные способы, как правило, успеха не приносят.

Утро было сереньким, пасмурным. Дул свежий ветер. Ночью он зашел, яхту развернуло. Камыши Малого Дзездзика виднелись по носу "Гагарина", ростовский "Миф" оказался справа. Было совершенно непонятно, где мы стояли вчера. Нырять за сетью тоже не имело смысла: видимость в желтой воде, взбаламученной ветром, равнялась нулю.

- Найдем! - оптимистически заявил Данилыч, извлекая откуда-то из недр бездонного "Гагарина" кошку. Этот небольшой трехлапый якорек следовало тащить по дну, покуда кошка не зацепит сеть. Казалось, шкипер верит в успех. Правда, изложив свой план, он снова затянул песню про Сенину голову; но другого плана все равно не было.

Из путевых записок Сергея.

Мы с Баклашей сели в резиновую лодку. Я взял весла.
- Отойдем подальше, - сказал боцман и кинул кошку-якорь.
Минут десять я сосредоточенно греб, пока не услышал над ухом голос Данилыча:

- Вытрави конец...

Баклаша начал отпускать привязанную к якорю веревку, и мы наконец сдвинулись.
- Трави больше - будет легче, - продолжал советовать шкипер. Славка потравил еще, лодка пошла быстрее и вдруг, как бы сорвавшись с цепи, прыгнула вперед. На фоне растерянного лица Баклаши мелькнул конец кодолы. Кошка отправилась вслед за сеткой.

Данилыч даже ничего не сказал; только бросил пугливый взгляд на хмурые небеса. Но находчивость шкипера еще не иссякла. Из проволоки и разводных ключей был собран небольшой противотанковый еж.

- Ежовая кошка. Самопал, - скучным голосом сказал Даня. Саша мастерил вторую кошку - видимо, на будущее. Сергей заявил, что легче грести по одному, и вылез из лодки.

- А как держать кошку? - покорно спросил я.

- Тебе видней. Есть опыт!

- Можешь конец к ноге привязать, если хочешь, - посоветовал Даня, но привязывать якорь к ногам не хотелось. Я закрепил конец на кормовой банке. Оказалось, судовой врач прав: одному было легче. Правда, я двигался не туда, куда греб, а по ветру, но зато резво. Иногда скорость как будто уменьшалась... Надеюсь увидеть сеть, я бросал весла и выбирал кошку. В эти минуты лодчонка неслась, как хороший катер.

В один из таких моментов я взглянул назад и почувствовал себя неуютно. Малый Дзендик стал еще меньше. На игрушечном "Гагарине" что-то кричали, но плеск волн заглушал слова. По ветру, боком пронесло чайку.

- Пожалуй, хватит... - я вытащил кошку и развернулся. На яхту нужно было возвращаться в полный "мордотык". Я греб старательно, с отмашкой, считая гребки: ии-раз! ии-два! ии-рраз!!

Наконец с яхты начали долетать отдельные слова. Я опустил весла, прислушался... Они спрашивали, почему я так медленно гребу. Я ответил... Пока длились переговоры, лодку отнесло. И опять началось - ии-раз! ии-дваааа!! ии-раз!..

Когда через полчаса меня под руки втащили на борт, я был нашим единственным уловом...

"Миф" снялся с якоря и подошел поближе.

- У нас все в порядке! - прокричал Данилыч. - Вы идите, мы тут еще... отдохнем немного, вот оно! А потом вас догоним.

- До встречи! - донеслось в ответ. Ростовчане убыли. Мы завели мотор и начали бестолковыми петлями утюжить лагуну. Издевательски орали глупые птицы крачки. Обе кошки, выброшенные с кормы, пахали дно.

К берегу подошел катер рыбоохраны. Там с интересом выжидали, когда же наконец мы зацепим сеть. Но так и не дождались.

В полдень ежовые кошки были снова превращены в разводные ключи, и "Гагарин" покинул акваторию Малого Дзендика. К этому времени сагу о Сене цитировала уже вся команда.

- Ударили... кастетом... - басил Саша. Мучительным тенором подтягивал Сергей. Тосковала по уму голова семья Кириченко. Однако чем дальше в море уходила яхта, тем веселей становились наши голоса. Бердянская коса удалялась; исчез сейнерок, заволокло дымкой рыбозавод и причал. Утренняя неудача начинала казаться приключением. О борт разбился пенный гребень, и попутный ветер заглушил песню. - Кастетом!.. - в последний раз донеслось из каюты, где предался навигации судовой врач. Жизнь на борту входила в привычную походную колею.

II

Из путевых записок Сергея.

Я проложил курс до Жданова - 30 миль, 6 часов хода - рассчитал максимальное удаление от берега и вылез наружу.

Бердянская коса уже скрылась. Над волнами выглядывала верхушка маяка, а двигались мы почему-то курсом 180, на Керчь.

- Здесь отмель, - пояснил Данилыч. - Огибаем, вот оно.

- Пару часов этим курсом, и придется отмели Черного моря огибать!

Капитан посмотрел на меня с недоверием. Мы нырнули в каюту. - Так где мы сейчас находимся? - Данилыч ткнул в карту и, помолчав, добавил: - По-твоему...

Этот вопрос - традиционный - шкипер обычно задает, когда вы спите. Приходится вскакивать и таращиться на часы, карту, лоцию, на самого Данилыча. Понятно, почему ни Даня, ни Саша навигацией не занимаются. Баклаша охладел к морскому ориентированию в тот памятный вечер, когда мы приняли мыс Башенный за Меганом, Меганом за Киик-Атламу, Карадаг за Планерское и Планерское за Феодосию. С тех пор я остался с картами и Данилычем один на один, получил звание старшего офицера по навигации, сохранив, между прочим, должности врача и водолаза. Я делаю карьеру!..

- Так где мы находимся? - говорил Данилыч, вновь появляясь на палубе. За шкипером неотступно, с лоцией в руках, следовал Сергей.

- Тут океанские суда ходят!

- Где "тут"?

- В трех милях ближе к берегу! Где поворотный буй!

- Да?.. А где, по-твоему, буй? - Шкипер задавал вопросы доброжелательно, с легкой ноткой сомнения. Судовой врач закипал. Наблюдать за беседой двух навигаторов было сплошное удовольствие.

- М-минуточку! - закричал вдруг Сергей. - Видите "Комету"?

- Ну и что?

- Видите... повернула! Возле нее буй. Теперь вы не будете отрицать, что он поворотный?!

Данилыч молча глядел на "Комету" в бинокль.

- Проверим по карте, вот оно, - навигаторы снова нырнули в каюту. Да, жизнь на борту текла в обычной походной колее, и до чего приятным, уютным казалось это воспоминание, повторение пройденного! Я еще не догадывался, что нынешнему переходу предстоит быть последним морским переходом. Поспел обед, Саша уселся в позу "лотос". Ветер вымел облака, пасмурная вода заискрилась. Паруса негромко шелестели, короткие волны мягко надавали в корму яхты; что еще нужно для полного согласия и покоя в команде?..

- Узлов шесть идем! - заметил Даня. Сергей засмеялся:

- Не больше четырех.

- А пена? - Мастер по парусам обиделся. - Скажи ты, батя!

- Да, хорошо идем. Узла три есть, вот оно.

Лично я оценивал скорость узлов в семь. Расстановка сил была обычная. Даня задрал бородку, пошел на нос и долго стоял, ощупывая стаксель придирчиво, как агроном озимые. Я занялся подсчетами.

- Часа через три будем у Белосарайской косы!

- Как бы нам Ростов не проскочить на такой скорости, - отвечал Данилыч. Шкипер и судовой врач, заключив временный союз, уселись на корме вдвоем и глядели на нас с Даней раздражающе ласково. Так старые, убеленные сединами морские волки глядят на молодежь, впервые пересекающую экватор.

Даня вспыхнул, надулся и ушел спать. Я бросил лаг. "Торпеда" на конце линя крутилась еле-еле. Сергей явственно молчал.

- Три. Три узла, - отечески обронил Данилыч. - У Белосарайки через пять часов будем.

- Через шесть, - не согласился врач-навигатор. Я взял блокнот, лег на матрац и попытался забыться в дневниковом творчестве. Вскоре это удалось: я спал. Впрочем, некрепко. Сквозь дрему ко мне доходили отголоски нового спора. Сначала речь шла о часах и милях, потом о маяках и вехах. Изредка открывая глаза, я лениво наблюдал за навигаторами. Сергей, закипая, дергал румпель, а Данилыч жмурился на солнце, благодушно задавал вопросы и всем своим видом напоминал творца на седьмой, выходной день творения...

III

"Гагарин" подходил к Белосарайской косе. Вечерело; по-прежнему дул свежий, попутный ветер. По предварительным планам, ночевать должны были в Ждановском порту, но...

- А чего мы в том Жданове не видели? - спросил Даня. Мы согласились, что ничего не видели.

- Так вот... оно, - рассудительно сказал Сергей. - Почему бы сразу на Таганрог не двинуть?

Данилыч опешил. До сих пор такого рода инициатива исходила от него.

- Вода ведь кончается... И хлеб, вот оно.

- На ужин хватит, а утром будем в Таганроге.

Шкипер окинул команду долгим взглядом, хитровато улыбнулся... Мы расправили плечи. Никто не хотел "на танцы": пока идетя, мы хотели идти. "Что, прониклись?" - говорил капитанский взор. "Прониклись - отвечали мы.

Экипаж начал готовиться к ночному переходу. Помня о приключениях на маршруте Керчь-Бердянск, настроены все были серьезно. К закату "Гагарин" приобрел вид идущего в бой миноносца; хоть сейчас в центр окружности, вписанной в Бермудский треугольник. Команда, в плащах, в страховочных поясах, сапогах и зюйдвестках, похожая на группу контрабандистов, сидела в сумерках за ужином и подкреплялась так основательно, будто ждала наряду со штормом и голода.

- Ночные вахты теперь, как вы просили, можно: Саша - Слава, Сергей с Даней, - неожиданно сказал Данилыч... - Чего молчите?

- Видите ли, Анатолий Данилович, - осторожно заметил Сергей, - стоит ли рисковать? Уже привыкли, сработались...

- И несправедливо получится, - поддержал Саша. - Слава и Сергей в тот раз "собаку" отстояли ведь!

Данилыч одобрительно кивнул.

- Верно. "Собака" ваша теперь.

- Наша, наша, - буркнул Даня, доедая остатки сухарей, размоченных в остатке воды. - Я же, спорю?..

Шкипер еще раз удовлетворенно кивнул. Матросы доужинали, безропотно помыли посуду и легли. "Гагарин" пронизал строй судов, стоявших на ждановском рейде, и опять остался в море один.

Ночь понемногу прибывала. Загорались звезды и маяки. Черно было только внизу, у бортов; горизонт слегка светился, и чем-то бесцветным вспыхивала вдали вода. Чувствовалось, что темней уже не будет.

В каюте щелкнул выключатель. Казалось, щелчок этот включил и темноту, которая сразу плотно, как перчатка, охватила яхту. Вокруг кокпита возник уютно ограниченный мирок, келья мягкого полусвета. За ее стенами скрылось, безопасно залегло море. Ночь усиливала его свежий запах.

Я стоял у штурвала. Жаль, что морской путь "Гагарина" скоро кончится. Наше плавание - всего лишь каботаж, мы не покидали берег на недели и месяцы, но что с того? Море умеет подчинить себе быстро. Нет, думал я, все-таки наше путешествие не способ провести отпуск, не только отдых, нечто большее было и в зависти коллег на кафедре теоретической физики перед нашим отъездом, и в расспросах друзей в Ялте... В них ощущался голод; чего-то остро не хватает современному человеку, даже современному ученому, но чего именно? Какой вид голода утоляет путешествие?.. Секрет моря, пожалуй, в том, что сливаешься с чем-то неизмеримо большим, чем ты сам; море отрешает, море чуждо суете...

- Ну, где огонь? - Голос Данилыча заставил меня вздрогнуть. - Слава, ты видишь где-нибудь желтый огонь?..

Из люка показались силуэты двух навигаторов. Шел очередной диспут. Лоция упоминает около десятка "низких кос, выступающих от северного берега Таганрогского залива". Каждая коса имеет обширные отмели. Каждую отмель отмечает светящийся буй. Оторванный от своих размышлений, я с досадой подумал: обилие навигационных знаков и есть главная опасность в здешних водах.

- Желтого не вижу. Вижу белый... два белых огня!

- Это маяк и светящийся знак Кривой косы, - неуверенно сказал из темноты голос Сергея.

- А там кто мигает? - Шкипер указывал на юг, где мигать было решительно некому.

Сергею стало обидно. Имелось уже три новых света, которые открыл не он. Врач-навигатор взял бинокль и поспешил на нос, дабы внести свой вклад в обнаружение маяков Азовского моря.

Успех пришел сразу.

- Земля!!! - кричал впередсмотрящий.

- Какая земля? - Я не видел лица шкипера, но по тону было ясно, что он уже ничему не верит. - Где земля?

- Прямо по курсу. Туча огней!

- Ты что же, хочешь сказать, что мы лезем в берег?..

- Не хочу. Но так получается! - Сергей поспешно вернулся, вместе с Данилычем залез в каюту, раскинул карты... До меня доносились возгласы, по которым можно было судить о ходе дискуссии: вообще-то все ясно, но откуда огни, открывшиеся раньше?

- А красных буюв тут быть не должно? - поинтересовался я. Сергей выскочил наружу:

- Где? Где ты видишь красный буй?

- Да я не вижу. Что, спросить нельзя? - Огни подходили все ближе.

- Там что-то краснеет-таки, - сказал капитан.

- Нет, там что-то зеленеет, - возразил врач. Оказалось, они глядят в разные стороны.

Послышался размеренный гул; мимо яхты плавно прошла тяжелая черная тень. Красный ходовой огонь, горевший на борту судна, по-прежнему казался далеким. Какое-то время все молчали. Белые светляки берега редели и блекли. "Гагарин" повернул правей, в надежную черноту моря.

- Понял! - вдруг закричал Сергей. - Слушайте, вот что в лоции: "Огни селения Стрелка и рыбацкого промысла затрудняют опознание знака Кривой косы..." В этих строках - отголосок вековых трений между мореходами и рыбаками, которые жгут костры где попало! Это была рыбацкая Стрелка!

- Ну и гори она огнем, - довольно нелогично сказал я.

Огни уже отошли; мягкая рука ночи опять стиснула яхту. Мерно покачивался, ровно желтел блин компаса. Темнота опять стала плотной и надежной. Только ветер напоминал о существовании скрытых объемов моря и неба вокруг нас. Ко мне возвращалось приятное чувство уединенности. Навигаторы завели новый спор; а ветер понемногу крепчал. Появился небольшой рыск на курсе, и я сообщил об этом Данилычу. - Ладно, сейчас стаксель собьем... Когда я махну рукой - приведешься к ветру, вот оно. Пошли, Сергей - силуэты навигаторов двинулись по направлению к бушприту. Отчасти из-за качки, отчасти же из-за нерешенного вопроса о времени появления Шабельского маяка руками они размахивали непрерывно. На парусах плясали причудливые Буратиновые тени. Я начал приводиться к ветру... В этот момент и налетел, как выяснилось чуть позже, шквал.

Кто-то выбил у меня изо рта папиросу. Грот и бизань оглушительно щелкнули, вытянулись параллельно ветру и задрожали, заревели на низком тоне. Мотор, кажется,

заглох: я его не слышал. Яхта стояла на месте, а штурвал, судорожно дергаясь, вырывался из рук.

- Данилыч!! Руль заклинило!! - заорал я, сам себя не расслышал и переспросил: - Что-что?..

- Иии... вееедись... ветрууу... - смутно долетело с носа.

- Нее... огуу!!! - завопил я, с трудом раскрывая рот, который тут же забивало плотным воздухом. В ответ выла и визжала ополоумевшая тьма. В этой какофонии выделялись размеренные деловитые залпы: производил их стаксель, перелетая с борта на борт. На нем зависели Данилыч с Сергеем. Их лица с разинутыми в неслышном крике ртами то апоплексически багровели в свете красного ходового огня, то наливались нездоровой русалочьей зеленью, оказавшись над водой уже за левым бортом...

И вдруг все кончилось.

- ...твою к ветру! - прозвучало в наступившей тишине окончание крика Данилыча. - Не могу!!! - И тут же я почувствовал, что уже могу - яхта управляется - да и кричать незачем... Стаксель упал на сетку, шкипер и судовой врач вернулись в кокпит. За три минуты шквала они были добросовестно избиты и насквозь вымокли. - Пошли переоденемся, - тихо сказал Данилыч. - Все-таки объясни, Сергей, почему Шабельский маяк откроется в четверть третьего?

С этими словами навигаторы исчезли в люке.

Я остался на палубе один. Ветер опять равномерно набивал паруса; опять стала надежной упаковка темноты, опять успокоительно-размеренно шевелилось под яхтой ночное море... Я уже знал коварство этого водоема, я был настороже, но и особой тревоги вместе с тем не испытывал: отчасти я доверял себе, отчасти Данилычу; а больше всего - "Гагарину".

К яхте рано или поздно начинаешь относиться как к личности. А ведь сравнительно недавно "Гагарин" был для меня одним из плавсредств и только. Перед походом Данилыч нас друг другу представил. По воскресеньям я скреб палубу; это была пора официального ухаживания. В совместную жизнь еще как-то не верилось. На первом переходе мы с Сергеем робко сидели под незнакомым стакселем: мы были случайными гостями, были с лодкой на "вы".

Медленно, не слишком охотно открывала нам яхта свои секреты. Мы учились ходить по палубе, не хватаясь поминутно за ванты, засыпать под грохот мотора и просыпаться, когда он замолкал. Учились прокладывать курс, стоять на руле. Под парусами мы не столько любовались их "белой грудью", не так уж наслаждались "прелестью попутного ветра", а опять-таки учились, учились жить на яхте, жить вместе с яхтой. На выяснение любовных отношений не было времени. Мы как-то незаметно стали называть лодку домом; и это чувство дома было конкретней и проще, чем любовь. - Что бы ни случилось - держитесь лодки, - предупреждал шкипер на переходе к Бердянску. Он мог бы этого не говорить. Той штормовой ночью "Гагарин" был для нас и товарищем, и единственной надежей; он выносил, как выносит от волков крепкая умная лошадь. Позже, в тихом приюте Дзэндзиков, хотелось поднести яхте краюху с солью; почувствовать, как в ладонь мягко ткнется влажный бушприт. Живая, конечно, живая, с норовом, но дружелюбная; и сейчас, стоя у штурвала, я знал: она и сама найдет дорогу,

беспокоиться нечего. Скоро окончится моя вахта, я спущусь вниз и усну, надежно прикрытый тонкими бортами, подрагивающими, словно кожа, от любых каверз Азовского моря...

- Буди Сашу, Сергей! - послышался голос Данилыча. - Потом вместе поднимете Даню.

На этот раз мои раздумья прервал ропот пробуждаемых. Молодежная вахта заняла рабочие места, я спустился вниз, лег, но уснул далеко не сразу. В каюте горел желтый свет, слышалось монотонное бормотанье. Склонившись над штурманским столом, Сергей пытался отвечать на традиционные вопросы шкипера. Это напоминало телеигру "Что, где, когда?" вдвоем, без телевизора и в три ночи...

Спал я плохо. Мне снилось, что мы заблудились в сосновом бору и навигаторы спорят, где утром находится север...

- Вставай! - проорал кто-то над моим ухом и тут же поправился: - Ты спи, Слава. Это я Сергея бужу.

Ночь кончилась. В каюте висел сиреневый рассвет.

IV

Из путевых записок Сергея.

Пока я одевался, Даня говорил нечто странное: "Знаешь ше? Левый берег справа!.."

Я вылез наверх. Вокруг яхты катились серые волны.

- Где берег? - я ничего не понимал. - Где справа?

В люке возникло опухшее лицо боцмана. Баклаша оглядел пустынный горизонт, сказал: "Ничего себе!" - и стал на руль. - Какой курс? - спросил он минут через десять, начиная просыпаться. Все переглянулись.

- А сейчас какой? - нашелся Саша и, не дожидаясь ответа, добавил: - Так и держи. Опять, в который раз за этот переход, мы с Данилычем спустились в каюту. - Так где мы? - я был начеку и задал этот вопрос первым. Шкипер обвел на карте широкий круг - и неожиданно зевнул. - Определяйся-ка сам, я доверяю... Вы со Славой люди серьезные, положительные...

Это было признание. Окрыленный, я поднялся на палубу. На руле Баклаша, оправдывая доверие шкипера, серьезно и положительно спал. Глаза его были закрыты, а голова повернута так, чтобы солнце освещало правую щеку. Яхта шла как по струнке, но куда?

- Европа на севере, - ощутив мой взгляд, туманно ответил рулевой. Меня такое отношение к делу не удовлетворяло. Хотелось выяснить, как могла яхта заблудиться в заливе средней шириной около десяти миль?

Решение пришло не сразу.

- Славка, я понял! - Сергей пытался поделиться своим открытием. Была та фаза раннего утра, когда от желания спать даже знобит. Крупные капли росы лежали на крыше каюты, на гике, на плащах Дани и Саши, которые дремали сидя,

облокотясь друг о друга спинами. Данилыч постелил на палубе старый полушубок; судя по тому, как при качке перекатывались с боку на бок ступни шкипера, его сейчас не волновала навигация. Кроме меня, слушателей у Сергея не было.

- Ну? - из человеколюбия спросил я.

- Все дело в том, что Таганрогский залив сначала немного сужается! С донского берега выступает мыс Сазальник, на нем установлен маяк... ты меня понимаешь?

- Да.

- Ну вот: если отклониться от курса к югу, то он откроется раньше, чем желтый Беглицкий маяк северного берега!

- Ну?

- Понял? Когда вместо желтого огня слева появился, красный справа, они приняли его за буй отмели Беглицкой косы и пошли на него, еще больше увалившись на юг... - Чувствуя, что я с трудом соображаю, где юг, Сергей дал мне время переварить полученную информацию.

- На рассвете обнаружилась их ошибка. Они кинулись ее исправлять, пошли на север и потеряли берег вовсе... Логично?

- Логично, - охотно подтвердил я, с удовольстви ем глядя на Сергея.

Удивительно нежный восход, который освещал легкие облака как бы и сверху, и снизу, позолотил фигуру врача-навигатора. На фигуре был долгополый брезентовый плащ, подпоясанный монтажным поясом. Под капюшоном горели красные глаза. На шее висели бинокль и два фотоаппарата. Сергей, кажется, понял, что вся тонкость его построений пропала зря; он махнул рукой и, напряженно вытянув шею, стал рассматривать горизонт. На его могучем носу морской бинокль сидел просто и изящно, как пенсне. Подбородок покрывала чугунная щетина. Бывают минуты, когда давно знакомого человека увидишь вдруг совсем по-новому. Этот матерый пират не имел ничего общего с мальчиком из интеллигентной семьи, которого я знал многие годы.

- Вижу землю! - протяжно закричал Сергей. - Вижу Беглицкий маяк! Вижу Красную мельницу на Золотой косе! Э-ге-гей! Все согласно лоции...

Все было согласно лоции. Солнце прорвало облака. Капли росы на крыше каюты вспыхнули. Что-то засверкало и на горизонте: это были стекла домов на далеком берегу. "Гагарин" выходил к обрывам крутой, загнутой, словно рог, косы Петрушина. Крики Сергея разбудили команду. Данилыч, словно большой седовласый младенец, протирал обоими кулаками глаза. Саша энергично потянулся и встал, лишившись опоры, Даня повалился на спину и притворно захныкал.

- Ну что ж? Можно сказать, приехали, - подтвердил, оглядев берег, шкипер. Саша прошел на корму и поднял наш выцветший, заслуженный, выдавший два моря флаг. Не вставая, мастер по парусам закричал "ура!". До Таганрога оставались пустяки. Мы и вправду могли торжествовать: Азовское море преодолено, причем всего за два перехода.

- Поздравляю, господа, - с некоторой торжественностью сказал шкипер. - И вас, сэр навигатор, в первую очередь.

- Да-да. Что нам "Мечта" - щенки! Разве у них есть такой штурман?
- А как он лечит? - лениво подхватил Даня. - Я прямо не знаю - как он лечит...
Поддерживая игру, Сергей потупился.

- Не забудьте: по призванию я прежде всего водолаз, - скромно начал он, но тут ход "Гагарина" внезапно упал. В глазах водолаза вспыхнул пророческий огонь.
- Мы на мели! - закричал он и выключил мотор.

Глава 14 Сиеста в Таганроге

июля, четверг

Последний морской день похода.

I

- Это не мель, - сказал Данилыч. - Это сеть.

Из воды поднималось нечто странное, похожее на стенку из серебристого бетона. Сверху тянулся капроновый конец, унизанный поплавками; ниже густой косяк полуметровых рыбин собрался, казалось, на добровольных началах. Киль "Гагарина" увяз в центре шевелящейся живой плотины.

- Вот мы и нашли сеточку! - обрадовался Даня.

Вооружившись баграми, кое-как пропихнули путанку под килем. Данилыч включил тракторный дизель. Натужно взыв, железный конь полей заглох в таганрогских тенетах.

- Так, - не унывая, сообщил Данилыч, - намотал на винт. Придется резать!

- А это не колхозная снасть? - Когда-то возле Лузановки со мной уже происходило нечто похожее. В тот раз сеть оказалась колхозной, и после разговора с представителями кооперативного рыболовства за меня долго давали двух небитых.

- Какой там колхоз! Типичная браконьерская снасть, - сказал шкипер. По его тону было ясно, что браконьеров он ставит куда выше колхозников. Действительно, вешек рядом с сетью не было, а на горизонте маячила, не приближаясь, какая-то дюралька.

Оставалась надежда поднять путанку на борт и попытаться на заднем ходу освободить винт. Мы взялись за одно из уходивших под воду крыльев.
- Ну, с-сеточка! - с натугой удивился Сергей. Полутораметровая рыбно-капроновая лента уходила далеко в воду. На ней, в качестве грузил, висели рябые глыбы ракушника. Удалось вытянуть метра три... три с небольшим... три без малого...

- Не выйдет, - пропыхтел Данилыч, - режь! - И под ударами ножей туго натянутые петли провисли и ушли под воду в сторону от "Гагарина".

То же повторилось при попытке вытянуть правое крыло. Я снова с беспокойством поглядел на далекую дюральку. Браконьерят обычно вдвоем, нас пятеро; но если они вдвоем вытягивают эту сеть... К счастью, дюралька не делала попыток приблизиться.

- Они думают, мы рыбоохрана! - Шкипер ухмыльнулся. Затягивать операцию все же не хотелось. Вслед за Сергеем, вооружившись ножом, я прыгнул за борт.

Винт напоминал капроновый кокон. Мы на ощупь кромсали его скользкую плоть. Остатки сети забились в дейдвуд, их никак не удавалось поддеть. Вода, непривычно пресная, щекотала ноздри.

- Ну что, ну как? Уже? - после каждого нырка с поразительным однообразием спрашивал Данилыч.

- Уже, - ответил наконец Сергей. - Сил уже больше нет. На стоянке дочистим. Я вскарабкался на корму. Палубу залепляла чешуя. Даня и Саша торопливо срезали остатки путанки, впившиеся в розовый живот осетра. Из мешка выглядывали остывающие пуговицы судачьих глаз. Злостно раздувал жабры крупный лещ.

- Черт! Повезло, - сказал Сергей.

- Повезло, - согласился Данилыч, - а теперь иди на нос и следи, как бы нам опять не напороться. Я имею в виду, тут у них сетями весь залив перегорожен. Чувствовалось, что второе попадание в сеть шкипер уже не считал бы везением. Место неожиданной рыбалки осталось позади. Браконьерская дюралька помчалась подбирать остатки.

- Интересно, - произнес Даня, - ше мы не икаем? Они ж нас наверняка сейчас вспоминают!

- Ничего, - возразил добрый Данилыч, - у них края остались. Свяжут. Путанка, конечно, была хорошая. Но с двух таких рыбалок и новую можно купить! По-моему, капитан ошибался. Если исходить из того, что квадратный метр сети стоит трех килограммов рыбы, то один-единственный заброс окупал ее саму вдвое. "А наша сеточка - под Бердянском", - услышал я внутренние голоса членов команды и особое мнение Данилыча:

- Ударили Сеню кастетом...

II

Команда предвкушала уху. Влажный мешок с рыбой грузно пошевеливался на палубе, точно там сидел гоголевский дьяк. Погода была прекрасной, сон после утреннего купания разошелся.

- Спеть бы, - предложил Сергей, - почему об Азовском море песен нет? - Та-ган-рогский залив, - затянул я на мотив "Севастопольского вальса", и экипаж подхватил:

Таганрогский залив!

Помнят все моряки!

Разве можно забыть мне вас,

За-ла-тыя деньки!..

В хоре выделялся тенор Сергея, который для разнообразия пел на мотив не "Болеро", а "Яблочка". Один Саша что-то молчал.

- Вижу парус! - закричал Даня нарочито пиратским голосом.

- А вот еще один! И еще! Еще...

- А я вижу островок Черепаха, - с удовлетворением сказал Сергей. - Все согласно лоции!

Все опять было согласно лоции. Залив сужался, стал виден правый берег. Слева, под обрывом, густо лепились краны таганрогского порта. У входа в его акваторию высовывал спину крохотный островок. На островке стоял маячок. За изгибом мыса открылся просторный тупик - конец залива. Во всех направлениях его чертили паруса. Где-то играла музыка. "Гагарин" вплывал в праздник.

В морском путешествии есть событие, которому воистину "не дано примелькаться": возвращение к берегу. Хорошо ночью на одинокой яхте; море умеет вымывать из души мелочь и мусор, оно делится глубиной, отрешает и возвышает... Все это верно.

Но хорошо и возвратиться к суете. Подходишь к берегу, и мир вдруг зажигает павлиний хвост своих обманов. Желтоватая вода залива сияет, как ультрамарин Адриатики, Таганрог манит соблазнами Стамбула, и даже проплывшее вдоль борта яблоко с воткнутым в него разбухшим окурком доказывает полноту, отчаянную праздничность жизни...

Показался яхт-клуб. К нам подлетел швербот, разукрашенный флагами. Две девушки на корме приветственно взмахнули руками. На берегу металась толпа. Под наставительные вопли зевак в море спускали крейсерский катамаран. Транслировали "Турецкий марш". И всюду по воде бегали и скользили катера, шлюпки и яхты. - Команде "Гагарина" прибыть на берег для регистрации! - вдруг торжественно возвестил мегафон. Даня, воровато оглянувшись, на всякий случай спрятал в трюм рыбу. Отдали якорь и, теряясь в догадках, отправились "регистрироваться".

На берегу обнаружилось: мы в центре внимания. Повевало холодком высоких сфер. Команду окружила группа плечистых джентльменов. Их спортивные костюмы напоминали смокинги. Лица были не слишком приветливы. Я жалобно, плебейски хлюпнул носом.

- Что ж вы? Поздновато прибыли, - жестко сказал пожилой капитан с осанкой лорда Байрона. - Могу предложить старт только во второй группе.

- Почему это во второй? - обидчиво пискнул Даня. - И какой старт?

- Вы что, не собираетесь в кубке участвовать? - Группа яхтсменов загудела.

- Да нет, мы так... проездом из Одессы...

- Из Одессы?! - Лорд Байрон вдруг совершенно не по-английски огрел Данилыча по спине. - Что ж ты молчишь, папаша?! Как там Черное море?

- Нормально... - мы уже смекнули: бить не будут. Вскоре все объяснилось: на следующий день из Таганрога стартовала регата на кубок Азовского моря. Стала понятна и первоначальная настороженность яхтсменов - они видели в "Гагарине" темную лошадку, неизвестного соперника...

Зато теперь таганрогское гостеприимство достигло кавказских высот. Лорд Байрон, слегка прихрамывая, потащил нас к себе. Он оказался хозяином яхты польской постройки и коньяка ереванского разлива. Да, он знает условия прохода под ростовским мостом и охотно их сообщит. Нет, он ничего не слышал об одесском катамаране

"Мечта", а впрочем... впрочем, да, какой-то катамаран, кажется одесский, недавно прошел на Дон. Нет, капитана в фуражке с крабом не встречал. Да, стаксель вроде рыжий, но зачем так волноваться?..

III

- Ладно. Я варю уху, вот оно, - раздумчиво сказал Данилыч, когда раут был завершен. - Может, это и не "Мечта". Сходи за хлебом, Слава. - Я с тобой, - Саша, давно уже молчавший, криво улыбнулся. - Может, пришла все-таки моя телеграмма...

- Ах да. Вы же нас, кажется, покидать собираетесь, - сухо вато заметил шкипер. Даня хотел что-то сказать, но потом безнадежно покрутил пальцем у виска и промолчал. Я, признаться, о предполагаемом отъезде Саши успел забыть и сейчас тоже расстроился. Мы с матросом Нестеренко не так уж близко сошлись. Мешала оболочка старых дружб, мешала даже в период ссоры и внешних перестановок в парах "Сергей-Слава" и "Даня-Саша": новую дружбу, отталкиваясь от старой, не выстроишь. Да и без того - разве я назвал бы другом педанта и зануду, хотя и не без кулинарных способностей?! Мне просто почему-то не хотелось, чтобы он уезжал. А может, и не пришла еще эта чертова телеграмма... Правда, ему, кажется, без телеграммы тоже, видите ли, "неспокойно"... Но телеграмма пришла. Почта была недалеко от яхт-клуба. Я подождал Сашу возле входа; он выскочил из дверей с растерянным лицом и с бланком в руках.

- Ты чего такой? Плохие известия?

- Наоборот... Хорошие. !

- Поздравляю. Как там мама?

- Мама?... Это не от нее, - Саша порозовел. - Врал я.

Мне сразу припомнились мои версии. Вот он, удобный случай; матрос Нестеренко находился в явном разброде чувств и сопротивления расспросам оказать не смог бы. Но странно: расспрашивать не хотелось.

- Я, знаешь, сколько этого ждал? - по-прежнему растерянно сказал Саша. - А теперь и не рад вроде. Нет, рад, конечно...

- Уезжать тебе нужно или нет? - только и спросил я.

- Ага. Теперь точно надо... Я прямо в аэропорт сейчас, ты за меня со всеми попрощайся, извинись там...

- Постой, а вещи?

- Ну, Даня пусть заберет, потом... Знаешь, вроде и не хочется уезжать!
- Слушай, ты не суетись. Подумай. Может, останешься? - Мне показалось, что Саша колеблется.

- Да ты что?! - Матрос Нестеренко уже овладел собой: включил аутотренинг, ожесточил скулы... Спорить было бесполезно.

Герой-любовник - или кто он там есть - поймал такси. Я побрел за хлебом. Вот берег: манит праздником и тут же отбирает попутчиков. Сашу я упустил неразгаданным; другого случая не представится, это я чувствовал.

Мне, честно говоря, и думать сейчас не хотелось о каких-то тайнах, обо всех ваших береговых сложностях. Хотелось поскорей вернуться на яхту, где все ясно и просто, где, должно быть, уже началась праздничная пред-уховая подготовка... К сожалению, магазин был закрыт - перерыв до трех. Внутри кто-то возился. - Милая девушка, хорошая, - воззвал я, слащаво улыбаясь запертой щеколде, - можно вас на минутку?

Голод - отец красноречия. После пятого призыва дверь отворилась. На пороге выросла девушка лет шестидесяти с гаком. Гак она держала в руках, недвусмысленно им поигрывая.

- Пообедать дашь, пьянота?.. - начала она и осеклась.

- Хлеба... - прошептал я трясущимися губами. - Три дня в море, ничего не ел... четыре буханки, пожалуйста.

- Нету хлеба, сынок, - женщина сразу сбавила тон. - Вчера завозили, а седни нема.

Надо тебе в город подниматься." -

Я перестал трясти губами и расспросил дорогу.

Хлеб доставался в поте лица. Из припортовых кварталов я взбирался в город по крутой, совершенно безлюдной лестнице. Она была раза в три длинней и жарче Потемкинской.

Верхний Таганрог пребывал в сиесте. Жара шла на форсаж. На горячих улицах не было ни души; Таганрог спал, захлопнув ставни одноэтажных домишек. В тени безвольно валялись разомлевшие собаки. До булочной я добрался на грани теплового удара. Она была закрыта...

- ...Скоро откроють, откроють, - слышался чей-то добрый голос. Я очнулся от столбняка. У двери магазина сидели три старушки.

- Записывайтесь в очередь! - бойко продолжала одна из них.

- Боже, - простонал я. - Тут большая очередь?

- Не очень, - сказала вторая старушка, - я вторая...

- А я третья, - закончила расчет третья. - А больше никого!

Я нашел поблизости колонку, открыл воду и засунул голову в прохладную струю. Нет, берег не по мне. То ли дело у нас на яхте!..

IV

А на яхте попевала уха. Когда я вернулся с хлебом, в раскаленном камбузе висел угар: Сергей жарил рыбу.

- Почему она разваливается? - опасливо покосившись на Данилыча, спросил врач-навигатор, водолаз, а сейчас еще и кок.

- Свежая очень. Свежая рыба всегда разваливается, - ответил я, посмотрел на сковородку и удивился.

- Однако!..

- А что ты хочешь? - парировал Сергей. - Свежая рыба всегда разваливается.

- Ты в муке вывалиал? - Из переднего отделения каюты неожиданно выглянул... Саша!

- Здравствуйте! Раздумал? Остаешься?

Матрос Нестеренко покачал головой.

- Самолет вечером. Все-таки еще немного... ну, уши поем, - он скупно улыбнулся.

..И был четверг, день творения четвертый; а по общепитовскому катехизису - день рыбный. В столовых, кафе и забегаловках страны миллионы людей трудились над жареным хеком; челюсти народа смыкались на спинке минтая и рыбы с дивным названием "простипома", чем-то напоминающим Мельпомену... Верная дочь своей страны и своего времени, команда "Гагарина" тоже взялась за рыбный обед. Просветленный, торжественно тихий Данилыч словно бы реял, витал над столом. Его движения стали плавными, голос мерным и неспешным. Все наносное, одесское, портняжное исчезло: перед нами сидел очаковский лоцман, черноморский рыбак, Творец Ухи.

На чистом мешке, служившем скатертью, дымились миски с большими кусками отварной рыбы. Вынутая из юшки, она подавалась отдельно под острым соусом из рапы с молодым чесноком. Белое мясо судака и янтарное желе осетрины заволакивал ароматный пар. На сковородке еще шкворчали, брызгались маслом прожаренные ломти лецца, золотистые, как хорошо выпеченная горбушка. Но вершиной, кулинарным пиком стола была тройная уха. Прозрачная, чуть клейкая, она не просто насыщала, не только благоухала, дарила не одно лишь телесное наслаждение. Уха была пищей почти духовной. Она снимала усталость, напоминала о детстве; очищала, как музыка, возвышала, как хорошие стихи; уха вплеталась в ощущение зноя и свежести близкой воды; она куда-то звала, о чем-то просила, на что-то намекала... Данилыч осторожно наполнил небольшие походные стопки.

- Знаете за что? - Сергей встал. - Сегодня, как говорится, навсегда уходит от нас...

Вот. В общем, жаль, Саня, что ты уезжаешь. Seriously.

- Приходится. Спасибо. Самому жаль, - твердо проговорил матрос Нестеренко. Согласно всем законам жанра именно сейчас ему надлежало расчувствоваться, открыть нам душу и свои карты; но ничего похожего, конечно, не произошло. Я случайно перехватил взгляд Дани; мастер по парусам смотрел на Сашу как-то странно: пожалуй, с завистью. И я впервые подумал, что все мои догадки, возможно, не имеют и тени правдоподобия, - если бы мне сейчас сказали, что Саша ждал не любовной вести, а, скажем, приглашения в ансамбль "Аквариум" на должность ударника, я бы не слишком удивился. Ибо нелегко в тридцать лет понять двадцатилетнего...

Прошло часа полтора. Жара, блаженная сытость, близость замершего в оцепенении города делали свое дело. Слипались губы, слипались глаза. Один за другим мы отваливались от стола. Саша стал собирать вещи. Даня одевался, чтобы его проводить. Оба двигались, как осенние мухи меж стеклами окна. Сергей из последних сил что-то доедал. Данилыч попрощался с Сашей сухо. Для шкипера не существовало уважительных причин, из-за которых можно прервать путешествие. Сергей доел, лег на палубу и тут же заснул. Данилыч залез в каюту, повозился там и утих.

- Вы подождите, ребята, - я тоже хотел проводить Сашу, - без меня не уезжайте, а я сейчас, сей... - под моей щекой как-то неожиданно оказались доски палубы. Смола в пазах была теплой и ароматной.

Ночью поднялся ветер. Я проснулся с той неожиданной ясностью, что иногда бывает в перерыве крепкого сна, и долго лежал в темноте с открытыми глазами. На яхте все спали; у борта слышался плеск короткой азовской волны. Ветер шевелил волосы, забирался в спальник, негромко пощелкивал в снастях. Он был теплым и уже не пах морем. Ветер дул с берега, от близкой дельты Дона.

Часть вторая. На полпути

*В лучшее время жизни сердце, еще не охлажденное опытом,
доступно для прекрасного...*

*Мало-помалу вечные противоречия существенности
рождают в нем сомнения, чувство непродолжительное.*

Оно исчезает...

А.С.Пушкин

I

Вернувшись из Лондона, не признавайтесь, что не видели тумана. Засмеют. У туристов есть свои обязанности. В Риге необходимо прослушать орган Домского собора, в Венеции - песни гондольеров. Будучи в Испании (город Памплона), купите бурдюк. Отдайте визит Дерибасовской, если выберетесь в Одессу. Иначе будет считаться, что вы пропустили главное - "лицо города". Города охотно открывают парадные лица музеев, бульваров и театров; только вот выполнять туристские заповеди на борту яхты нелегко. Мы видели не дома-музеи художников и писателей, а проходные портов; не памятники, а базары, не лица, а затылки городов.

- Лодка! На лодке!! - орал Сергей ранним таганрогским утром. - Вставай, Баклаша! Чшшш?...

- Никого никто не заставлял, сами хотели. Время чего тянуть? Я имею в виду...

- На лодке! Баклаша! Чшшш?..

- В Ростове помоешься. Вот оно.

- Чшшш?...

Шла мелодрама "Измененные планы", сцена бунта. Сергей гневно застегивал штаны. Он втягивал воздух сквозь зубы, производя вопросительное шипение - чшшш? - как закипающий чайник. Шкипер монотонно гнул свое.

Даня, умная голова, спал. Я молча, неторопливо оделся. Вчера был разработан план - осмотреть Таганрог и сходить в баню; сегодня утром, разумеется, все менялось.

День начинался более чем обычно.

Подошла лодка. Вахтенный - белобрысый парень, свозивший яхтсменов на берег, - притабанил, удивленно тараща голубые заспанные глаза.

- Отваливай. Ничего в этом Таганроге нет, - говорил ему Данилыч. Мы с Сергеем молча сели в лодку. Шкипер тоже замолчал, подумал, помог отдать концы...

- Овощей купите и постного масла. Особо не задерживайтесь, ребята.

Баня возле яхт-клуба не работала. Это было опять-таки привычно; я невольно повторил любимую присказку Данилыча:

- Вот оно.

Но баня могла и подождать. Нас больше интересовали достопримечательности Таганрога - вернее, одна из них.

В самом скромном райцентре обязательно найдется домик, украшенный массивной гранитной плитой. Сияет золотом надпись: "ТУТ ПРОЕЗДОМ ЗАНОЧЕВАЛ РЕАКЦИОННЫЙ ПОЭТ ТРЕДЬЯКОВСКИЙ..." Домишко гнется под тяжестью гранита; вообще неясно, зачем увековечивать реакционную ночевку; и все же этот мемориал не смешон, скорее трогателен. Новостройки, площадь для парадов, кинотеатр "Звездный час" в райцентре точно такие же, как в соседнем райцентре. Очень хочется чего-то своего, особенного; и тут подворачивается Тредьяковский...

И есть другие города, как будто ничем не лучше первых. Такие же сызмалу захолустные, затем уездные. Возникшие благодаря небойкой торговле хлебом и рыбой. С культурной жизнью, ограниченной церковными спевками. И почему-то выделенные, взысканные слепой судьбой.

Таков Таганрог.

"1860 года месяца Генваря 17-го рожден, а 27-го крещен Антоний; родители его: таганрогский купец третьей гильдии, Павел Григорьевич Чехов и законная жена его Евгения Яковлевна..."

"Чехов родился на берегу мелкого Азовского моря, в уездном городе, глухом в ту пору... Детство? Мещанская уездная бедность семьи, молчаливая, со сжатым ртом, с прямой удлиненной губой мать, "истовый и строгий" отец..."

Так пишет об Антоне Павловиче Чехове Иван Алексеевич Бунин.

Портовый автобус пыхтел, взбирался в гору. Новостройки сменялись узкими улицами старого города. Зелень, тишина дворов. Тускловатое спокойное солнце. Существует предание, что Александр I не умер в 1825 году. Утомленный властью, своей двусмысленной славой, российский самодержец якобы удалился в Таганрог, принял постриг в здешнем монастыре.

Подходящее дело и, главное, подходящее место для того, кто ищет покоя. Но что годится уставшему императору - вряд ли хорошо для будущего писателя. Из окна автобуса я еще издали разглядел вывеску: ДОМ-МУЗЕЙ "ЛАВКА ЧЕХОВЫХ" - и сразу вспомнил: "мещанская уездная бедность семьи... в уездном городе..." Не о такой уж бедности свидетельствовал этот дом - угловой, двухэтажный, до сих пор крепкий, из темного неоштукатуренного кирпича. Важней было другое - его невыразительность, действительно "мещанская, уездная", серость окружающих переулков. Бывшие бедные и бывшие богатые дома были здесь одинаково скучны. Города, как люди, формируются в детстве: обывательское прошлое Таганрога заметно до сих пор. В Чехове же, кроме знания людей, развилась сила, тонкость и высшая интеллигентность, спокойствие таланта - черты, противоположные мещанству.

- Таганрог и Чехов! Не понимаю, - говорил я Сергею, когда, сойдя с автобуса, мы подошли к "Дому-лавке".

-Что тут понимать? Ты завидуешь.

- Завидую?! Кому?

- Таганрогу. Тебе, одесситу, просто завидно, что здесь родился Чехов. Согласись - неплохой город.

- Да, но... - впрочем, спорить не имело смысла. Парадоксу "Таганрог - родина Чехова" в любом случае не суждено было разрешиться. Музей был закрыт. Было начало девятого. Продовольственные магазины - ныне действующие таганрогские лавки - уже принимали покупателей. А допуск к пище духовной начинался только с десяти.

Испытывать терпение Данилыча так долго мы не могли. В Севастополе не посетили панораму, в Феодосии - галерею Айвазовского; теперь не попали к Чеховым. Дело обычное, подумал я.

Вот оно...

И, как в Севастополе, как в Ялте и Феодосии, мы побрели на базар, огромный базар Таганрога, достойный его купеческого прошлого; и нас сразу всосал его гомон, пыль, смешение пряных, жирных, острых запахов; просвечивала всеми оттенками янтаря соленая, белела свежая рыба - от пескаря до осетра; а рядом торговали женским бельем, и фруктами, и запчастями к автомобилю "Жигули"; и какая-то цыганка, называя "маладым, красивым", уже хватала за руку; я смотрел, как Сергей наливает подсолнечное масло в специальную ложбинку на тыльной стороне ладони, и пробует, и торгуется; и я купил первое попавшееся масло, как потом оказалось, пригорелое; и мы вынырнули на улицу; и непомерный базар Таганрога задавил, заслонил тему Чехова. "Пьяный спал, положив голову на рыжий пласт венгерского шпига..." "В обстановке рыбного изобилия, на пересечении соленых и пресных вод, торговая сеть конкурировала с частным сектором, пытаюсь сбить ржавую ставриду..." "Сержант милиции крикнул, снял фуражку и отобрал у цветочницы еще один рубль..." Все эти язвительные записи мы сделали "по горячим следам". О Чехове в них - ни слова. И по дороге в порт, в витрине "Галантереи", мы видели манекен - женщину в пеньюаре; она сидела в соблазнительной позе, пеньюар был кокетливо распахнут на груди; и в пене розовых кружев, в сокровенной глубине, светилась неизвестно к чему относившаяся надпись - 17 руб. 30 коп.

И это было последним из того, что мы видели в Таганроге. Вот оно.

II

"Гагарин" вытянул правый якорь.

На берегу играл оркестр, усилитель вещал нечто приподнятое. Азовская регата открывалась гонками "кадетов". Мальчишки в оранжевых спасжилетах прокричали "ура!", на руках снесли в воду свои крошечные тупоносые корытца. Залив покрылся треуголками потешного флота.

Гремя цепью, мы вытянули левый якорь.

Увертливые "кадеты" лихо резали корму "Гагарина". Глаза двенадцатилетних капитанов сурово следили за парусами. Лица были исполнены важности.

С берега дул бриз. "Гагарин" расправил все свои сто квадратов и, набирая ход, двинулся на юг. Косяки легких соседей обгоняли, обтекали его борта. Оркестр играл туш. Но веселая гурьба "кадетов" заложила рули, повернула, вся вдруг, как стайка мелких птиц, и вприпрыжку понеслась на запад. А мы, подчиняясь изгибу фарватера, забирали восточней, все восточней, пока не остались одни. Стало тихо: мы вышли из полосы туша, тянувшейся с севера на юг, по ветру.

День был неяркий, с идущим как бы отовсюду рассеянным светом. Туман лежал на воде метровой периной, вдали приподнимался, скрывал берега. Ветер шевелил его, но не сдергивал.

- Между прочим, мы так и не сняли "Гагарина" под парусами, - вспомнил Даня. Между прочим, я и не понимал, как это сделать. Чтобы сфотографировать яхту на ходу, нужна другая яхта.

- Спускайте "Яшку", - приказал Данилыч. Утренний бунт был забыт; как всегда во время движения, шкипер излучал благодать.

Многострадальный "Яков" хлюпнулся о воду и, привязанный за кормой, пошел с несвойственной ему резвостью.

- Теперь бери аппарат, Даня, бери весло и садись, - продолжал командовать Данилыч.

Мы отпускали линь, пока мастер по парусам не исчез. Веревка, подергиваясь, уходила в белесые клубы за кормой.

- Теперь табань справа! - закричал шкипер.

Линь пополз в сторону. Сбоку, над слоем тумана, неожиданно возникла Данина голова - одна голова. Лицо капризно морщилось.

- Сыро тут, батя, - пожаловалась голова.

Мы застыли в фотогеничных позах. Вынырнул объектив "Зенита", послышался щелчок, крик "готово" - и все исчезло. Раздался всплеск.

- Даня, сынок! Ты где, паршивец?! - забеспокоился капитан.

Молчание. Мы поспешно потянули линь. Из тумана, бодая создаваемый им же бурун, возник "Яшка". В нем сидел Даня - мокрый, но довольный.
- Ше, испугались?!

Этот снимок - из немногих удавшихся. Сейчас, год спустя, он лежит передо мной на столе. "Гагарин" снят сзади и немного сбоку. Корпус завис в тумане, нет ни воды, ни неба - сплошное молоко. Линии бортов размыты, но чем выше, тем они четче, паруса уже проявлены, отделены от фона иным оттенком белизны, и совсем резко проступают освещенные солнцем верхушки мачт. На палубе видны темные фигуры, Данилыч - тот, что пониже и коренастей, Сергей самый длинный, ну а средний, должно быть, я, - лиц не различишь, одни пятна. Но я-то знаю, что лица счастливые, бездумные и счастливые, даже мое лицо, хотя в тот день, год назад, я хандрил, думал, что начинаю уставать. Дураком я был год назад, вот оно!..

- Ты бездельник, Баклаша, - с удовольствием отметил Сергей.

- Пиши, пиши...

Была моя очередь вести дневник; но я отлынивал. Сергей, напротив, был полон творческой потенции.

- Знаешь, какое название я дам этой главе? "Фурор на Дону"!

- Замечательно...

Фурор случился при входе "Гагарина" в Дон. К часу дня туман рассеялся, а Таганрогский залив окончательно перестал походить на залив. По обе стороны фарватера возникли острова. Робкие, разрозненные, песчано-травянистые, они исподволь подбирались все ближе, сходились, вытесняли воду в узкие протоки. Море впадало в сушу. Острова покрылись лесом, берег стал выше, сдавил фарватер в узкую ленту, и Данилыч, как на примерке, задал профессиональный вопрос: "В плечах не жмет?"

Действительно, с непривычки было тесно. Последний сигарообразный буй стоял чуть ли не на опушке леса. Дальше начиналась двойная низка коротких речных бакенов. Вот мы и в реке, подумал я. Точнее, в "гирле" Дона.

На берегу толпились, глаза на яхту, какие-то не то туристы, не то рыбаки.

- Привет из Одессы! - закричал Даня.

Туристы засуетились. Бегая по песку, они тоже что-то кричали. Двое мальчишек взобрались на дерево, оседлали ветку, горизонтально протянутую над водой, и гримасничали, рискуя свалиться. Одна из женщин в забытьи пошла в реку. У нее на руках отчаянно ревел младенец.

- Приятно все-таки, что нас тут уу-важа-ют! - немелодично запел Даня. Я повел яхту ближе к берегу. Сергей показался в люке с коньяком и стопками. Восторг туристов усилился.

- Достань ракету! - сказал польщенный Данилыч.- Вообще-то они на случай бедствия, но пограничников нет... Вот оно.

Мы торжественно чокнулись.

- За успех предприятия! За победу над "Мечтой". - Данилыч дернул шнур, и ракета с шипением взвилась над мачтами. Мы выпили стопки и обнаружили, что сидим на мели. Крики на берегу смолкли.

- Они хотели сказать, что мы попали Дону не в то "гирло"! - догадался Сергей. Данилыч промолчал.

- Во народ! - Даня влез на бушприт и начал переговоры с берегом. - Ну чего б я кричал? "А-ааа!" А так, ше б предупредить?

- Куда ж вы на корчи лезете! - сурово сказали с берега.

Сегодня, год спустя, передо мной лежит том старой энциклопедии, Большой Энциклопедии под редакцией С.Н.Южакова, Санкт-Петербург, год издания 1902-й. Том раскрыт на статье "Дон". "Корчи образуются в так называемых проносах", - читаю я. Мне становится приятно и немного грустно. Я с недоумением вспоминаю, что год назад корчи в проносах меня не радовали - не радовали и не слишком огорчали.

Еще одна мель.

Конечно, мы с нее снялись - снялись привычно, без всяких приключений.

Все казалось привычным в тот день, впервые с начала путешествия. Как упрек в безделье, почему-то вспоминался тот самый стол, за которым я сейчас сижу, и некая книга, открытая на странице шестнадцать, и некая рукопись, заброшенная на странице четыре; как символ повторения, данный Данилычем, я все чаще употреблял знаменитое "вот оно", обозначая им все, что казалось примелькавшимся, пройденным, повторенным - тогда, год назад.

Да, все-таки дураком я был год назад.

А причина хандры была простая: полпути.

III

Из путевых записок Сергея.

Камыши. Плыдем по одному из рукавов одного из "гирл" Дона (как-нибудь потом - узнать, как называется!). Камыши и хутора.

Дома стоят вплотную к воде. Перед каждым - скамейка с видом на реку; на скамейках сидят деды и не спеша обсуждают "Гагарин". Мостки. Для лодок устроены подъезды-протоки (под крыльцо, под сваи) - вроде подземных гаражей где-нибудь в Германии.

Как-нибудь потом - подумать и узнать:

а) Особая жизнь в устьях рек - особый характер жителей (земноводный?).

б) На Днестре узкая одновесельная лодка называется "каюк". А здесь?

в) Описать донских казачек, гребущих к дому с надписью "Магазин". Сухопутных подходов к "Магазину" не видно, мужчин-гребцов - тоже (в этом месте можно будет шутить).

Сергей отложил блокнот и зевнул. Нижняя челюсть с мучительным хрустом поползла вниз, лоб сморщился, глаза подернулись влагой и выкатились, как бы изумясь происходящему... Это был не зевок, катаклизм в масштабе лица. - Ого! - уважительно сказал Даня и по мере сил повторил подвиг судового врача. Мне тоже зевалось. Странно: ночью мы выпались.

- Где же мост? - неодобрительно спросил Данилыч. - К разводу опоздаем. Начало путешествия похоже на молодость; потом приходит опыт. Этим мостом ростовчане пугали нас еще в Керчи. "От морских и речных судов всех ведомств, осуществляющих "нерегулярное плавание", заявка на проход под мостом может быть удовлетворена лишь в том случае, когда эти суда имеют разрешение от судовой инспекции на дальнейшее следование по ВСП РСФСР".

Ростовчане пугали, и мы пугались. Какая заявка? Что за ВСП? У нас, совершающих "нерегулярное плавание", разрешения не было.

Но теперь точка зрения почему-то изменилась. Ну, мост. Пройдем. К разводу опоздаем - завтра пройдем. Где он, тоже понятно: на реке, где же еще. И мы пройдем его, этот мост, и продолжим, несмотря на отсутствие разрешения, свое следование по загадочной ВСП РСФСР.

Мы приобрели опыт; и мне, уже не впервые в тот день, стало грустно.

Начало путешествия похоже на молодость. Встреча с дельфином и белужья уха, тендровские комары и подъем апселя - все это ново, все вкусно, все становится веселым приключением. Это время обаятельного юношеского эгоизма. Собственная персона вызывает повышенный интерес. Буду ли я укачиваться? Не испугаюсь ли ночного шторма? Научусь ли ставить паруса? Снова, как в юности, дружелюбно знакомишься с самим собой - оттого легко и с другими.

"Да ведь он любопытный человек! Характер!" - с удивлением думаешь о соавторе, который на берегу осточертел тебе еще в шестидесятых годах. Способность Дани неограниченно спать кажется увлекательной загадкой, каждый звонок Саши его "матери" веселит душу, а первые "вот оно" Данилыча становятся, как сонеты Петрарки, пищей для радостных раздумий.

А потом подкрадывается опыт. Новизна обрастает привычкой, античная яркость дней смазывается. Попутчиков уже знаешь; их любимые словечки, капризы, слабости - все уже знакомо. Капитанским "вот оно" щеголяет боцман, матросы приводят цитаты из анекдотов судового врача, шкипер поет студенческие песни и читает Бунина в оригинале. На смену безответной любви к парусам приходит знание того, какой шкот "отдать", чтобы "сбить" стаксель. Путешествие перестает быть карнавалом; а чем ему предстоит теперь стать - еще неизвестно. Молодость неизбежно сменяется зрелостью. Зрелость есть состояние, следующее после молодости и обозначающее отсутствие последней. Познавательная и утешающая ценность каждого из этих изречений - для того, кто стоит на переломе, - равна нулю.

Вот оно.

Конечно, мы прошли ростовский мост - прошли без приключений. Было это, правда, уже на следующий день. Вечером по обыкновению выяснилось, что город справа - Азов, а не Ростов, что до Ростова еще тридцать пять километров; и когда в темноте надоело шарахаться от встречных судов, мы заночевали у плавучего заправщика; и всю ночь, разгоняя комаров, возле нас швартовались и жадно сосали горючее "Кометы" и "Ракеты". Что еще было вечером? Приплыл какой-то браконьер, предлагал рыбу; но уха у нас еще была.

IV

Уха у нас еще была.

Дописав до этих слов (год спустя), я откладываю ручку. Некоторое время предаюсь разглядыванию фотографий. Хорошие фотографии. Кроме них, на столе, слева направо, расположены "Учебник яхтенного рулевого", огрызки яблока, лампа настольная, пепельница в виде собаки, пишущая машинка, пачка чистой бумаги. У меня очень хороший, большой стол.

Отвлечемся ненадолго, читатель. Покинем на время борт "Юрия Гагарина". Придется сделать паузу. Дело в том, что книга о путешествии, как и само путешествие, тоже "на полпути". Кажется, я начинаю врать. Кажется, я невольно проектирую свое нынешнее состояние на прошлое, полпути книги на полпути пути шествия. Я встаю из-за стола, подхожу к окну. За окном идет снег. Хлопья косо перечеркивают ком света, вспухший вокруг уличного фонаря. Дело в том, читатель, что когда автор вполне искренне пишет "год спустя", в этом все же есть доля риторики. На самом деле после путешествия на "Гагарине" прошло два с половиной года. Вот оно.

"...Как мысли черные к тебе придут, откупори шампанского бутылку - иль перечти "Женитьбу Фигаро".

Несколько дней назад я встретил на улице Сашу. Бывший матрос Нестеренко катил перед собой коляску. Рядом с ним шла красивая строгая брюнетка. Я обратил внимание на ее ресницы - черные, пушистые, неправдоподобно огромные, - хотя, конечно, и кроме ресниц, было на что посмотреть...

- Знакомься, - сказал Саша и тонко, красиво порозовел. - Это Наташа. Мне тут же стало все ясно. Я сразу припомнил "версии", мысленно поздравил себя с тем, что был недалеко от истины, и, как дурак, спросил:

- Это твоя мама?.. - после чего красавица с недоумением взмахнула неправдоподобными своими ресницами, нагнулась к коляске, а Саша поспешил отвести меня в сторону.

- Что ты выдумал? - сердито шепнул он. - Если хочешь знать, то была совсем другая история...

Ну ладно, другая так другая. Я только подумал, что теперь линия Саши - как персонажа дневника-повести - может считаться завершенной. Вместе с тем я не мог не подумать и о том, насколько мы с Сергеем отстали от остальных членов экипажа.

Пишите, Шура, пишите...

Снег, пролетающий мимо фонаря за окном, на асфальте тает. Уха у нас еще была... Тогда, год назад, на борту "Гагарина", усталость и сомнения "полпути" исчезли как-то незаметно. Может, их вообще не было? А сейчас? Просто я устал, читатель. Сейчас устал. Тебе об этом вообще-то знать не положено. Но, как ни странно, в собственной книге совершенно некуда прятаться. Значит, нужно отдохнуть. "Откупори шампанского бутылку - иль перечти..." В чем дело, в конце-то концов?

В последнее время я веду, что называется, двойную жизнь. Днем - работа, лекции, физика. Между прочим, когда читаешь лекцию, тоже "некуда спрятаться". Раньше я готовился тщательно, "выстраивал материал", "планировал время"... Чаше всего к середине лекции меня переставали слушать. Это меня мучило когда-то. Теперь я начинаю думать, о чем скажу, когда открываю дверь в аудиторию. Как ни странно, теперь несколько десятков глаз, от которых не скроешься, следят за тем, что я выделяю на доске, с неослабевающим интересом. Вот после этого и "отдавайся целиком работе"! Кажется, дело удается, уступает только тогда, когда за душой, кроме этого самого дела, есть и кое-что еще. Слава богу, методических проверок на моих занятиях давно не было.

"Кое-что еще" - это мой стол и желтый круг света, падающего на тетрадь дневника.

И все-таки работа идет неправдоподобно медленно.

В настоящий момент я уже знаю об этой книге все. Знаю слова, которыми она закончится. Знаю, в чем ее смысл. Знаю все ее слабости, в том числе и неустранимые. Я знаю все, все могу объяснить - и в то же время во всем сомневаюсь, ни в чем не уверен. Говорят, будто литературная работа похожа на труд ученого, физика? Не похожа.

Есть ли резон - ради того, что я хочу сказать,- описывать путешествие день за днем? А если это просто дневник, к чему тогда тяжеловесные аналогии "путешествие - жизнь", "молодость - зрелость", перескоки "сегодня - год назад"?

Но ведь Ответ-то я знаю? Знаю! В чем же дело?!

"Откупори шампанского бутылку - иль перечти "Женитьбу Фигаро"..." Кстати, недели две назад мы с Сергеем нанесли визит некоему Маститому Писателю. Он прочитал первую, морскую часть.

Знаете, что мне запомнилось из этого визита? Отворилась дверь, и в комнату, тяжело и мягко ступая, косолапо расставляя лапы на желтом паркете, вошел огромный царственный пес. Он приблизился к Сергею, от чего тот сжался в кресле, обнюхал его ногу и фыркнул. Потом пес обнюхал меня, однако фыркать почему-то не стал, а поднял тяжелую черную голову, слегка повернул ее набок и уставился в глаза. - Фу! - поспешно сказал писатель. Пес отвернулся, медленно подошел к хозяину, положил ему лапу на колено и застыл, а писатель запустил руку в шерсть на могучем загривке, тихо бормотал: "Фу, зверь, фу, ирод хороший, фу..." Вскоре после этого мы с Сергеем встали и откланялись.

Что же касается мнения писателя о рукописи и особенно его замечаний, то они показались мне точными и дельными. Возможно, потому, что совпадали с моими собственными.

Перечеть, что ли, "Женитьбу Фигаро"? Впрочем, хватит...

Снег за окном перестал таять. Фонарь выключили: уже поздно. Я пытаюсь представить, какая холодная черная вода шипит сейчас на песке Гендры, тяжело грохочет у Тарханкута, вокруг Крыма, на косах Азовского моря, - всюду, где уже прошел "Гагарин". Представить эту картину трудно, потому что мы-то знаем: "Гагарин" сейчас на Дону, сейчас лето, полпути июля, экипаж хандрит, неприятно удивленный тем фактом, что "уха у нас еще была"... Свет лампы на моем столе падает на страницу дневника.

Знаете, читатель, я, кажется, понял! "Полпути" - это когда у нас с вами позади уже много хорошего, кажется, будто есть что терять, и жалко. Чепуха это. Впереди не меньше. Сергей как-то сказал: главный недостаток повести-дневника о путешествии на яхте - заранее известно, что герои не утонули. Я возразил: это еще неизвестно. Неизвестно!

Знаете ли вы, как на Дону "Юрий Гагарин" стал "Летучим голландцем"? Вы слышали о том, как мы съели простоквашу, предназначенную для сумасшедшего дома? Вы знаете, где мы догнали вполне реальную "Мечту" и чем все закончилось? Послушайте, читатель, - почему вы ни черта не знаете?!

Потому что книга еще только на полпути. "Диспозиция на завтра изменена быть не может" - в этих словах Кутузова (перед Аустерлицем) мне всегда чудится нечто утешительное.

Знаете, читатель, в чем лучшее свойство усталости, сомнений, хандры, - того состояния, которое мне и са мому осточертело называть "полпути"? В том, что оно проходит.

- ...Живем, как на ракетодроме, - сказал Сергей давным-давно, год или два с половиной назад, утром, на подходе к Ростову, когда мы ночевали у заправщика и нас разбудил гудок очередной "Ракеты".

Шутка принята не была. Казалось, команда захворала цингой: все были опухшие и непрерывно зевали. Набрали на заправщике солярки; но и эта удача никого не расшевелила.

Перед ростовским мостом стояла длинная очередь судов. Разрешение на проход нужно запрашивать у так называемого "капитана рейда", по радию. - Радию нет - обойдемся без разрешения, - сказал Данилыч, Мы стали на буксир к одному из судов, ожидавших развода. И прошли мост. Капитан рейда не возражал. Все удавалось в то утро; но мы зевали.

"Сейчас на базар пойдём", - злобно думал я, когда мимо борта потянулись просторные набережные Ростова. Еще недавно этот город меня - как одессита - очень интересовал. Ростов и Одесса - почти ровесники: оба возникли в конце позапрошлого века, торговые города, города-купцы, многоязычные и кипучие - южные. Разница в том, что Одесса была воротами на Запад, а Ростов - преддверием Кавказа, Средней Азии. Был когда-то неповторимый аромат у Одессы, аромат пшеничного хлеба и размокшего в морской воде апельсина, дул здесь ветерок со Средиземноморья, из Марселя, из Генуи. Было то, что принято называть "колоритом", - было и навсегда осталось в "Гамбринусе", в пярных поэмах Бабеля. Был, вероятно, свой "колорит" и у Ростова. Но вот что странно: одесские купцы зачем-то старались прослыть негодичантами, европейцами, меценатами. Но в Одессе считалось почему-то выгодным пригласить Карузо - и Карузо пел в Одессе, считалось престижным покровительствовать поэтам - и поэты выросли. Возможно, Моразли заботился лишь о своем реноме, даря городу дома для музеев и библиотек, одесские нувориши всего лишь чванились, отгрохав биржу и театр в пику Санкт-Петербургу, - но ведь купцы Ростова таких замашек и вовсе не имели! В наши дни своеобразие городов все больше стирается. Их лица тускнеют. Но кое-что все же остается, должно оставаться, и я надеялся ответить на вопрос, который в упрощенном виде можно сформулировать так: почему в Ростове не было своего Бабеля?.. Однако я этого так и не понял. Я виноват перед Ростовом: мы его почти не видели.

Мы брели по улицам, не поднимая голов. Болезнь хандры, которой вчера страдал я один, перекинулась на Даню и Сергея. Это было типичное полпути. И на полпути к базару Данилыч неожиданно остановился. Оглядел нахохлившуюся команду. Очевидно, понял: необходимы крутые меры.

- Сейчас будем развлекаться, вот оно. Домой никто не хочет позвонить? Оказалось, позвонить нужно всем. Мы развернулись и побрели на почтамт. Выстояли очередь и разговаривали долго.

- Так, - сказал затем Данилыч. - А теперь будем, я имею в виду, развлекаться.

Мы развернулись и пошли в ресторан. Капитан "ставил".

- Эту главу назовем "Последняя ставка капитана", - шепнул мне Сергей, во время обеда несколько оживший. Я осторожно поставил бокал с красным вином на туго накрахмаленную скатерть. Официант покосился на Даню, который пробовал остроту

ножа на пальце с непосредственностью молодого Маугли.
- Вот оно, - удовлетворенно произнес Данилыч после обеда, и в третий раз прозвучало: -

А теперь - развлекаться...

Мы шли по городу. Шкипер двигался впереди остальных - в белых штанах и рубашке, в белых вельветовых "корочках", развалистой походкой, гордо откинув голову. Это напоминало выход матерого рецидивиста со свитой шестерок. Разгул крепчал. Мы не пропускали ни одного автомата с газированной водой. Мы останавливались на углах, и Данилыч приказывал - "мороженого"! В парке культуры каждый из нас дважды взвесился, измерил рост и ударил кулаком по силомеру. Мы катались на "чертовом колесе"; мы брали от жизни все.

Удивительней всего была та скорость, с которой приносило плоды нехитрое лечение шкипера. Я начал насвистывать. Сергей предложил запить мороженое пивом. Данилыч купил туристскую схему "Вдоль по Дону". Даня останавливался, как бы пораженный громом, и платонически глядел вслед каждой ростовчанке моложе сорока. Я перестал насвистывать и начал напевать. Мирская скорбь стремительно шла на убыль;

а почему - неизвестно.

- Красивейшая скульптура! - громко сказал капитан у памятника конармейцам - конной статуи казака.

- Неправильная! - услышали мы. Возле статуи стоял кряжистый, узловатый старик.
- Неправильно, - со старческой непримиримостью повторил он. - Омундировка на казаке - зимняя?

- Ну так что? Значит, зима...

- А подкова на коне летняя, без шипов! - С этими словами старик сплюнул и ушел.

Ростов начинал мне нравиться: колорит здесь сохранился. Домой ехали на машине. Шофер препирался с Сергеем, доказывая преимущества конной милиции перед любой другой. Данилыч на переднем сиденье задремал. Даня прижимал к себе сумку с бараниной для вечернего шашлыка. За окном мелькали купеческие особняки, переулки стекали вниз, к Дону.

Таксист довез нас до понтонного моста. Мост лежал на воде, суставчатый, как поезд. Он был выгнут и упруго натянут течением. Платформы слегка подрагивали; такое ощущение, будто идешь по древку лука.

Высокий правый берег донской протоки заполонила машинная цивилизация. Парадный простор пассажирских причалов был ниже по течению; здесь, на окраине порта, за каждую пядь велась борьба. Берег покрывали склады. Ярусом кустарников поднимались корпуса мастерских. Выше царили стволы труб и надломленные силуэты кранов. Гроыхало железо, вспыхивала сварка, поднималась мучная пыль из трюма загружаемой баржи; и урчал, утробно булькал кишечник каких-то укутанных серой ватой труб.

А другим концом мост упирался в остров. Здесь был лес, не очень высокий, сквозной, редкие домики базы отдыха, лодочная станция. Несколько человек неторопливо работали на песке у воды - смолили корпус шлюпки. Возле берега, в компании стайки яхт, отдыхал "Юрий Гагарин".

- Подите все сюда, - позвал Данилыч. Он уже забрался на яхту, голос шел из каюты.

Внутри было темно. Капитан, против обыкновения не щадя аккумулятора, зажег верхний свет. Мы увидели, что на штурманском столике разложена карта СССР - та самая, по которой когда-то давно, в Одессе, прокладывался генеральный маршрут путешествия.

- Вот мы где, - ткнул пальцем шкипер.

- Ой, батя, а мы не знали! - протянул Даня. - В Ростове, где ж еще?

- Вот отсюда мы вышли, - продолжал Данилыч, - так вот шли... видите? А теперь нам сюда. Я имею в виду...

И мы поняли, что он имеет в виду. От Одессы до Ростова путь "Гагарина" образовал вогнутую на юг, слегка неправильную дугу; и почти такую же дугу, только обращенную на север, с вершиной в Волгограде, предстояло описать до Астрахани. Ростов был на полпути, только на полпути.

Уже на полпути. В чем дело, в конце концов!

Часть третья. Реками

Глава первая. Тема с вариациями

*...Мы поднимаемся по Бонанзе,
по Эльдорадо, по Золотой реке и Серному ручью,
добираемся до перевала, спускаемся вниз через Золотые Россыти...*

- Что ты ищешь? - спрашиваю. Она смеется.

Джек Лондон

*Понять эту идею невозможно. Старайтесь к ней привыкнуть.
Из лекции по квантовой механике.*

Начинающий автор решил создать книгу о кавалерии. На первой странице он написал:

"Командир накинул бурку, взлетел в седло и пришпорил своего вороного. Копыта зазвенели по дороге: цок-цок-цок-цок..."

Вторая страница начиналась и оканчивалась теми же "цок-цок-цок". В книге было около двухсот страниц. Последние строки выглядели так: "...цок-цок-цок-цок-цок. Пррр!.. Командир остановил вороного, вылез из седла и снял бурку. Конец".

Этот довольно глупый анекдот вспоминается, когда хочешь описать плавание по реке.

Третий день "Гагарин" идет от Ростова вверх по Дону. Третий день дует горячий, сухой восточный ветер. Река петляет, но ветер, следуя изгибам ее ложа, все равно бьет прямо в лоб. О парусах не может быть и речи: невозможно лавировать на узком фарватере, где то и дело проходят встречные суда. По пятнадцать часов в сутки трещит мотор. У Данилыча его стук начал вызывать профессиональные галлюцинации.

- Хорошо шьем! - неожиданно сказал он сегодня вместо обычного "хорошо идем".

- Что-что?..

- Мотор, говорю. Как швейная машинка: чах-чах-чах-чах...

Действительно: чах-чах-чах-чах... Цок-цок-цок-цок... Мимо нас проходят буи речного фарватера: три тысячи сорок восьмой, сорок седьмой, сорок шестой... На закате ветер стихает. Мы становимся в одной из боковых излучин Дона и ночуем, приняв душ из флакона "Тайги". Восход похож на закат, который прокручивают в обратном порядке: солнце ползет вверх, комары исчезают, ветер снова начинает дуть, а Данилыч заводит швейную машинку: чах-чах-чах...

Иногда нас подбрасывают попутные баржи. Мы швартуемся к борту, глушим мотор, и его сорокасельный тенорок сменяется натруженным басом толкача-буксира: ух-ух-ух-ух... Мы лежим на палубе, стараясь найти огрызок тени. Жара. Ветер. Скука не скука - но монотонность.

Дон - река степная. Как сама степь, он чрезмерен. Широкий, тихий плес, береговые заросли, тихая, уютная протока ведет куда-то вглубь. Поворот русла. Впереди. снова тихий плес, зеленый берег, уютная протока... Поворот. Дон красив. Дон опять красив. Дон снова красив. Даже тягостна эта избыточность, это повторяемость красоты. В море не то: море тоже бесконечно. Но море не периодически. Впрочем, мы пишем дневник, а не учебник по теории функций. "Монотонность", "бесконечность"... Три дня на Дону были наполнены кочевым бытом, небольшими приключениями и дорожными встречами, как любые дни путешествия. Но если читатель хочет понять то странное ощущение, которое вызывает река, - нужно время от времени прерывать чтение и повторять:

- Цок-цок-цок... Чах-чах-чах... Ух-ух-ух.

I

Из путевых записей Сергея.

На реке берега называют "левым" и "правым", если идут по течению. Мы идем против течения, поэтому впредь, чтобы не путаться, будем называть левый берег правым и наоборот.

Раннее утро. Чах-чах-чах... Причалы Ростова остались позади. - Знаете, как я назову главу о сегодняшнем дне? - похвастал судовой врач. - "Вперед, на Сталинград!"

Экипаж рассмеялся под влиянием приятной мысли, что Сталинград уже у нас в кармане. Это была типичная ошибка.

"Гагарин" с натугой шел против течения. Буи донского фарватера кренились, рождали буруны; буи как бы гнались за яхтой. Теплый пар стлался над водой. На берегу раскинулись палаточные города. Представители местного туризма еще спали. Ни одной яхты не было видно.

- Где же "Попандопуло"? Катамаран "Мечта" в фуражке с крабом?
- Отстал боец невидимого фронта, - поддержал меня Сергей. - Если вообще когда-либо существовал!

В этот момент раздался всплеск. Запасной багор, багор № 3, каким-то образом отвязался и упал за борт. Мы повернули, но белое древко уже исчезло в белом тумане. - Черт с ним, - решил шкипер. - Искать не будем, времени жалко. К вечеру должны на Цимле быть.

- Мы что, спешим? Карты все равно ж нет. Будем идти, пока не приедем... Отсутствие карты никого не смущало. Как же! У нас была туристская схема. "Водный путь от моря Белого до моря Черного".

Судя по "Водному пути", до Цимлянского водохранилища оставалось два поворотика и три шлюзика.

В пять часов сорок минут летнего времени состоялся восход. Мгновенно, как по команде "снять химзащиту", пропал романтический туман. Поднялся горячий ветер. Вместе с утренней прохладой быстро испарялись наши иллюзии.

Впереди сверкали бесчисленные петли Дона. Дон был похож на удава. Удав разевает пасть, и кролик по своей инициативе лезет в открывшуюся нору. В планах "к вечеру быть в Цимле" мы явно свалили кролика...

- Займусь астрономией, - неожиданно решил Даня. - Очень хочется про звездочки почитать.

- Сварил бы лучше обед...

Но мастер по парусам, захватив школьный учебник астрономии, уже исчез в каюте. Сергей вдруг вспомнил, что давно хотел постирать белье. Он набрал воды, поставил греться у мотора, а сам пока прилег.
- Возьми руль, Слава, - скомандовал Данилыч. - Хочу двигатель проверить.

И он скрылся в машинном отделении.

Чах-чах-чах... Навигационная обстановка Дона порождает неодолимую, чумацкую лень. От буй к бую идет яхта. Не нужно ни корректировать курс, ни ловить ветер. Поймаешь дремотным взглядом очередной буй - и следи, как он выныривает из речного сияния то слева, то справа от бушприта. Потом, обретя солидные размеры, буй проплывает вдоль борта. На нем номер: 3086. Следующим будет буй 3085, на него и держи. Бог знает, что это за цифры - может, километры? Но думать лень. Солнце нагрело плечи, ключицы пахнут жженой пластмассой. Накинуть рубашку тоже лень... Некоторое оживление вносят встречные суда. Взбивая мелкую водяную пыль, лихо раскорячив подпорки крыльев, проносятся серебристые водомерки - "Вихри" и "Кометы". Изредка над кронами деревьев появляется белоснежная грановитая палата с антеннами. Это - палубная надстройка очередного "Волгобалта". За кормой вздымается горб, с которого судно как бы непрерывно съезжает. "Гагарин" почтительно шарается. Стандартный теплоход типа "Река - море" здесь, на узком донском фарватере, подавляет величием.

Зато совсем домашний, уютный вид у стареньких, ржавеньких, нагруженных песком барж. Корму подпирает тупорылый буксир. Иногда, скорбно пыхтя, буксир толкает сразу несколько барж. На палубах сохнет белье, ходят бабы, замотанные в белые платки.

- Деревня плывет! - восхищался Данилыч. - К такой прицепиться - горя бы не знали.

Мы были не против стать на буксир, но первая оказия случилась только в середине дня...

- Ребята!! - заорал Данилыч. - Гей, на барже! Возьмите на буксир. Не обидим!

- У нас мотор испортился! - лживо вторил я.

- Привет из Одессы!!! Ура-а-а! - вопил Даня, не покидая каюты. Текст криков роли не играл: рев двух моторов начисто убирал из речи смысловую нагрузку. Как с помощью жестов изобразить желание стать на буксир? Данилыч разрешил эту проблему просто. Он попеременно поднимал над головой то кормовой конец с петлей,

то бутылку водки. Казалось, капитан одновременно хочет выпить и повеситься и не знает, с чего начать.

Но речники - люди сообразительные. На мостике толкача показался крупный, голый по пояс мужчина. Он лаконично махнул рукой, указывая место у правого борта. Суда звонко "поцеловались", сжав кранцы, и пошли рядом.

Ух-ух-ух... Яхта, примостившаяся под буксирным боком, напоминает кисейную барышню об руку с деревенским кузнецом. Ухажер что-то рокошет раскатистым басом, а дама семенит рядом, изредка вздрагивая от его шуток.

- Можно? - Капитан буксира нанес нам визит. - Будем знакомы, Алексей.

- Очень приятно... Накрывайте стол, ребята.

На палубе "Гагарина" стало тесно. Алексей был молод, но широк и грузен, как Тарас Бульба. Спускаясь по трапу для осмотра каюты, он застрял плечами в люке. Мы с Сергеем переглянулись. Опять пробуждалась психология туриста, в представлении которого вся Сибирь должна есть пельмени и за что-то бить белку в глаз. Сейчас перед нами был потомок казаков, степняк, наследник разбойного и вольного духа Войска Донского. Перед внутренним взором замелькали нагайки, шашки и лампасы. В памяти почему-то всплыли непонятное слово "ясак" и фраза "его благородие хорунжий приказали в капусту порубать".

Сели за стол. Данилыч весьма кстати вспомнил, что сегодня день Военно-Морского Флота. Выпили. Алексей охотно рассказал, что по Дону ходит пятый год, раньше служил на Дальнем Востоке.

Я почувствовал себя обманутым. Где местный говор, шипящие "язви ты в душу"? Алексей говорил правильным, усредненным языком радиодиктора. Я тщетно пытался уловить "нечто ястребиное" в его "воинственном смуглом лице": лицо было самое обыкновенное, потное, несколько тяжелое.

- Простите, Алексей, а вы местный? Из станичников? - осторожно спросил Сергей. Казак усмехнулся:

- Вроде того. Наши сюда после войны перебрались.

В поиске казацкого колорита я решил, что речь идет о второй русско-турецкой войне. Не все запорожцы после разорения Сечи ушли за Дунай; часть была переселена на реку Ею, потом на Кубань, и составила основу Кубанского войска. Может быть, Алексей из них?

Но когда говорят "после войны", всегда имеют в виду последнюю войну. - Отец погиб, - рассказывал капитан буксира, - у матери дома никого, а тут, под Ростовом, кое-какая родня. Вот и переехали.

Мне стало стыдно. Что я ждал - дешевой опереточной экзотики? На Алексее были мешковатые рабочие штаны. Без лампасов.

II

Гость ушел. После обеда время замедляет свой бег. Ух-ух-ух... Хорошо идти на буксире. Решительно ничего не делаешь и вместе с тем приближаешься к цели. Это и есть рай: оправданное безделье. Ух-ух-ух...

Бесконечно тянутся мимо нас берега. Правый холмист, обрывист. Водораздел здесь проходит вплотную к реке. Много суходолов - выбитых, истощенных земель. По другую сторону реки яркая, ядовитая зелень у самой воды, часто бурелом, путаница гниющих стволов. Лес береговой, несерьезный. Чувствуется его малая глубина, проникающее присутствие степи за узкой полосой прибрежной зелени. Иногда в самой чаще мелькает лысина песка. И ветер совсем не лесной - сухой, горький, прокаленный над пустыми плитами материка. Лесной пейзаж со степным подтекстом. Лежа на палубе, я не спеша лениво размышлял. У греков, веселых пантеистов, каждый ручей имел свою нимфу. Тем самым за ним признавалось право на индивидуальность. Интересно, как выглядела бы нимфа Дона? И жара, и ветер, и повторяющаяся красота реки, и ритм буксирного баса - за всем угадывается единый замысел, все это вариации на единую тему. Странно - в море о теме моря я не рассуждал. Ух-ух-ух... Хорошо было в море. На Дону тоже неплохо, но жарко. Буксир пыхтит. Тема буксира ведет по теме Дона ржавую тему баржи. Ух-ух-ух... Тема. Тьма. Ма...

- Ребята! Возьмите на буксир! - кричал Данилыч. Я проснулся. Шкипер взывал к небольшой самоходке, которая обгоняла яхту.

- Где Алексей? Мы ведь были уже на буксире!

- Алексей отстал, баржу песком заправляет, - глядя в бинокль, сказал Сергей. - Не выйдет, Данилыч. Там опять женщина.

Капитан в последний раз, безнадежно махнул водкой. Самоходка вильнула к нам, потом выровнялась и увеличила ход.

- Кино, - тоже глядя в бинокль, хихикнул Даня. - Он за руль, и она за руль. Он тянет налево, она направо.

- Третью оказию зевнули, - видя, что я ничего не понимаю, объяснил Сергей. - На Дону, видно, традиция: с женами плавать. Капитан к нам, жена от нас. Разная реакция на вид бутылки.

За то время, что я спал, зной отпустил. Солнце садилось. Река стала похожа на цветную фотографию. Голубой воздух, желтый песок, зеленые листья - краски очистились, утеряли богатство полутонов.

"Гагарин" шел мимо большой станицы. Правый берег был здесь особенно крут, левый порос особенно густым лесом.

В слове "станция" мне всегда чудилось нечто былинное. Станица, стан, становище. Детская мечта о кочевой жизни. Костер, ночное, "утро туманное, утро седое"... - Мелиховская, - прочел Сергей над ветхой пристанью. - Красиво.

Я вспомнил, как днем искал на казаке Алексее лампасы, покраснел и попытался собраться. Набеги и кочевья - прошлое. В Мелиховской, конечно, создан колхоз. Станичники смотрят передачу "А ну-ка, парни!", посевная прошла успешно, и председателя недавно протянули на райкоме за разбазаривание техники полевого стана. Но все же станица, надо признать, отличалась от обычной степной деревни. Вольный дух казаков не принимал стандартов. Улиц не было. Двухэтажные усадьбы сбегали по склонам плавных верблюжьих горбов и толпились у реки в беспорядке, как табун, пригнанный на водопой. Над водой ярко зеленели вербы.

- Батя, давай тут заночуем! - вздохнул Даня. Он рассматривал казачек, полоскавших на мостках белье. Данилыч сделал вид, что туговат на ухо. Заслышав стук мотора, женщины выпрямились, смеясь, что-то певуче кричали. "По До-ну гуляет, по До-ну гуляет!" - с фальшивой сладостью запел Сергей, но тут же осекся, нахмурился и тоже вздохнул.

В воздухе витали образы "Тихого Дона". Я приставил ко рту жестяной рупор: - Аксинья! Аксинья!!

Молодая казачка на крайних мостках вздрогнула, уронив мужнину рубаху, и подняла голову.

- Привет из Одессы! Прощай, Аксинья-аа! - Голоса команды дружно слились над водой.

За кормой яхты течение медленно зализывало киль ватерный след - рубец, сизо-багровый от закатных лучей. Мелиховская осталась позади, но в бинокль еще долго можно было разглядеть мостки и Ксюшу, глядящую нам вслед.

III

Для судна с осадкой "Гагарина" заночевать на реке - проблема. Возле берега мелко. Посреди фарватера есть опасность проснуться под "Волгобалтом". Приходится искать протоку или затон - тихую обочину речной дороги. У небольшой станицы Пуляховской Дон разветвляется. Влево уходил широкий боковой рукав. Водный перекресток украшало странное сооружение. Оно стояло на якоре. Корпус напоминал баржу, которой за любопытство отрезали нос. На корме какой-то шутник оборудовал лебедками деревенский сеновал. Большую часть палубы занимала изба с мелкопоместными наружными ставнями.

Мы разузнали глубину и стали в протоке, недалеко от ковчега. Там шла тихая семейная жизнь. Загорелые карапузы возились у лебедки, женщина снимала просохшее белье, в окне солидно курил отец семейства.

- Ше ж таки это такое? - заинтересовался Даня. - Землечерпалка? Бензозаправка?

- Раколовка, - буркнул Сергей. - Стоят себе и раков ловят.

- Не, но должны ж они ше-то делать?

- Не должны. Этот плот-музей. Первый, неудавшийся вариант Кон-Тики.

- Главное, - наставительно произнес Данилыч, - оно нас от фарватера прикрывает. Полезет баржа какая-нибудь в протоку - сначала на них наткнется. Мы крик услышим и уйдем, вот оно.

На реке лучшее время дня - ночь. Уже вымыли после ужина посуду, в баки залита солярка - на завтра. Капитан побрызгал в каюте "Тайгой", затянул люки марлей и притих

- занял противокмариную оборону. Молодежь располагается наверху.

- Данилыч, последний раз! Мы фонарик забыли.

- Зачем же я закупоривался?! Лезьте, только быстрее. Даня, газ закрыт?

Это, по традиции, последний вопрос дня. После уверений, что газовый баллон завинчен, дыхание шкипера становится ровней. Для нас же наступает святой час - время вечернего трепа.

Мы расположились у бушприта. Ночь была безлунная, звездная. На берегу, у Пуляховской, уже потушили огни.

- Даня, ты теперь астроном... Просвети!

- Кассиопея... Весы... Волосы Вероники... - мастер по парусам старательно выговаривал благородные ночные имена.

Сергей отыскал Большую Медведицу. Был поднят и тут же забыт глобальный вопрос о существовании простых и реликтовых черных дыр. От воды веяло свежестью...

...Оглушительный рев разогнал звезды.

- Вы что, не выключили газ?! - спросонья закричал Данилыч. Но это был не газ. Музей Кон-Тики, обитель патриархата, тихая раколовка заступила на вахту. Черные дыры еще глубже ушли под сферы Шварцшильда. Монстр со ставенками перетягивался по тросу, ослеплял прожектором, злобно грохотал и отступал назад. Прошло полчаса. Стозевное чудище продолжало свою непонятную работу. Станица Пуляховская покорно спала - привыкла. Скрепя сердце легли и мы.

- Не понимаю местных казаков! - прокричал мне в ухо Сергей. - Им давно пора собраться и порубать эту баржу на мелкие ботики.

Мне приснился горный обвал и фрезерный станок. На рассвете я проснулся сам - от наступившей тишины.

IV

- Смотри, какая здоровая байда плывет! - сказал Сергей. Судовой врач выработал оригинальную классификацию донских плавсредств: любое судно, превосходящее размерами яхту, он называет "здоровой байдой". Был полдень; недолгая прохлада давно сменилась сиянием и ветром нового знойного дня. Мотор "Гагарина" строчил уже больше пяти часов. Здоровая байда величественно приближалась. Ее темная масса перегораживала все течение реки. Палубная надстройка напоминала огромные ворота. Это был не "Волгобалт", не заправочная станция, даже не земснаряд... .

- Шлюз! - догадался Даня. - Первый донской шлюз.

- Тише ход! - нервно скомандовал Данилыч.

Шлюзы были качественно новым препятствием на пути "Гагарина". Конечно, об их существовании мы знали заранее: четыре шлюза придется пройти перед Цимлянским водохранилищем и чуть ли не полтора десятка - в Волго-Донском канале. Весь вопрос был в том, пропустят ли яхту эти форпосты современной навигации. - Тяжелое дело, - качали головами опытные ростовские яхтсмены. Для прохождения шлюза следовало иметь специальное разрешение, заранее послать запрос по рации. У нас не было ни рации, ни разрешения. Данилыч слушал мрачные прогнозы и мрачнел. Он умел справиться со шквалом, был спокоен во время шторма. В молодости он прошел войну; но одно упоминание о людях и бумажках, человеко-бумажках, от которых

зависело продвижение яхты, превращало лихого капитана в неврастеника. Капитан был не только лих. Он долго жил, он имел опыт.

На малом ходу, по-собачьи виляя корпусом, "Гагарин" подползал к своему первому шлюзу. Ворота были распахнуты, к ним вела красиво изогнутая линия швартовой стенки. В ласточкином гнезде смотровой будки виднелась чья-то фуражка. Не заходя в шлюз, пришвартовались у стенки. Данилыч впервые после Керчи вынул папку с документами.

- Ждите...

- Погонят, - убежденно сказал Даня, глядя на удаляющую спину шкипера. Спина горбилась... - Снова бумажки, снова люди в фуражках...

У края шлюзовой камеры расположился небольшой базар.

- Бойкое место бабки выбрали, - одобрил Сергей. - Каждое судно - потенциальный покупатель. Тут бы еще пивной ларек...

Но пива не было. Не считая "Гагарина", не было и судов-покупателей. На раскаленном бетоне застыли фигуры торговков. Обмотанные платками, безликие головы женщин в своей неподвижности напоминали сфинксов. В храмовом пролете шлюзовых ворот стоял белый огонь реки. На секунду мне почудилось, что это Нил, Древний Восток, Египет...

- Почем помидоры... Что?! - Наваждение развеялось сразу. Храм снова стал шлюзом, Нил - Доном. Мумия торговли поклонялась единственному древнему богу - золотому тельцу.

- А так, ще б купить? - Даня перешел на жаргон одесского "Привоза". Бабка, напротив, говорила правильно, чуть старомодно.

- Давеча и по три рубли торговала. Ничего, берут. Помидоры-то знатные! Она не уступала ни копейки. Я взял арбуз, десяток помидоров - действительно "знатных", благородно-матовых, крупных - скрепя сердце рассчитался...

- Ну, хозяйка, вы своей выгоды не упустите!

- Это верно, - согласилась женщина. - Для того и живем.

Она сказала это так убежденно, так внушительно и кратко, что мы поняли: человек изложил твердый, давно сложившийся взгляд на жизнь. Подошел Данилыч. Вид у него был усталый.

- Снимаемся! Прошлюзуют! Они таких документов, как у нас, и не видели...

- Не так страшен шлюз, как его малюют...- резюмировал я. Все согласились. Только Данилыч почему-то беспокойно оглядывал реку и вздыхал.

Вскоре после шлюза показался Константиновск.

- Очень сильно купаться хочется, - капризно сказал Даня, разглядывая в бинокль местный пляж и пляжниц. Данилыч сделал вид, что плохо слышит. Повторялась история Мелиховской.

- По До-ну гуля-ет... - затянул было Сергей, но тут в воздухе пронеслось что-то плоское, красное...

Как пишут в романах, "никогда еще наша история не была так близка к завершению".

- ...Матрац сдуло! - радостно закричал Даня и выпрыгнул за борт.

Мелькнули ноги судового врача. Увлеченный цепной реакцией прыжков, я вдруг тоже оказался в воде. Три фонтана брызг взметнулись одновременно. Я вынырнул и с ужасом увидел, что яхта быстро удаляется, а на палубе никого нет. - Он тоже... ой, не могу! Он тоже ж выпрыгнул! - отплеываясь и по-собачьи подгребая, захохотал Даня. - Батя, ты где? Батя!!

Рядом всплыла кепка. За ней показалась макушка Сергея. Оценив ситуацию, судовой врач открыл рот, в который незамедлительно полилась донская вода.

- Счебуфы... тпфу... чего ты ржешь?!

- Смешно, - Даня вдруг замолчал, вытаращил глаза и с отчаянным криком "батя!" нырнул, я за ним. В желтовато-голубой воде поднимались белые пузыри. Больше ничего не было.

- Вот он! - когда мы всплыли вторично, нервно хохотал уже Сергей. Неуправляемый "Гагарин" описывал дугу. Теперь он шел поперек течения. За кормой на лине болтался спасательный круг. В ореоле брызг мелькала голова шкипера. - Сейчас врежется! - Яхта неслась к пустынному левому берегу. Я зажмурился. Сейчас будет треск... треск...

Треска не было. Я открыл глаза. Не дойдя до берега, яхта села на мель. Мотор работал вовсю, но "Гагарин" не двигался. Мы увидели, как Данилыч взбирается на борт. - Да тут мелко! - Сергей встал на ноги. Течение вынесло нас на отмель. Рядом, у песчаной косы, болтался злополучный матрац.

- С ума со-шли! - четко, как бы отдавая команду, прокричал в рупор капитан. "Гагарин" сполз с мели, развернулся и стал на якорь. Данилыч вновь, на этот раз неторопливо, покинул яхту и поплыл к нам.

- Вот так и возникают суда без экипажа, - резюмировал Сергей. - "Летучий голландец" на Дону!..

- Ничего, вот оно... все хорошо, вот оно... - отдуваясь, повторял Данилыч. - Я так и думал...

- Чего ты думал? - подозрительно спросил Даня.

- Ничего. Хотели купаться - купайтесь...

- Нет, ты договаривай!

- Ну ладно, - сдался капитан, и я вдруг почувствовал: я знаю, что сейчас последует. - Опять "Мечта" появилась. Мне на шлюзе сказали. Капитан, говорят, в черном свитере.

В фуражке с крабом, пижон, ходит.

- М-да... - после короткого молчания протянул Сергей. - Это уже мистика. - Я так и знал: что-то случится. Вот оно и случилось, - с явным облегчением закончил шкипер. - А теперь, я имею в виду, отдохнем...

Во всяком случае, на сей раз "Гагарин" был обязан "Мечте" отдыхом. Мы огляделись. Город Константиновск нежился за рекой. Здесь, на нашей стороне, было удивительно тихо. Скат песка плавно спускался к воде. Выше начиналась трава, сухой кустарник, за ним - неожиданно влажный, свежий лес. Светло-голубая протока разрезала лес, открывала его взгляду - и уходила, терялась в путанице зелени, в желтых мысках. Даня, сладострастно мыча, зарылся в сухой, пропитанный солнцем песок. На лице мастера по парусам застыло глуповатое выражение счастья. Сергей, перейдя вброд протоку, скрылся в молодом лесу и оттуда неразборчиво кричал нечто радостное. Я бродил по отмели. Наивно копируя речную рябь, песок на дне слежался твердыми барашками. Когда я наступал на крошечный подводный бархан, он оживал, песчинка за песчинкой уходил из-под ног, норовил засосать в свою сантиметровую глубину. Казалось, какие-то мягкие зверьки возятся под ногами, щекочут, стараются подрить стопы неведомого им Гулливера, повалить и потом связать, опутать теплыми нитями течения. Я делал вид, что побежден, и падал в воду.

Эпизод с купанием и "Мечтой" уже забывался. Как всегда после очередного явления "Попандопуло", я быстро перестал верить в его существование. Светлый жар летнего полдня был чужд мистике; а верней, в нем самом, в удивительной красоте Дона чувствовалась тайна куда более важная. Начинало казаться, будто я чем-то ей обязан, что-то немедленно должен угадать; и когда, покинув место отдыха, "Гагарин" двинулся дальше, это далекое от безмятежности чувство только усилилось. За Константиновском холмы отошли в сторону, река петляла по широкой долине, и Дон, кажется, еще похорошел. На крутых поворотах фарватер вплотную прижимался к берегу. Палубу накрывала тень, в нескольких метрах у борта проходили узловатые корни деревьев, выползшие из глинистой почвы. В таких местах русло сужалось, мощное течение рождало воронки, "Гагарин" плелся со скоростью провинциального пешехода. А за поворотом снова открывались широкие, стоячие плесы, их выпуклая поверхность сверкала белой ртутью, лесистые острова разделяли ложе реки, и Сергей, сверяясь с картой, каждый раз говорил:

- Эта протока называется Старый Дон.

Сергей опять увлекся навигацией. Сменив меня на руле, он первым делом развернул карту и озабоченно спросил:

- Где мы, по-твоему, находимся?

Я этого не знал и даже не хотел знать. Навигационный пыл Сергея противоречил самой сути реки. Мы были на Дону. Зачем знать точней? Меня куда больше интересовало чувство, которое вызывает монотонная красота реки, чередование протоков, непрерывный ритм мотора. Я прилег и попытался сосредоточиться.

Из путевых записей Сергея.

17.20. Хорошо "шьем"! Вечером должны быть у Николаевского шлюза. Проходим лесистый остров, перед ним было резкое сужение русла и поворот направо. На карте все это есть, но возле поворотного буя написано: № 2564. А на самом деле - № 2586. 18.40. Баклаша усиленно пишет. На всякий случай еще раз спросил, где мы были в тот момент, когда я его сменил. Может, он плохо следил за картой? Говорит, что следил хорошо. Тоже заметил, что номера буев указаны неверно.

Как-то быстро мы идем. Может, у меня часы спешат?

В теории относительности различают "временеподобные" и "пространственно-подобные" интервалы между событиями. В море, чтобы узнать, где находимся, мы смотрели на часы - а потом вычисляли пройденный путь. События морской части путешествия были временеподобными; иное дело внутренние воды, где во весь голос заявляет о себе Его Величество Материк. Время теряет жесткость. Минуты тянутся.

Часы летят. Теряется связь событий.

Может быть, секрет Дона - в его пространственно-подобности?..

Нет, слишком уж это хитро. Что-то не то.

Из путевых записей Сергея.

20.10. Что-то не то. Вместо левого поворота, как должно быть по карте, оказался правый. Вместо острова - протока.

- Старый Дон, - сказал Баклаша, не отрываясь от блокнота. Очень ценное замечание! Тут все протоки называются "Старый Дон".

20.30. У Славки какой-то пришибленный вид. Встал, походил по палубе, затягиваясь незажженной сигаретой, потом посмотрел на меня так, словно в чем-то заподозрил:

- Где карандаш?

Он это уже в четвертый раз спрашивает. Выслушал мой ответ, засопел, снова лег и нашел карандаш на том месте, откуда недавно встал.

Все-таки где же мы?

Вот нейдет человеку! Никого, кроме Сергея, навигация не волнует. Куда мы из фарватера денемся? Данилыч следит, чтобы мотор не прерывал своего ритма, так хорошо подчеркивающего суть Дона. Даня спокойно изучает карту звездного неба. Я начал его понимать, что занятие отвечает бесконечности реки. Интересно, найду ли я все же для этого Дона нужные слова?..

Из путевых записей Сергея.

21.00. Ничего не понимаю. Подошел к одной из рыбацких лодок.

- Николаевская далеко?

Рыбак ответил, что за поворотом, и показал налево. Река уходила направо. Я решил уточнить:

- Сколько до нее километров?

- Километров двадцать. А может, меньше. Меньше. Километров двенадцать. А может, меньше... Меньше. Километров шесть.

Интересно, знаю ли я все же, где мы?! Нет, в таких условиях я Дону не навигатор!

Да как тут найдешь нужные слова, если все время отвлекают! Нет, я в таких условиях Дону не певец...

V

Заводь полукругом вдавалась в берег. В ней шло медленное, едва заметное вращение воды. От Дона нас отделяла огромная, черная, древняя коряга. Киль

"Гагарина" коснулся дна, но теперь яхта была надежно прикрыта от любых судов, сбившихся с ночного пути.

Закат совпал с ужином. Допивая чай, мы смотрели как багровый диск солнца, шипя, погружается в Дон.

Возле уха прозудел первый комар. Замершую поверхность воды разорвал тяжелый всплеск. И пошло: на берегу грянули кузнечики, подхватили лягушки, а всплески раздавались все громче, все смелей, все ближе к борту. Это была рыба. Я многозначительно посмотрел на Сергея и неумело взял в руки спиннинг. Я не люблю техники. Вонь бензина, паутина блок-схем вызывают у меня эстетическое недоумение. С другой стороны, я люблю рыбалку и двадцать семь лет не усматривал никакой связи между этим атавистическим спортом и умением читать чертежи. Зимой мне стукнуло двадцать восемь. Так называемые "друзья" подарили мне спиннинг - складное удилище и безынерционную катушку "Дельфин-8". К дельфину прилагалась инструкция. Я открыл первую страницу, увидел что-то вроде чертежа карданного вала - и сердечно пожал руки гостям. Саму катушку я осторожно положил на письменный стол. Всю весну она там и пролежала. Писал я теперь на кухне.

Перед отплытием на "Гагарине" я встретил еще одного "друга" - бывшего однокурсника по фамилии Лялин.

Лялин - рыбак, спиннингист, знаток блесен и завсегда речных излучин, черт бы его побрал. Он не мог пройти мимо того факта, что я буду проходить Дон, Волгу и Волго-Донской канал.

- Богатейшие места! Как собираешься ловить - удочкой? А наживка?

О таких деталях я не задумывался. На реке я рыбачил всего один раз. Меня разбудили в четыре утра, дали в руки удочку, надели червяка и сказали:

- Теперь плюнь, забрось и гляди на поплавок. Я забросил, смотрел до шести утра, потом плюнул, снял червяка, отпустил его на волю и лег спать.

- Наживка будет, - бормотал я. - Мормышку накопаем, хлеба намнем... еще мотыль какой-то бывает...

- У тебя спиннинг есть? - презрительно бросил Лялин.

- Есть.

- А блесны? - Короче говоря, добряк Лялин снабдил меня и блеснами, и пухлой книгой М.М.Матвеева "Спиннинг. Первые шаги".

Книгу я прочел с удовольствием. Во-первых, я с гордостью узнал, что мой "Дельфин-8" - чуть ли не самая лучшая катушка; сообщалось, что она "проста и надежна в обращении". Далее перечислялись преимущества ловли спиннингом эстетические (чистота, спортивность) и меркантильно-рыбачьи ("на спиннинг ловится преимущественно крупная рыба"). Автор был ловкий малый. Он так доходчиво пояснял, что прибрежный камыш - место засад щуки, так нежно говорил о гидродинамике вращающейся блесны, так тонко вникал в психологию окуня... Литературный талант сделал свое дело: ловля спиннингом показалась мне занятием, доступным человеку молодому, крепкому, с высшим образованием.

Вскоре после входа в Дон я сел и за каких-нибудь три часа намотал лесу на "безынерционную бобину". Что такое леса, я знал, что такое бобина, догадывался; но "завязать лесу на шпонке у основания бобины самозатягивающимся узлом" - это для физика-теоретика проблема. В конце концов я завязал бантик на какой-то загогулине, с уважением подумав - вот она, шпонка! Снасть была готова.

И настал великий миг. Погожим комариным вечером, в тихой заводи за корягой, я неумело взял в руки спиннинг. У меня было две универсальных блесны, одна утяжеленная, окуневая, одна облегченная, жереховая, и две каких-то эмалированных. Какую надеть? В темной воде плескала рыба. Может, это был жерех - а может, и щука. Я прицепил на конец лески универсальную блесну и сделал первый, неожиданно далекий заброс - метров на семь.

- Ого! - позавидовал Сергей. - Для первого раза неплохо.

Для меня это было просто здорово, но для рыбы маловато - она плескала метрах в десяти и ближе не подходила. Я забросил еще раз, потом еще, еще и еще...

Настала тихая звездная ночь. Данилыч задрапировал каюту и что-то ласково ворковал о невыключенном газе. Даня у бушприта прильнул к звездам. Рядом он установил керосиновый фонарь и разглядывал то карту, то саму натуру звездного неба. Он даже не вздрагивал, когда мимо лица проносилось жало щучьего тройника. По-видимому, первый заброс должен был остаться наилучшим. На него ушло все пресловутое везение начинающего рыбака.

Мне мешало решительно все: мачты, шкоты, гик грота. Трудно отдать предпочтение какой-нибудь одной детали оснастки. Все они внесли свой посильный вклад. Крючок блесны побывал в каждой веревке. Он пронзал и резину кранцев, и дерево фальшборта. Непрерывно почесываясь от комариных укусов, размахивая удилищем, я плясал по палубе, как шаман, пытающийся выгнать из Дани злого духа астрономии. Сергей подавал советы и просил "дать покидать". На плавучем кране раздался смех: там ребяташки вытащили еще одну рыбу.

С наступлением темноты прелесть ловли спиннингом возрастает. Блесны я теперь не видел. Для заброса этот факт особого значения не имел: блесна выбирала путь независимо от моего желания, она обладала свободой злой воли. Зато теперь, подматывая лесу, я засекал момент окончания подъема по тому звону, с которым блесна застревала в переднем кольце - "тюльпане" - удилища. Вынимать тройник из желудка пойманной щуки наверняка было бы легче.

А затон кипел. За бортом не прекращался таинственный, приглушенный, волшебный плеск крупной рыбы. Я человек мирный. Но если б в ту ночь мой взгляд, устремленный на воду, мог убивать - ни один пескарь не увидел бы больше солнца. Даня ушел спать. Сергей тоже укладывался - на моем матрасе, потому что его матрас я проколол. За последние полчаса у меня сорвались три блесны. Я бросал их с такой ненавистью, что они покидали леску и присоединялись к сонму метеоров, чертивших огневые знаки во тьме.

Наконец я утопил саму катушку. Она выскочила из зажимов и жабой плюхнулась за борт. Я взялся за леску, вытянул все сто метров, на конце которых висело дьявольское единство бобин и шпонок, смял все это комом и засунул под матрас. Все уже спали. Я

осторожно залез в каюту, взял с полки книгу апостола спиннингизма М.М.Матвеева... У борта "Гагарина" раздался еще один всплеск.

Когда мы покидали затон следующим утром, в прощальном прыжке над водой поднялась гладкая, черная, обширная спина. Это было последнее "прости" тихого омута. Все это было уже давно, читатель. Говорят, сейчас низовье Дона окончательно отравлено промышленными отходами. Я не был там со времени похода на "Гагарине", и, как всегда в таких случаях, мне трудно представить, что мой "тихий омут" стал по-настоящему тихим. Мертвым.

VI

Самодовольная трескотня мотора по утрам звучит мягче. Надо же и совесть иметь. Тишина вокруг, безветрие, легкий пар над водой. Еще толком не рассвело, спит приютивший нас затон, спит непойманная рыба. На плавучем кране тоже спят. Говорить в этот час хочется шепотом, что-нибудь нежное:

- Милая... Вон звездочка упала... Росы сколько...

Дивное время. Даже мотор стучит хоть и нагло - это в его природе, иначе не умеет, - но вполголоса все же. Чувствует. А может, еще не прогрелся... Вот теперь прогрелся. Чах-чах-чах-чах!! Ни черта он не чувствует. И милой рядом нет, а есть шкипер, мужчина в трусах и с волосатой грудью. Вставай! Держи румпель! Вари обед! Эй, на заправщике!!! На буксир, не возьмете?

Плавучий бензозаправщик был пришвартован к ржавой барже, стоявшей на якоре. Этот тандем был неподвижен; по поскольку рядом крутился буксир-толкач, оставалась надежда, что когда-нибудь он двинется.

В ответ на призыв Данилыча палубу заправщика украсила странная фигура. Монументальный живот облекала когда-то голубая майка. Ниже свисало то, что когда-то было штанами. Туловище было увенчано багровым лицом широкого профиля. Маленькие глазки уставились на нас с непонятым томлением. Данилыч приветственно взмахнул багром.

- Вы куда, ребята? - обратился он к лицу во множественном числе. - До Волгодонска не подбросите?

Лицо, чей профиль напоминал фас, радостно закивало. Мы подошли поближе. - Степаныч! - хрипло отрекомендовалось лицо, приняло швартовый конец и, держа его в руках, тревожно осведомилось:

- У вас выпить найдется?

Чувствовалось: если мы ответим "нет", Степаныч немедленно отдаст концы в воду. Мы ответили, что найдется, и он тотчас закрепил петлю на кнехте баржи. Удивительное лицо просветлело, вернее, сделалось из темно-бурячного светло-бордовым. - Вчера был День Флота... нет, позавчера. Вчера у меня горючка кончилась. Солярка и вообще, - туманно объяснял Степаныч. - Сижу с пустыми танками, а душа требует. Наливай.

Пообещав нам ту самую солярку, которая вчера кончилась, хранитель горючего удалился. стакан со спиртом, зажатый в его кулаке, казался рюмочкой.

- Впервые я могу безошибочно определить нашу скорость, - похвастал Сергей, когда мы простояли около часа.

- Да? И какая же она?

- Скорость ноль! - изрек он, но опять ошибся: как раз в этот момент буксир запыхтел, и мы двинулись.

- Сходите за горючим, - сказал капитан. Команда промолчала. Данилыч вяло махнул рукой:

- Ну ладно. Пусть хоть немного жара спадет.

Жарко было все эти дни, но сегодня что-то особенно. Сколько градусов - тридцать восемь? Сорок? Термометра у нас нет, да и само понятие температуры кажется неподходящим. Такой зной нужно измерять в единицах мощности. Лучи солнца расплющиваются на палубе. Их вдавливают в каждую пору дерева, в каждую пору кожи. Поверхность реки прогнулась. Мухи не летают, а ползают в тени. На буксире, на заправщике, на барже - ни души.

"Яшку" мы укрепили на корме яхты. Бортами он опирается на леера, под ним небольшой клочок тени. Помещается тут полтора человека, остальные два с половиной изжариваются. При желании можно сменить сковородку палубы на духовой шкаф каюты и там испечься.

Лежа под лодкой, шкипер второй час читает книгу Манкина "Белый треугольник" - в те минуты, когда просыпается.

- Ну как, Данилыч? Хорошо пишет? Храп капитана прерывается: - Отлично! И яхтсмен он отличный. Такой дневник и вам бы написать, вот оно. Учитесь! Впрочем, и о нашем дневнике капитан самого высокого мнения. То он, то Даня просят что-нибудь прочесть. Мы повинемся охотно, с наигранной скромностью.

- Нравится?

- Зашибись! - говорит Даня и опять берется за астрономию. Я так и не научился распознавать, что кроется за этим "зашибись" - одобрение или конкретный совет молодому автору.

Данилыч ничего не говорит. Под лодкой снова слышен храп.

Мы пьем много воды. Горло жадно всасывает теплую, липкую от долгого хранения влагу. Вода испаряется, не доходя до желудка, во всяком случае, исчезает бесследно. Мы даже не потеем. Через минуту опять хочется пить. Облитая забортной водой, палуба шипит. Лужи на ней исчезают, как плевок на утюге. Жара укорачивает время. Жара удлиняет и запутывает мысли. Собственно, даже не мысли эти длинные, бесцельные раздумья, извилистые, как река, и тягучие, как повороты русла. Мы как-то забыли о том, куда и зачем идем. Все проглотил Дон. Остался один Дон. Запомню ли я Дон? Запомню, надолго запомню: но если увижу эти места без солнца, в безветренную погоду - не узнаю, пожалуй. И я долго раздумываю над тем, как хорошо бы прожить вот здесь, на углу зеленой протоки, весь год, познать все ипостаси реки, увидеть ее во льду, увидеть ледостав и ледоход, дождливую, зыбкую осень. Я мечтаю о будущем холоде протоки с удовольствием, долго - пока она не

скрывается за поворотом. Нет, дорога лучше. Только в дороге дано увидеть сотни протоков и тосковать по каждой.

- Ну что, сходите за соляжкой? - снова спросил Данилыч. - Уже не так жарко. Мы этого не заметили, но идти надо.

Степаныч на своем заправщике мирно спал. Сергей закашлялся, Даня погромел канистрами...

- А, это вы? Погодите, сейчас...

Роли изменились. Степаныч был уже не просителем, а хозяином. Он выглядел лучше и теперь напоминал заурядного гипертоника с рожистым воспалением. - Вишь, как я люк открываю? Чтоб искры не выбить, осторожно надо. Закурить не найдется?

Остатки соляжки скопились на самом дне глубокого танка. Ведро, опущенное на веревке, сразу же за что-то зацепилось. Я полез его освободить. Внутрь вел узкий, крутой трап. Внизу было темно и душно. Казалось, чихнешь - насыщенный горючими парами воздух взорвется.

- Спички дать? - закричал, заглядывая в люк, Даня.

- Давай, а то ни черта не видно!

Этого диалога Степаныч не вынес и разыскал помпу - чего мы, собственно, и добивались. Через полчаса все баки "Гагарина" были полны соляжки, а вскоре с ответным визитом на яхту прибыл Степаныч. В кулаке он зажимал стакан.

- Налъете? - Вопрос звучал утвердительно. По палубе буксира прошли две девушки.

- Привет, Валечка! - закричал Даня. - Заходи в гости!

- Не, спасибо. Мы загорать идем.

- Сторишь! Или сглазят.

- Ничего! - Хихикая и оглядываясь, девицы удалились. Из открытого трюма баржи поднимался конус песка - чем не пляж? Мастер по парусам загадочно хмыкал. Когда же он успел познакомиться? С яхты Даня не сходил, девицы раньше не появлялись... Старею. Когда-то такие вещи не казались загадками.

- У нас нет карты Цимлянского моря, - заявил Данилыч.

- Можно на буксире переснять. А надо ли? Какое-то водохранилище, Цимла...

- Надо! Цимла Цимлой, а море морем. Вот оно.

Мы с Сергеем взобрались на мостик буксира. Капитан толкача был сама любезность. Карту? Пожалуйста. Калька, карандаши - все найдется. Речные моряки - тоже моряки.

"Тоже..." Мы, яхтсмены без году неделя, чувствовали себя мальчишками перед седым капитаном. А для него, выдавшего добрых три десятка навигаций, важно было одно - "ребята с моря". Он как бы оправдывался, рассказывая о трудностях апрельских рейсов по Дону, когда еще не весь лед сошел, о затажных восточных ветрах, о короткой, "непроходимой" зыби Цимлы. "Не море, конечно, но..."

Меня интересовал один казус. Песок на Дону есть повсюду - каждые десять километров встречается земснаряд, занятый добычей этого ценного стройматериала. Большинство барж, идущих против течения, везли именно песок. Но и по течению везли его же! Мне казалось, что это еще одна загадка Дона.

Но для капитана сей парадокс не существовал. Из его объяснений я понял только одно слово - "Тонно-километры".

Сергей кончил переснимать карту. Мы немного постояли на открытом крыле капитанского мостика. Речные толкачи снабжены высоченной надстройкой. Шум мотора был здесь почти не слышен.

Прямо под нами рассекало воду длинное, сверху неожиданно изящное тело баржи. "Гагарин" сыновне приютился под ее боком. Желто-голубая река была видна на три поворота вперед. Сергей сделал несколько снимков. Потом, зимой, мы посмотрим на них и вспомним Дон - подстегнем память. Для всех прочих это будут просто картинки: река и лодка под боком ржавой баржи.

Пока что я не нуждаюсь в напоминаниях. Донской путь "Гагарина" скоро окончится, но все еще сохраняет надо мной странную власть. Власть дороги. Поперек Дона протянулась степь. Когда-то по ней шло переселение народов - всегда с востока, волна за волной. Обратное движение удавалось редко и ненадолго. Все мы, так называемые европейцы, - потомки тех, кто прошел по этим местам. Власть прошлого. Она давит, как всякая власть. Но она заставляет оборачиваться.

Закат. Еще один донской закат. В море таких не бывает. Дело тут, наверно, в исключительной сухости перегретого воздуха, в мельчайшей песочной пыли, которую несет восточный ветер. Сначала все окрашивается багровым. В реке течет густая венозная кровь. Потом резкий, неожиданный перелом. Червонный монохроматизм рождает фиолетовый тон - внезапно, без подготовки, без игры промежуточных красок. Каждый охотник желает знать... - здесь это правило неприменимо, середины спектра нет, сразу: каждый - фазаны. В небе, на воде, даже на листьях - всюду слияние и разделение, яростная борьба двух мрачных, первобытных тонов. Ничуть не красиво, скорее страшно. Жесткий фиолет побеждает, но и сам уничтожается, съедает и себя. На востоке открываются острые белые зрачки звезд. Почти светло, но красок больше нет. Это уже ночь, избавление.

Шлюзы перед Волгодонском проходили в темноте. Огонь прожектора плясал на взрыхленной воде, сверху неслись мегафонные выкрики, суэта не давала опомниться. "Гагарин" проскочил две камеры, соединенные каналом, и снова вышел в спокойную черноту. Благодетель-буксир ушел, мы остались одни. Справа виднелись огни порта. Яхту опять покачивало - впервые за последние пять дней.

Глава 2 У третьего моря

Начиная с Цимлянского водохранилища путешествие "Гагарина" вступило в новую фазу. Даня должен был уезжать для прохождения студенческой производственной практики. До конца наших с Сергеем отпусков оставалось несколько дней. Становилось очевидным, что в Астрахань мы можем и не успеть.

Поняли мы это не сразу.

Письмо от 30 июля

г. Волгоград, ул. Мира, 26, кв. 4,

Фролову Ю. М.

Глубокоуважаемый Юрий Михайлович! Пишу Вам по поручению Анатолия Даниловича Кириченко, капитана одесской яхты "Юрий Гагарин". Если помните, Вы познакомились с ним года четыре назад, в Крыму, когда на яхте "Аверс" прошли по маршруту Волга - Черное море.

В этом году мы собрались с ответным визитом. Сейчас "Юрий Гагарин" уже в Волгодонске. Через пару дней будем у Вас. Вы не могли бы достать нам карту Нижней Волги? После Волгограда мы хотим спуститься до Астрахани. Может, Вы к нам присоединитесь? Будем очень рады.

У нас есть большая просьба, Анатолий Данилович планирует на зиму оставить яхту в Астраханском яхт-клубе - чтобы в следующем сезоне продолжить наш поход по Каспийскому морю. Вы, как работник Волжского пароходства, не могли бы составить нам протекцию - помочь договориться о консервации "Гагарина" на зиму в Астрахани? Заранее благодарны.

Привет "Аверсу" от "Гагарина". До скорого свидания. С уважением, Св. Пелишенко (боцман) и вся команда "Гагарина".

В день отправки этого письма восточный ветер поднатужился и развел в Цимлянском море отвратительную волну. "Гагарину" она была не опасна, мы презирали эту злую рябь на мелкой воде, - но ни мотор, ни паруса против нее не выгребали. Яхта стояла на месте.

Так прошло двое суток.

Второе письмо, отправленное нами в Волгоград, было короче и суше.

Юрий Михайлович!

Извините, что опять беспокою. У нас к Вам новая просьба. Похоже, мы надолго застряли у входа в Цимлу. Через "пару дней" быть на Волге не получается. В связи с этим договоритесь, пожалуйста, о консервации "Гагарина" на зиму где-нибудь поближе - в самом Волгограде или Волжске. Впрочем, Астрахань пока тоже не снимается. Посмотрим.

Кажется, я написал не очень-то вежливо, но Вы поймете: у нас на борту обстановка сейчас такая. И еще: узнайте, не пришел ли в последние дни на Волгу одесский катамаран "Мечта"?

До свидания. Слава П.

Миновали еще одни сутки. Даня уехал. Обстановка на борту и вправду была невеселой.

Волгодонск - молодой город у подножия Цимлянской ГЭС - является центром песочных перевозок в обе стороны. Ландшафт порта скрывают барханы. Виднеются

полузанесенные памятники архитектуры. Возле немногих строений, еще не засыпанных песком, кочевники-бедуины в касках снаряжают в последний путь свои электрокары. В раскаленном мареве висят миражи подъемных кранов. В песке выводятся тучи мелких злых мух.

Пролетая над городом рейсом Волгодонск - Волгоград - Одесса, беглый мастер по парусам должен был разглядеть в песчаном порту и самодельную яхту с двумя мачтами, пришвартованную у пирса. На крыше каюты лежало три неподвижных, закутанных в простыни тела. Тела заносил хрустящий песок. Время от времени одно из тел подходило к борту, вяло плюхалось в воду и всплывало животом кверху. И тогда на живот садились мухи.

А вопрос о "Мечте" во втором письме Юрию Михайловичу Фролову появился из соображений мистических. В один из дней цимлянского плена - уже не помню, когда и каким образом, - на заметаемом песком пирсе возникла цыганка. Фигура отнюдь не романтическая, грязноватая, в цветастом тряпье, она словно сгустилась из желтого марева над нашими головами.

Существует много способов отваживать цыган - от гордого молчания до фразы "нанэ лавэ, джа-джа", означающей - "денег нет, уйди". В данном случае ни один из них не годился: цыганка ничего не требовала. И, несмотря на наши просьбы, не замолкала. Это был какой-то поток бессвязной речи, похожей на причитание.

- И еще ждет тебя дорога, - вешала цыганка на фоне багровых гардин заката, - ты спэшить будэшь, маладой. А мэчта твоя - здэсь была...

При упоминании о "Мечте" Данилыч поднял голову.

- Слушай, чавелла, - сказал он, - может, тебе ручку позолотить? И ты уйдешь, вот оно... Скажи, ветер скоро утихнет?

- Я тебэ не прогноз погоды! - неожиданно обиделась цыганка... и ушла. Краюха солнца спряталась за барханом.

- Идем на Цимлу поглядим, - слабым голосом предложил Данилыч. - Может, оно стихает?

Мы пересекли порт и вышли на край мола. "Оно" не стихало.

Шторм на море величав. Здесь же короткие грязно-желтые волны неслись, догоняли и давили друг друга в непристойной, жадной спешке. - Понаделали морей на нашу голову... - пробормотал Данилыч. Я рассказал шкиперу эпизод из книги "Черное море" Паустовского: однажды у Карадага, читая вслух Гомера, автор вдруг постигает: ритм гекzamетра - это ритм прибоя.

- Сюда бы твоего Паустовского! Если бы Гомер, вот оно, жил на берегу Цимлы, он бы не гекзаметр придумал, а чечетку!..

Ветер затих на третий день, к вечеру.

Помнится, я долго не мог заснуть и все прикидывал: шесть суток оплачиваемого профсоюзного отпуска в активе; в пассиве - все Цимлянское море, тринадцать шлюзов Волго-Донского канала, до Астрахани еще и пятьсот километров Волги... Успеет или не успеет? Путешествие вступило в новую фазу: гонку со временем.

Глава 3. Начало гонки. Данилыч.

Утро было особое, совершенно не-данилычевское: нас никто не будил. Мотор затарахтел; я открыл глаза, увидел над собой еще совсем бледное, серо-сиреневое небо, перечеркнутое легкими крестами мачт, с наслаждением вдохнул рассветный холодок и снова заснул. Солнце нагрело крышу каюты, и "Гагарин" уже четыре часа шел Цимлянским морем, когда мы с Сергеем наконец поднялись.

- Что ж вы нас не разбудили, Данилыч?

- Матроса надо беречь от изнурения, - изрек капитан. - Поешьте, я гречку сварил. Итак, начало гонки со временем мы проспали. Но, впрочем, ведь не было ни хлопка стартового пистолета, ни взревших трибун... Обстановка совершенно не гоночная: шторм исчез без следа, день тихий, осенне мягкий. Берега далеко, Цимла подвела ими горизонт, как модница брови. "Гагарин" словно вмерз в белую гладь воды. Непонятно, как за одну ночь возникла эта совершенная тишина. Волгодонск со своими мухами, песком и ветром нам просто приснился.

И только некий внутренний зуд - успеем или не успеем? - напоминал о спешке. Время - самый не удобный из соперников. Ему не хватает наглядности. Может быть, поэтому бинокль все утро переходил от Сергея ко мне и обратно?

- Дай сюда... кого ты высматриваешь?

- А ты? - оба тщательно скрывали, что надеются увидеть рыжий стаксель.

Это было глупо: даже если "информация", полученная от цыганки, соответствует действительности, "Мечта" давно прошла водохранилище. И все же вера во враждебный катамаран никогда еще не была такой твердой. Мучительно хотелось заменить вопрос "успеем или не успеем?" на более конкретный - "догоним или не догоним?".

А вообще-то день проходил размеренно, словно никакой гонки не было. Проложили курс: по Цимлянскому водохранилищу предстояло пройти полтора-два километра. Мотор стучал, как обезумевший будильник - ассоциации со швейной машинкой ни у кого больше не возникали, - но длинные буи цимлянского фарватера уходили назад медленно. Вот показался еще один; подплывает этакой неспешной павой, будто его отпуск не кончается через шесть дней... Впрочем, скорость обычная: пять узлов. После Волгодонска, после отъезда Дани на борту изменилось только одно. Изменился сам капитан.

Данилыч стал разговорчив. Положим, он и раньше любил поговорить - когда его спрашивали, или за столом, или во время утреннего монолога. Разговорчивость к месту, при случае - вполне совместима с некоторой дистанцией между командиром корабля и командой; в ней всегда присутствовал элемент нотации. Но в этот первый день гонки капитан попросту болтал. Для очередного рассказа не нужно было никакого внешнего толчка; он вдруг начинал улыбаться каким-то своим мыслям и неожиданно говорил:

- Как боги плывем. Триера движется, вот оно! А что, Слава, ведь сюда греки эти древние заходили?

- Греки? Думаю, нет. Для них Танаис - они так Дон звали - был краем мира.
- Да? А я думаю, что заходили. Умнейшие были люди. Плыли за сотни... за сотни тысяч километров! И карт не было, так ведь? Вот это моряки!

И он мог долго говорить о своем уважении к древним грекам, финикийцам, критянам. Знарок античности от этих рассказов утопился бы; а мне было интересно. Данилыч запросто путал века и народы, но помнил наперечет все типы судов древности. Несколько лет назад он побывал в турпоездке за границей, видел и хорошо запомнил Стамбул, Афины, Помпею; кроме того, он умел взглянуть на вещи с какой-то неожиданной точки зрения.

- Вот ты возьми Афины... церковь белая на горе... или хоть Ольвию возьми, она тоже древних греков. Во всем Бугском лимане - красивейшее место! Простор, вот оно! Люди себе что-то думали: и судам есть куда подойти, и широко, простор. Теперь другой уанс: построили Ильичевск. Григорьевский порт построили. Запрятано все: ни города с моря не видно, ни моря с города. А почему?

- Ну, соображения экономической выгоды...

- Греки такой народ, что тоже своей выгоды не упустят. О красоте люди думали. А теперь забыли!

Помолчав, Данилыч мог заговорить о международной политике, обнаруживая превосходный здравый смысл, или перескакивал вдруг на какую-нибудь рыбацкую историю. Истории были ветхозаветные - об ушедшем обилии "белой рыбы", о черноморской акуле - катране, сломавшей кормовую банку, - и часто жестокие:

- Запросто утонуть могли. Кто ж в лодке бьется! Дед старый, я малый, а те двое как сдурели...

- А из-за чего началось?

- Белая шла, скумбрия. Коля - толстый, губастый, говорил басом - он вообще снасти отличные вязал. Самодур поднимет - полный, - вот оно! - а тот, чернявый, злится, взял и пихнул под локоть. Картина! Крючок у Коли в губе застрял, ниже висит скумбрия, одна качалка здоровая прямо в рот лезет, а он руками водит и не знает, за что хвататься: или кровь унимать, или скумбрию снимать...

- Сразу много возможностей, - в скобках заметил Сергей.

- Да... А деда кричит - я ж старый человек!.. Вы ж меня утопите!..

- Погодите, Данилыч! - знакомое слово "Деда" заставило меня вздрогнуть. - Ваш дед лоцманом был, а не рыбаком. Нам тетя Патя говорила...

- То родной дед. А Дедой я старика одного звал. В основном он меня морю учил, вот оно...

Бывают же совпадения!.. Вначале я удивился, но потом, подумав, решил: все правильно. Наверное, у каждого мальчика был свой Деда, учивший реке, или степи, или горам. По специальности "море" Данилыч давно сам перешел в разряд учителей. Мальчики растут, мужают, потом старятся - и рано или поздно становятся Дедами для новых мальчиков.

По-видимому, Цимлянское море напоминало капитану Днепро-Бугский лиман, его родные места. К середине дня берега стали выше и немного сошлись. От Волгодонска до этого узкого места, цимлянской талии, "Гагарин" прошел километров семьдесят - успеем или не успеем? Шкипер продолжал добродушно болтать. За этот день я многое узнал о его юности.

Собственно, мы вправе гордиться. Между людьми разных возрастов дружба не такая уж редкость; реже возникает дружба наравне. Возможность высказать все, что думаешь, не заботясь о том, какое это произведет впечатление, - ее первый признак. Мы занимались всего лишь болтовней, но что с того? Так называемые "сокровенные мысли" вовсе не о судьбах мира; в семье о проблемах буддистской философии не говорят. И когда Данилыч вспоминал, что его отец стограммовый граненый стаканчик называл "севастопольским шалабаном", я гордился доверием шкипера не меньше, чем если бы он излагал свое жизненное кредо.

Он стал насмешливой, резче. Часам к пяти вопрос о том, кто будет готовить обед, назрел и повис в воздухе. Сергей задумался:

- М-минуточку! Такое чувство, что очередь Баклаши...

- "Шестое чувство моряка", - довольно ехидно заметил Данилыч. Помолчали.

- Какое это? - недоверчиво спросил судовой врач.

- Ну, у всех людей зрение, слух... всего пять. А у моряка, говорят, есть еще шестое: чувство, что могут заставить работать.

- М-минуточку! А кто позавчера картошку чистил - Баклаша?

- Не нужно делать из меня дурака, - загорячился и я.

- М-минуточку? Ч-шшш?..

- Если ты хочешь делать из кого-то дурака...

- Вы неплохие ребята, - с неожиданной серьезностью перебил шкипер, и я понял, что должно последовать нечто неприятное, - веселые, образованные... вот оно. Но должен сказать: до хрена еще не хватает.

Раньше он так не сказал бы, так прямо и коротко. Неделю назад была бы прочитана лекция, где в третьем лице, обвиняками осуждается лень "тех, кто не хочет идти на яхте". Я вспомнил все изменения, которые произошли с капитаном в этот день. Он стал мягче - и резче; говорить стал больше - и короче; стал насмешливой, доверчивой, проще, ехидней... Противоречий не было: просто после отъезда Дани мы стали ближе. Со всеми вытекающими последствиями.

И вот что любопытно: когда из Таганрога уехал Саня, в отношениях экипажа мало что изменилось. Но стоило расстаться еще и с мастером по парусам, и сложившаяся иерархия коллектива рассыпалась. Даня - капитанский сын; однако капитан его не выделял. Скорее Даня был младшим, беспутным, любимым сыном команды. Это очень важная должность, ибо какая дисциплина может быть в коллективе без тех нерадивых, кого необходимо с любовью воспитывать?

Теперь, кажется, на Данино место претендовал Сергей. Поторговавшись еще полчаса, он нехотя полез в камбуз.

- Сварю плов из мидий! - донеслось изнутри.

Я ухмыльнулся. Консервированный плов нужно было не "варить", а только разогреть, но я прекрасно знал, что осталось всего две двухсотграммовые банки. Сергей открыл их, вывалил содержимое на сковороду и долго, грустно рассматривал кучку риса.

Он соразмерял величину кучки и своего аппетита.

- Вари борщ, - злорадно посоветовал я.

- Не люблю борща, - мрачно бросил врач-навигатор и, прижатый к стене, начал проявлять чудеса изобретательности.

- Я вылью туда яйца, - сказал он, веселея на глазах.

- Это хорошо, - поддакнул я: мне стало интересно.

Сергей вылил на сковороду четыре яйца и размешал; плов склеился и приобрел грязно-желтый цвет, но больше его не стало. Врач-навигатор не смутился: он мелкими кусками нарезал сыр.

- Это будет ирландское рагу, - сообщил он уже совсем радостно. За сыром последовали помидоры, лук и тушенка.

- Какую кладешь? Свиную? - забеспокоился шкипер.

- Говяжью, - соврал Сергей. Дело в том, что капитан, словно мусульманин, свинину не ел - вернее, ел с удовольствием, но только когда мы выдавали ее за говядину. Ирландское рагу набирало силу. С каждым новым ингредиентом мрачность повара как бы переходила на сковороду: его лицо теперь сияло чистой, вдохновенной радостью, а блюдо приобрело неповторимый вид закваски для изготовления дешевого самогона. Заинтересовавшись, подошел шкипер, посмотрел, помолчал...

- Добавь помидоров. Хуже не будет, вот оно...

Сергей охотно добавил: он искренне увлекся. Из камбуза доносилось счастливое бормотание и скрежет открываемых банок. Наконец рагу предстало перед нами во всей красе. Жидкое месиво с неожиданными разноцветными вкраплениями напоминало горячий, плохо размешанный клейстер.

- Вкусно? - спрашивал Сергей. - Лично я давно не ел с таким удовольствием!

Мы с Данилычем только хмыкнули. Как ни странно, клейстер и вправду был вкусен, а по калорийности далеко превосходил рацион небогатого космонавта. Но не говорить же об этом повару!

- Ничего... пока, - осторожно заметил шкипер.

- Сначала ничего, - подхватил я. - Это как яд Екатерины Медичи: полгода все хорошо, а потом начинаешь чахнуть.

Сковородку исправно очистили. Сергей еще долго не мог успокоиться. У него началось головокружение от успехов.

- Полтора часа прошло. Тебе не плохо, Баклаша?

- Мутит. Не из-за рагу: просто ты мне надоел.

- Я как врач спрашиваю... Нет, знаешь, как мы назовем сегодняшний день? "Ирландское рагу"!

- "Ирландское - врагу". Ты джеромовский тип...- Так мы болтали, покуривая на баке, а назад медленно уходили буи третьего моря. Невысокий берег изредка прерывался входом в "убежище" - так на Цимле называют заливы. Все вокруг было спокойно; и только где-то под ложечкой, как зуд, дрожало сдавленное ощущение гонки. Одышливо - успеем или не успеем? - отсчитывал секунды мотор. И где-то впереди неся, лишая приоритета, невидимый катамаран "Мечта", летучий голландец Попандопуло. Догоним или не догоним?

- Я имею в виду, можем стать отдохнуть, - неожиданно сказал Данилыч. Казалось, Цимлянское море вот-вот кончится: на северо-востоке, замкнув горизонт, вырос берег. До темноты оставалось часа два, неделю назад мы бы еще шли и шли. - Рыбку половим... - развивал свою мысль капитан. При этих словах тайное нетерпение экипажа прорвалось наружу:

- Какая рыбка?! У вас-то еще месяц впереди... - но тут мы с Сергеем заметили, что капитан улыбается. Это была проверка.

Цимлянское море и не думало кончаться. Это был тоже обман, тоже проверка. Сузившись, Цимла ныряла под железнодорожный мост; но дальше согласно карте она снова расширялась. Мост был огромен. Он не приближался, а вырастал, как элемент горного пейзажа. Прошло добрых два часа, пока яхта подошла к мощным быкам. Солнце село, и теперь, хочешь не хочешь, нужно было устраиваться на ночлег. Мы отдали якорь в небольшом заливе. Странное здесь было место, уютное и одновременно мрачное. На берегу хаты, причал, рыбацкие сети; живописный мирок под названием Ложки. Мрачным было водохранилище. Далеко по воде тянулось кладбище коряг. Мертвые черные сучья торчали над поверхностью, насколько хватал глаз. Когда-то здесь был затоплен лес.

Данилыч после ужина обычно ложился, но в этот вечер он долго сидел с нами на палубе. Разговор зашел о войне: мы приближались к местам, где в ноябре 1942 года соединились, завершив окружение немецких армий, войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов. Сергей и я делились "воспоминаниями" из книг и фильмов.

- А я про войну не читаю, - признался шкипер, - не могу.

- Ну да, вы воевали... конечно, тяжело.

- Не тяжело... тяжело тоже, но раньше я читал. Потом бросил. Как оно было, все равно никто не напишет.

Потом он сам рассказал несколько фронтовых историй. Данилыч прав: не думаю, что воспоминания солдат можно записать. Это не те официальные мемуары, выстроенные в логический ряд, что годятся для учебников, и не те, что нужны искусству - с выделением, рафинацией характеров и ощущений. Их рассказывают не так уж часто, при случае - в компании, за столом, всякий раз немного по-другому; они бессистемны, в них зияют прорывы, свойственные живой памяти; почти всегда они касаются небольших веселых происшествий; кровь и труд войны в них только угадываются - позади слов. Вот и в том, что рассказывал Данилыч, как будто не было ни особого драматизма, ни героики.

Спать легли после двенадцати. А до конца путешествия осталось пять дней.

Глава 4. Второй день гонки. Простокваша.

Поднялись рано. Под аркой моста вставало солнце, мост напоминал бетонную радугу. По радуге шел поезд. Утро было такое свежее, что даже затопленный лес выглядел жизнеутверждающе. В такое утро хочется поскорей поднять якорь, живо пройти остаток Цимлы, бодро проскочить Волго-Донской канал и легко победить. И я совершенно не понимал Сергея.

- Молочка хочу! - занял врач-навигатор, как только мы проснулись. В свое время точно так же канючил Даня - то "фрукточку", то "молочка", чего-нибудь "вкусненького". Похоже, вчера я не ошибся: отъезд мастера по парусам освободил в команде особую психологическую нишу. Подобно нише экологической, пустовать она не могла. В нее влез Сергей.

- Имей совесть! Времени нет! - Меня бесила хитрая улыбка на устах судового врача.

Он вел себя так, будто гонка со временем по каким-то непонятным причинам уже выиграна. Довольно странное легкомыслие!

- Час потеряем, а отпуска вон еще... шесть дней. Ты мне еще спасибо скажешь! И при чем тут совесть?

- Сходите, - решил шкипер. - Я пока мотор прогрею. Мне домашнее молоко врачи запретили.

- А недомашнее?

- В нем жира нет. Его можно.

Проклиная желудочную целеустремленность Сергея, я поплелся за ним в Ложки. Инстинктивный зуд - успеем или не успеем? - на стоянке усиливается, притупить его может только дорога. Мы стучали в калитки. Во дворах лениво гавкали толстые собаки. Как назло, повсюду нам отвечали, что молоко утреннего удоя уже продано. - Куда они его продают? Друг другу? - ворчал судовой врач. Это было непонятно. Ложки - небольшая деревня, коровы почти у всех, но где же рынок молочного сбыта? Правда, в стороне от деревни, на горке, мы заметили нечто вроде усадьбы, но большой серый дом казался необитаемым...

В одном из дворов нам наконец повезло.

- Молоко продала. Простоквашу подать? - Хозяйка поплыла в направлении погреба. Мы зашли. Широкий накат погреба прикрывала тень старой яблони. И деревянный дом, и стол, за который нас усадили, - все было широким, основательным на этом дворе, под стать хозяйке, уже немолодой, но красивой, прямой, дородной. К ней как-то не подходило слово "женщина" и тем более "баба"; только "хозяйка". - Пейте, милыя. Она с холодку.

Сергей дружелюбно пихнул меня локтем. "Где твое спасибо?" - означал пинок. Я промолчал. Простокваша была густая, прохладная. В ее вкусе смешались и увесистая

сладость, и пикантная погребная кислинка. Было и нечто неопределимое - именно то, что отличает произведение искусства от ремесленной копии. Несмотря на зуд гонки, я был вынужден признать: мы задержались не зря.

И даже не из-за дивной простокваши. Мы торопливо насыщались, а хозяйка решила, по-видимому, посвятить нас во все тонкости ее взаимоотношений с зятем. Это стоило послушать. На протяжении всего Нижнего Дона я не замечал в разговорной речи местных жителей особого колорита - и вот наконец слышу, что "лучше б дочь вдовая перемоглась"; что зять "балабон"; что он совсем стыд потерял, ходит по деревне "в одних трусах"... Речь хозяйки была настоящей кунсткамерой для лингвиста.

Вообще-то с развитием радиофикации, телефикации и других "аций" местные говоры отмирают. Иное дело профессиональные жаргоны; сейчас их время. Без особого труда, не зная ни слова по-французски, физик может читать статьи в "Журналь де физик". И дело тут не в высоком полете научной мысли. Когда два водопроводчика у нас в квартире продували паровое отопление, даже та половина речи, которую я понял, тоже носила характер профессиональный и международный.

Если так пойдет дальше, нетрудно вообразить смерть национальных языков; зато мы дождемся изданий романов о любви на языке скорняков и перевода "Одиссеи" на токарно-фрезеровочный. Но вне профессиональных жаргонов да еще, пожалуй, молодежного сленга язык скорее стандартизуется, теряет боковые ветви. Только на страницах беллетристики еще "окают" волжане, новорожденный сибиряк произносит слово "однако" раньше, чем "мама", а представитель глубинки говорит на удивительной смеси церковнославянского с портяночным. В реальной жизни местный колорит куда скромней, и казацкое "язви тя..." услышать вне театра так же тяжело, как увидеть женщину в кокошнике вне ярмарки "Русская зима", организованной для интуристов. Простоквашная хозяйка была исключением, редким исключением.

- Можно еще по кружечке? - отдуваясь, спросил Сергей. - Жарко!

- Жара, чай, могучая: хляба горят, - утвердительно пропела хозяйка и снова поплыла в погреб.

- Красиво говорит, а? - шепнул судовой врач. - "Жара, чай, могучая"... кайф!

- Идем уже. Пора.

- Успеем... спасибо, хозяйюшка! Очень вкусно! - Сергей, кажется, и не собирался уходить. Чтобы вернуть его мысли к гонке, а также для очистки собственной совести, я спросил у хозяйки, часто ли бывают в Ложках яхтсмены.

- О катамаране "Мечта" вы ничего не слыхали?

- У нас много кое-кто ходят. Каковы с виду-то?

Хорошенький вопрос... Чувствуя себя довольно глупо, я попытался набросать портрет худого капитана с крабом. Хозяйка понимающе кивала и под конец, когда я совсем запутался, вдруг деловито спросила:

- Параноик?

Сергей радостно фыркнул в простоквашу. Не скрою: в первый момент я тоже принял неожиданный диагноз на свой счет. Но из дальнейшей беседы выяснилось нечто иное. Серый дом, замеченный нами на горе, оказался психиатрической больницей; среди

"бязумцев", как называла их хозяйка, встречались и "капитаны". Вот кому сбывали жители деревни молоко утреннего удоя! На вопрос, не случаются ли побегии, хозяйка отвечала утвердительно:

- Как не бяжать - бягут! Они, бязумцы-то, молочное вроде вас - лю-убят! Попьют и назад бягут.

Меня разобрал нервный смех при мысли, что сюда вот-вот нагрянут "бязумцы" и обнаружат, что мы уничтожили их простоквашу. Сергей огромными глотками, без всяких напоминаний о спешке, приканчивал свою порцию. И вдруг калитка распахнулась. Во двор ввалился бородатый мужчина. На нем ничего не было, кроме сапог и длинных "семейных" трусов.

- Куда вы?! Это зять, балабон... - Но мы, распугивая кур и давясь от смеха, уже неслись по деревенской улице. Опомнились возле причала, и я торжественно пожал Сергею руку:

- Вот теперь скажу: спасибо. Ради этого стоило задержаться... Безумная простокваша определила все настроение второго дня гонки. Мы называли друг друга не иначе, как "балабонами" и "параноиками"; горло то и дело начинал покалывать, как нарзан, неудержимый смех. Хорошее настроение передалось и Данилычу, хотя из нашего рассказа о случившемся он сделал несколько неожиданный вывод:

- Значит, она говорит, "Мечта" в Ложки не заходила?

Мы переглянулись - и согласились. Беседа с хозяйкой показала, насколько вера в существование "катамарана Попандопуло" похожа на манию преследования. Нам казалось, что теперь мы навсегда излечились от этого недуга. Оставался один враг, один соперник - время. Но в чем дело? Дней-то еще пять! На борту "Гагарина" воцарилось предвкушение победы.

К тому же и природа наконец сжалилась над яхтой. Легкий ветерок, впервые за последнюю неделю, потянул с запада. Впервые после Азовского моря в помощь мотору были поставлены паруса. Мы наслаждались чуть заметным увеличением скорости, полузабытым шелестом стакселя и хвастливым ощущением лидеров гонки. Незаметно проходил день, берега водохранилища сближались. Около двух часов яхта остановилась у полосатого поворотного буя, на развилке речных дорог.

Сзади лежала пройденная Цимла. Бледная вода нежилась и парила под солнцем. - "Жара, чай, могучая!" - процитировал Сергей, и мы, даже не попытав найти более веский повод для веселья, дружно засмеялись. Стараясь быть похожим на одного из богатырей, я козырьком приложил руку к глазам: - Налево пойдешь - в Калач попадешь... - Город с этим сдобным названием виднелся на севере, там, где в Цимлу впадает Дон.

Данилыч решил поддержать игру:

- А направо пойдешь, вот оно... - сказал он голосом Ильи Муромца, работающего экскурсоводом.

Мы посмотрели направо. Два возвышенных - иначе и не скажешь - столба отмечали вход в канал. Шкипер так и не придумал сказочного варианта для правой дороги: и окончил прозаически:

- Фролов ждет. Пошли.

Казалось, Фролов поджидает где-то рядом, за ближайшим поворотом. Снова заработал мотор, и "Юрий Гагарин" вошел в Волго-Донской канал. До конца путешествия оставалось еще целых четыре дня! С половиной.

Глава 5. По длинным ступеням.

В детстве меня водили гулять на бывшую Соборную площадь. Здесь, посреди цветочной клумбы, был сооружен странный лабиринт бетонных ям, канав и желобков. По воскресеньям их заполняли водой, сизолицый массовик что-то объяснял туристам, и весь понедельник воды еще хватало на то, чтобы пускать по канавам бумажные кораблики. Лабиринт назывался сложно - "Модель Единой Водно-Транспортной Системы европейской части СССР, соединяющей Белое, Балтийское, Каспийское, Азовское и Черное моря".

В центре модели сидел на лавочке сам Иосиф Виссарионович, покрытый серебрином, как небогатая кладбищенская ограда.

Через несколько лет бетон по краям желоба растрескался, воду наливать перестали. Массовик ушел в Деда Морозы. Однажды весной остатки сооружения снесли и клумбу целиком засадили цветами. В Сибири строились новые ГЭС, новые массовики с тем же казенным энтузиазмом, говорили о Братске, о Красноярске, а Единую Водную как-то забыли. Вернее, перестали вспоминать; это было верным признаком того, что там все в порядке. Каналы готовы, работают, нормально пропускают суда - о чем же говорить? К ним привыкли.

На эту тему - о краткости людской памяти, о судьбе исполненных начинаний - так и тянет пофилософствовать. Особенно если хоть немного знаешь историю создания Единой Водной.

И особенно если сидишь на мели, а до конца путешествия осталось три дня... О соединении Дона и Волги мечтал еще Петр. В Россию был приглашен британский инженер Бертран Перри; трассу будущего канала проложили через реки Шать и Оку. Итогом нескольких лет труда явились Епифанские шлюзы, которые летом начисто пересыхали. В надежде улучшить водоснабжение строители пробили дно Иван-озера; этот решительный шаг окончательно обезводил гидрокомплекс, даже верховья Дона обмелели. Времена были суровые и простые: Бертрана Перри, как главного виновника, согласно патриархальным обычаям эпохи лишили не только прогрессивки, но и головы. А судоходный канал так и остался мечтой.

Все это - факт, вошедший в энциклопедии; вовсе не выдумка Андрея Платонова.

Прошло две с половиной сотни лет. Попытки связать Дон и Волгу - через Иловлю и Камышинку, через Иван-озеро и Оку - возобновлялись, но снова безрезультатно. Казнить иностранных инженеров постепенно отвыкли; когда француз Леон Дрю предложил соединить реки в месте их наибольшего сближения, проект признали, во-первых, грандиозным; во-вторых, неисполнимым; но француза не тронули. Было уже начало XX века.

А между Калачом-на-Дону и Царицыном на Волге грузы так и волокли посуху; и живучие традиции петровских строек были увековечены статьей Добролюбова,

написанной в 1858 году, во время замены местной "конно-железной" тяги на паровую. Статья называлась "Опыт отучения людей от пищи".

Есть в русской литературе редкая способность: говоря о сиюминутном, сегодняшнем, она умеет заглянуть в будущее. Хотя, конечно, масштаб будущих "отучений" и опытов над людьми Добролюбов не мог себе представить. Ну, чьим трудом в конце концов был прорыт канал, чьими костями выложено его русло - это все вещи известные. В 1952 году здесь прошло первое судно. Я вовсе не хочу сказать, будто, идя на яхте по трассе бывшего волока, только и вспоминаешь его долгую жутковатую историю. О создателях канала думаешь скорее с невольной благодарностью, живо представляя, каково было бы втроем тащить на себе восьмитонную яхту.

Просто иногда начинает казаться, что по-старому - волоком - было быстрее... И особенно это чувство усиливается, когда садишься на мель.

II

Вообще-то идти по каналу легко. Здесь не бывает, штормов, негде заблудиться, нет встречного течения, как в реке. Идти по каналу приятно. Уютные водохранилища, которые даже странно называть этим неуклюжим словом, поросли камышом и водяными лилиями. На участках "искусственного ложа", за его кромкой, облицованной камнем, открывается панорама лежащей далеко внизу долины. "Подводные прорези" - углубленные речушки - выются среди лугов. Дизель-электроход "Касимов" плывет по колосающейся ниве. У него глуповатый и смущенный вид, словно сам "Касимов" остро переживает свое сходство со сноповязалкой. Сонные рыбаки ловят в канале сонных карасей. Навстречу движется баржа, на палубе сохнет белье, и простыни, просвеченные солнцем, похожи на небольшие теплые айсберги... Только одно нарушает идиллию продвижения по каналу: очередной шлюз. Шлюзы - основная помеха волго-донской навигации.

Если, конечно, не принимать во внимание такую случайность, как мель...

"Красиво!" - думаете вы, когда впереди, над плоской степью, воздвигается и царит нечто вроде египетского храма, бастиона Сен-Жерве или городского элеватора. Издали шлюз воспринимаешь в отрыве от его гидротехнической сущности.

Вблизи шлюз напоминает крепость. Иногда ее мож но взять штурмом. Вы подходите к мощным воротам шлюза № 13; они открыты. Не обольщайтесь: поджидают вовсе не вас, не одесскую яхту без всяких прав на шлюзование. В камеру медленно вползает "Касимов". При виде "Юрия Гагарина" он неприязненно гудит. Теперь главное - нахальство. Вы должны проскочить под самым носом у судна. На ваших лицах должна быть уверенность и легкое возмущение. Вы уверены, что ворота открыли перед "Гагариным", и возмущены тем, что двадцатипятилетичетонный "Касимов" лезет туда же. Шлюзовщики что-то кричат. Гудок "Касимова" срывается на визг. Не обращайтесь внимания: вы уже внутри. Чтобы выгнать яхту, пришлось бы задним ходом выводить дизель-электроход. На это, учитывая мировой энергетический кризис, никто не пойдет. Но чаще ворота шлюза закрыты, брать его приходится измором. Просить, чтобы яхту прошлюзовали, нет смысла: диспетчеру шлюза № 12 только что звонил коллега со шлюза № 13. Тут уже знают: пришли одесские нахалы.

Остается одно: ждать. Вы останавливаетесь и на виду у шлюзовщиков купаетесь, собираете ягоды, поете долгие степные песни. Тут весь расчет на психологию: находясь на работе, наблюдать чужой отдых утомительно. У воды прохладно, а бетонные стены пышат жаром. У людей пикник, а до конца смены еще шесть часов. Примерно так, глядя на яхту, рассуждает любой нормальный человек. И рано или поздно ворота открываются.

- Какого черта?! - орет мегафон. - Или туда, или сюда!..

Попадают, конечно, люди-кремни, способные часами следить за тем, как хорошо другим. Но тогда, рано или поздно, раздраженно гудя, из-за поворота вываливается дизель-электроход "Касимов". И осуществляется вариант штурма.

Ш

Но вот мы внутри, в шлюзовой камере.

- Малый ход! - излишне спокойно командует Данилыч.

- Есть малый!

- Меньше! Самый малый... Самый!!! - Мотор глохнет вовсе. Рядом быстро проплывает влажная стена. Накинуть швартовый конец на кнехт с первого раза никогда не удастся - вероятно, потому, что каждый член команды приготовил свой собственный, заветный швартовый. Данилыч предпочитает пеньковый канат толщиной в бедро, Сергей - нейлоновый репшнур. Мне запал в душу стальной тросик. - Кидай! - кричит шкипер, и Сергей начинает судорожно распутывать узел, в который свились нейлон и сталь. Не выпуская из рук штурвала, Данилыч шарит ногой по палубе, пытаясь нащупать пеньковый конец. Но на нем стою я.

Яхта теряет ход и перестает управляться. Трахх-шшшррр! - левая скула "Гагарина" ударяется о бетон и с тошнотворным звуком полирует его неровности. "Отпихнись!" - У капитана такой голос, будто камень сдирает с фальшборта его собственную кожу. Яхта отходит от стенки и беспомощно зависает на месте. Нужно опять заводить мотор, но он не заводится. Я жму на пусковую кнопку, как обезумевший воротила Пентагона.

"Ты зажигание включил?" - спрашивает Сергей. Мне он что-то последнее время не нравится. Тем более что он, черт возьми, прав: зажигания я не включил. Траххшшррр... - "Касимов" подработал винтом, и нас опять прижало к стенке. Мы перегибаемся за борт, пытаясь уцепиться хоть за какую-то трещинку в бетоне. Работать приходится в позе человека, внезапно застигнутого радикулитом. Кроме всего прочего, движения сковывает спасательный жилет.

В приличный ресторан не пускают без пиджака, а в шлюз - без жилета. Это нечто вроде смиренной рубашки, в которую вшиты кирпичи из пенопласта. Два кирпича вмонтированы в воротник и подпирают уши. Люди обычно тонут из-за судорожных движений, которые они совершают в воде; спасжилет в этом смысле гарантирует полную безопасность. Двигаться, тем более судорожно, в нем невозможно.

Яхта медленно ползет вдоль стенки. За спиной раздается смех: экипаж "Касимова" подает соленые морские советы.

"Продай жилетку! Ниже нагнись, ниже... ай, хоро-шо!.." - Поскольку голову в жилете не повернуть, мы сообщаем свои ответы бетону. Из-за эффекта отражения звука это все равно, что выругать себя самого. Наконец Данилыч накидывает петлю на кнехт. В камеру врываются потоки воды, яхта поднимается рывками, тычется в стену, норовя свернуть бушприт, а сверху раздается голос какой-то предприимчивой бабки. Она предлагает ведро абрикосов.

- Вот оно! - говорит Данилыч.

- Спасибо, мать. Ничего нам уже не надо, - говорю я.

- А почему кило? - спрашивает Сергей. Потом ворота открываются. Впереди поджидают новые шлюзы.

IV

Эта мель была некоторым излишеством, точкой, для верности поставленной даже не над "и", а над "ы". Продольный профиль Волго-Донского канала похож на двойную лестницу-стремянку; каждая ее ступень - шлюз. К вечеру первого августа яхта еще не поднялась к водоразделу. Мы преодолели три ступени; оставалось десять. Вывод напрашивался сам собой: какая там Астрахань! О "гонке со временем" старались и не вспоминать.

В команде ожили суеверия.

- Ну что, отдохнем? - равнодушно спросил Данилыч, когда впереди показался паром через канал, и два залива по бокам парома, и дед-паромщик для консультации.
- Вечер добрый! Ставайте, тут глубоко - потонуть фатит! - Дед был рад случаю поговорить.

Он радушно показывал на тот залив, что побольше.

- Сколько метров? У нас осадка большая.

- Большая! Третьего дня тут дура поболее вашей стояла. Люди тоже городские...

- Какая дура - яхта? Катамаран?! Попандопуло... то есть "Мечта"... стаксель, стаксель какой - рыжий?!

- Ну, - неуверенно моргнул дед. - Приятелей ищите?

Мы его уже не слушали. Значит, он все-таки существует, этот невидимый, неуловимый враг. И по-прежнему впереди, возможно, уже на Волге... Теперь жди неприятностей. Знать бы только, каких!

- Вы как хотите, - решительно сказал Данилыч, - а я в этом заливчике не стану. Вот оно.

Сергей согласно кивнул. Решение было мудрое - береженого бог бережет. Дед что-то кричал, но мы завели мотор, обогнули паром и зашли в тот залив, что поменьше. Вернее, хотели войти; ибо на полном ходу "Гагарин" на что-то мягко наткнулся, юзом пополз к берегу и стал. Бушприт, выдавший два моря, уперся в куст ежевики. На том же кусте расположилась какая-то небольшая, чисто сухопутная птичка. Она не улетела: глумливо перекинула слева направо головку и скосила на яхту безбоязненный черный глаз. Кышшш!!!

Глава 6. Вниз по лестнице, ведущей вниз.

Так бывает в горах, когда идешь через перевал. Кажется - вот он, перевал, за каменной осыпью. Поднимаешься на осыпь, но дальше новый взлет, язык снежника. Перевал за ним. Взбираешься на снежник; но склон опять обманывает, опять уводит вверх. И постепенно теряешь надежду на то, что он вообще когда-нибудь кончится. А потом в лицо ударяет ветер. Склон - позади. Сначала не верится. Какой-то новый подвох. Но нет - вот каменный тур, вот скала с профилем бульдога, все согласно описанию: это перевал. Впереди спуск; оттуда, как из подворотни, тянет сырой воздух. Внизу - долина; та самая, куда ты так долго шел.

Вот он, шлюз № 9. Первый из ведущих к Волге, вниз.

Ночь прошла сумбурно. На мели провозились несколько часов; снявшись, спать уже не ложились. В темноте по каналу не разгонишься. "Гагарин" ощупью, осторожно шел по слабо светящейся водной ленте. Странно было слышать, стоя на руле, непривычно редкое, вкрадчивое постукивание мотора. Зябко было стоять на носу, высматривая повороты. По очереди дремали на овчине, раскинутой на досках палубы. В предрассветной сырости шерсть остро пованивала. Дважды нас догоняли суда, и тогда в свете прожектора от мачт ложились контрастные тени, в кустах на берегу сонно покрикивала, встречая ложный восход, мелкая птичья сошка. Десятый шлюз прошли еще затемно.

А потом, в широком водохранилище, мотор заревел. Солнце ползло вверх, исчезал туман. Яхта неслась вперед. Мы не задумывались о том, куда спешим, не вспоминали, что за оставшиеся три дня до Астрахани все равно не успеть. Потерянное время властно требовало: наверстай меня!

Ворота открыты, "Гагарин" на полном ходу врывается в камеру. Швартуемся лихо: то ли приобрели опыт, то ли везение; скорее второе. Но мы делаем вид, что лихая швартовка - дело привычное. Рядом теплоход "Сурск". На палубе толпятся матросы, две девушки в белых халатах усталились на яхту.

- Привет из Одессы! - Сергей грациозно машет багром.

- Смотрите, вот оно! - Данилыч указывает вперед.

Вода почти вровень с краями шлюза, впереди далеко виден канал. Триумфальная арка шлюза № 8 - всего в нескольких километрах. Многозначительно переглядываемся. На этом участке "Сурску" нас не обогнать, разогнаться не успеет. Данилыч ухмыляется. Я легко читаю мысли шкипера: этот неуклюжий, широкозадый бедняга "Сурск" еще не знает, что его ждет...

Вода с грохотом покидает шлюз. Мокрые стены все выше. Опускаться непривычно, но размышлять об этом нет времени. Ворота полностью не открылись, а "Гагарин" уже ринулся вперед, в узкий проход. Данилыч врубает "самый полный". Мотор возмущенно ревет, корпус яхты вибрирует, на корме дрожит и дребезжит "Яшка", "Сурск" пыхтит далеко сзади, и нам становится еще веселей.

- А не выпить ли компоту? - Сергей по своей инициативе ныряет в каюту, достает кружки, ведро с прохладным абрикосовым напитком, сам разливает, подает... чудеса, да и только.

- Удивительно вкусно!

- Почему "удивительно"?

- Я ж его сам варил! - объясняет Сергей.

Мы пьем компот, прозрачный, с приятной кислинкой. Отличная погода сегодня! Ветер зашел на северо-восток, впервые за последнюю неделю появились облака. Их тени плывут по воде, мы идем по чередующимся тeneвым пятнам. К поверхности тянутся и слегка колышутся длинные плети водорослей.

"Сурск" пыхтит за кормой все ближе, но ему нас не догнать. Шлюз № 8. Останавливаемся, ждем. Ворота перед теплоходом открываются, мы вежливо пропускаем его вперед и заходим следом.

Приятные все-таки ребята шлюзовщики, выдержанные, с железными нервами. Ведь могли бы и выгнать. Яхта в шлюзе - тело инородное. Швартуемся к "Сурску", Сергей выскакивает на его палубу и бежит за хлебом.

- Куда лезешь? - кричит вахтенный. - Освободите кнехт, с меня премию снимут!

При этой мысли лицо матроса грустнеет. Неожиданно я замечаю у шлюза ларек с пивом и, понимая, что туда уже не успеть, тоже грустнею. Данилыч грустнеет, заметив на борту "Гагарина" новую борозду. Возвращается Сергей. Грохочет вода, открывается щель передних ворот. Я показываю судовому врачу отходящий ларек. - Пиво?! - тихо говорит Сергей. И только тут мы понимаем, что такое настоящая грусть...

На этом участке нам придется туго. Шлюз далековато, километрах в семи. Какое-то время держимся впереди, но "Сурск" пыхтит все ближе. Я вспоминаю неприятный анекдот про червяка, которого переехал паровой каток. Забыв о пивной грусти, все дружно смеются.

Канал изменился. Здесь он похож на цепь небольших озер. Берега зеленые, появились деревья, машины, дачи.

- Смотри, кацапы жить научились! - Данилыч приятно удивлен.

Дачи двухэтажные, из белого кирпича, это скорее особняки, а не дачи.

- А давайте, господа, тут заночуем!

- Зачем?

- Отдохнем. Напросимся к хозяйке какой-нибудь на ночь... А?!

- У хозяйки такого особняка без вас найдутся...

- Не скажи. Тут должно быть много вдов, - со знанием дела говорит шкипер. -

Пока двухэтажный дом отгрохаешь, не один инфаркт хватит. Мы опять смеемся. Сегодня все кажется смешным: такой день. Ясно, что ночевать мы здесь не будем. Надо идти, пока идет, не упускать полосы везения. Сейчас, кажется, как раз такая полоса. "Сурск" вырывается вперед, но ненадолго. Навстречу движется крупный лесовоз, "Сурск" поневоле замедляет ход, и в шлюзе № 7 мы снова вместе. - Знаешь, как назовем эту главу? - говорит Сергей. - "Их было много на каждом километре"!

- Кого "их"?

- Шлюзов.

Он прав. Шлюзы идут косяком, как сельди. Мотор ревет на "самом полном". Если мы и дальше не отстанем от "Сурска"...

- Вечером на Волге будем! - оканчивает мою мысль Данилыч и подмигивает. Вид у него немного хмельной. Я и сам чувствую, что хмелею от удачи, от скорости, с которой мы проходим этот путь вниз.

- Сынки мои дорогие! - растроганно говорит капитан и обнимает меня за плечи. - Пойдите так... снимаю! Теперь я, - Сергей щелкает "Зорким" и тоже лезет в широкие объятия шкипера. Шлюз № 7 еще не исчез из виду, а мы уже у шлюза № 6. Людей на берегах все больше. Сегодня суббота, многие семьи выехали на пикник. Вот целая компания. Дети плещутся в воде. Нахальный пацан плывет к яхте. Его веселая рожица у самого борта.

- Уберите ребенка! - Данилыч отворачивает в сторону.

Несколько матрон сидят на камнях и равнодушно наблюдают, как отпрыски лезут под винт. Сильные половины окопались в стороне, от жен их заслоняет кустик. За этим чахлым бруствером мужчины нелегально выпивают. Увидев яхту, толстый дядька в трусах теряет бдительность, встает во весь рост, призывно размахивая бутылкой, и тут одна из матрон оживает, еще как! Дядька оправдывается, разводит руками - бес попутал! Вид у него и смущенный, и веселый - хлебнуть он успел.

- Привет из Одессы! Дай бог не последняя!

А вот другая компания, моложе. Горит костер, ветер доносит ароматы шашлыка. Парень и девушка самозабвенно целуются в воде, от друзей они прикрыты вербой, а со стороны канала все видно великолепно. Парочка не из пугливых, "Гагарин" проходит совсем близко, но они только поворачивают головы, затуманенным взором провожают яхту и вновь берутся за свое.

"Молодцы!" - одобряет Данилыч. Сергей вздыхает.

Девушка в воде красивая, девушки у костра тоже красивые, все до единой... Шлюз № 5.

Кажется, мы загоним "Сурск" насмерть. Мы висим у него на хвосте, как лайка на медведе. Мы распоясываемся, мы наглеем. Мы уже не ждем, пока теплоход зайдет в шлюз. К черту! Мы первые заходим в камеру, первые ее покидаем. Мы режем нос и корму "Сурска" как хотим. Маневры на грани аварии, но сегодня все удастся, аварии не будет. "Сурск" этого не знает, "Сурск" нервничает.

- Куда прешь, ну куда ты прешь?!

- Привет из Одессы! - Мы хохочем. Необычайно смешно. "Сурску" не уйти, никуда это толстобрюхое корыто не денется.

- Ему остается только открыть кингстоны... - И тут, как бы послушавшись Сергея, теплоход останавливается и начинает разворачиваться поперек фарватера.

- Готов. Сейчас затонет, чтобы ценой гибели преградить нам путь.

- Притворяется. Уводит от гнезда, где жалобно пищат маленькие, еще слепые "сурекчата"...

- Ух они нас ненавидят сейчас! - смеется шкипер. - А мы их любим, вот оно!

Это правда. Мы любим смешной "Сурск", который проделывает нелепые маневры, кружится, словно подранок, потом опять разворачивается и набирает ход. Мы любим его, как охотник любит зверя, за которым идет по следу. Ему от нас не уйти... Шлюз № 4.

Это становится похоже на отсчет времени перед запуском: семь, шесть, пять, четыре... Скорей бы "пуск", скорей бы Волга. Но время и так спешит, вместе с нами он летит вперед, вперед и вниз. Как тянулось время еще вчера, еще сегодня ночью! Теперь его ускоряет наглядная близость цели. Зачем, собственно, нам именно в Астрахань? Волга откроет новые пути - Каспий, северные озера, Балтику, Белое море. Можно, правда, опять спросить - зачем? У альпинистов всегда спрашивают; "Зачем вы лезете в горы?" Зачем вообще путешествовать? В угоду прагматикам люди, прошедшие на лыжах к полюсу или проплывшие по пути древних мореплавателей, вынуждены лепетать об изучении "предельных возможностей" собственных организмов. Бросьте: и без того интересно. "Зачем?" - вопрос о неудавшемся. Зачем в Астрахань? Зачем об этом писать? Я не хочу думать над ответами - во всяком случае, сегодня к черту рассуждения!

Мы катимся вниз.

Мы пьем компот. Глядеть на Сергея с Данилычем - одно удовольствие. Какие веселые, тугие, багрово-черные рожи! За время путешествия исчезла интересная бледность, исчезли дряблые намеки на живот, мы стали крепкими и поджарыми, как одичавшие псы. Я пробую держать угол на вантах. Эту штуку показывал Даня: нужно взяться руками за тросики и поднять туловище; вся трудность в том, что тросик выскальзывает, обжигая ладони. Я на пуд тяжелее Дани, мне еще ни разу не удавалось удержать на вантине свой вес. А сегодня удастся!

- М-минуточку! - Сергей щелкает аппаратом.

...Вот так номер! Загнанный зверь ушел. Расстояние между третьим и четвертым шлюзами километров семь, встречных судов не было, и "Сурск" исчезает впереди. Что ж, с него довольно: пусть зализывает раны. Мы не пропадем, полоса везения продолжается. Минут через пятнадцать яхту догоняет теплоход "Десна", и к шлюзу № 3 мы висим на хвосте у новой жертвы.

Нас уже узнают. Пропуская "Десну", "Гагарин" немного замешкался, и над воротами шлюза, над гладью канала усилитель разносит приятный женский голос:

- Что ж ты, Юрочка? Заходи!

И мы заходим, не сразу сообразив, что Юрочкой ласково назван "Юрий Гагарин". Пожалуй, это фамильярность; но мы все равно гордимся, наглядно представляя, как впереди по каналу идет ударная волна слуха о каком-то Юрочке из Одессы. Кто говорил, будто шлюзовщики не выносят яхт? Радушнейшие люди!

- Люблю с "пассажиром" шлюзоваться! - замечает Сергей. Мы в центре внимания. Палубу "Десны" облепила нарядная, веселая толпа. Данилыч громкогласно обещает взять на борт "Гагарина" всех девушек.

- А меня? - Даму бальзаковского возраста такая постановка вопроса не удовлетворяет. Данилыч от широты душевной обещает взять и ее.

Со вчерашнего дня мы не ели - не до того - и теперь наспех закусьваем прямо в шлюзе. В одной руке у Сергея багор, в другой - бутерброд с паштетом. Он бережет нос "Гагарина", как свой собственный; впрочем, они и похожи. Форма бушприта внушает врачу-навигатору родственное чувство.

- Наконец я своего добился, - удовлетворенно говорит он, когда удается отвести нос яхты метра на полтора от стенки, а корма звонко бьется о бетон. - Командование "Десны" должно вынести нам благодарность, - говорю я. - Мы представляем бесплатный аттракцион для пассажиров.

И не только для пассажиров. На самом шлюзе тоже много народу. Наверное, волгоградцы, волжане. Один из них, смуглый, худощавый парень, разглядывает нас особенно пристально и все улыбается, улыбается...

- Привет, ребята! Меня зовут Вася Черт!

- Очень приятно,- знакомьтесь: это Нечистый Оста. Данилыч Фра-Дьяволо.

- Веселые... Откуда вы, веселые?

- С приветом из Одессы!

- А, из Одессы... - Это сказано пренебрежительно, и я начинаю злиться.

- Ты был в Одессе?

- Был, был. Ничего хорошего: туалетов во дворах нет... - От такой нелепости, от такой явной клеветы мы даже теряем чувство юмора.

- А у вас моря нет!

- У нас Волга. Она кормит. Ладно, пиши... - "Гагарин" опускается вниз, на дно шлюза, а Вася Черт, нетривиальный человек, перегибается через край камеры и сообщает сведения, о которых его никто не просил.

- Пиши: деревня Бады ниже Ступина. Вниз по реке километров двести. Там "грязь" по десятке за литр. Скажешь, Вася Черт прислал.

Сергей на всякий случай записывает. Почему-то еще в Ростове местные жители считали, что из Одессы на Волгу можно идти только за икрой. Называли цену: тридцать рублей литровая банка. На шлюзе № 10 говорили уже рублям о двадцати, двадцати пяти.

И вот теперь десять.

- К Астрахани она станет, как семечки, - двадцать копеек стакан, - говорит Данилыч.

Может быть, на Волге все может быть; но не в этом дело. Открываются ворота, шлюз № 2 рядом, чуть ли не вплотную, и Волга близко, совсем близко. Мы уже в городе, Красноармейском районе Волгограда. Но домов еще не видно, канал проходит по впадине, по долине бывшей реки Сарпы. На берегу парковая зона, пляж, машины. Как-то мы отвыкли от города, одичали. Из-за обилия девушек в купальниках вдруг вспоминаю дурацкое предупреждение дворничихи тети Иры. Месяц назад она откуда-то узнала, что я собираюсь в Астрахань, не поленилась - пришла и долго убеждала: ехать опасно, на Волге много "дурной болезни". Говорю об этом Сергею, он смеется:

- На такой скорости нам ничто не грозит!

Шлюз № 1, последний. Московское время 18.10. Местное 19.10: другой временной пояс. Переводим часы.

19.30: последний отрезок Волго-Донского канала. Длинная очередь судов. Проходим "Псков". Проходим "Молдавию". Проходим "Дрогобыч". Все города и веси смиренно ожидают у входа. Проходим "Ворошиловград". Проходим стандартный "Волгобалт". С него кричат и машут, чуть не падая в воду. Все ясно: порт приписки –

Измаил.

- Соседи! Земляки! Откуда?

- Из Одессы, а вы?

- Мы из Астрахани!

Последние километры. Слева какие-то арки, они от ражают и усиливают гул мотора, справа бульвар, высокие новые дома, а впереди громадная статуя Ленина, и простор, и песчаный остров, и белый блеск воды. Вот она, Волга. Московское время 18 часов 45 минут.

Вот она, Волга. Широка. Лес на дальнем берегу. Огромный город - ему конца не видно - на нашем. И небывалое оживление, десятки катеров, буксиров, барж, лодок на реке. Надо бы остановиться. Рассмотреть детали, подробности пейзажа, запомнить блеск вечернего солнца из-за тучи, новую свежесть ветра, новые краски воды. Но мы не в силах остановиться так сразу, вдруг. Слишком велика инерция, слишком разогнались. Рядом лодочная станция, есть яхты, здесь бы и ночевать, а "Гагарин", помимо нашей воли, несется дальше. Мы пересекаем всю ширь реки, поворачиваем против течения, оно посильней, чем на Дону, кренятся и рождают водовороты волжские буи, ход замедляется, и тут только Данилыч встряхивается, отгоняя наваждение, и спокойно говорит:

- Поздравляю, господа: приехали. А теперь хорошо бы и отдохнуть.

Глава 7. Вы победили.

I

Наутро капитан встал рано, а судовой врач и я не ложились вовсе. "Гагарин" ночевал на базе отдыха судостроителей. База напоминала помещичью усадьбу где-нибудь в Подмосковье. Двухэтажный дом стоял на воде, на широком понтоне, и сразу за ним начинался лес, просторный, без подлеска, похожий на старый парк. Вчера нас встретили радушно и просто, не задавая лишних вопросов, накормили ухой из Курносого - осетровой.

- Приятные люди, - с чувством сказал Сергей. - Молчаливые только. Хоть бы спросили: откуда? куда? Волжане...

- Да, замкнутый народ, - мы чувствовали себя победителями, хотелось хвастать и врать, но появление яхты никого здесь не удивило. Пришли - и хорошо, милости просим. Мы привыкли к другому. В Таганроге и Ростове, на Дону и в канале шхуна из Одессы вызывает почтительное любопытство. Это дань уважения Черному морю. Теперь же, как

провинциальный актер на гастролях, "Гагарин" пересек рубеж своей популярности. Я с досадой вспомнил прибаутку, которая, говорят, до сих пор держится среди гордых аборигенов великой русской реки: "Окиян поперед Волгой - лужа..."

Вечер был душный, появились комары. Данилыч, затянув люк марлей, укрылся в каюте. Нам спать не хотелось. На берегу загорались костры, слышались смех и пение.

- Пошли в гости, - предложил Сергей.

- Куда? Тебя приглашали?

- Неважно. Пошли, брось эти стариковские штуки. Мне казалось неудобным заявиться к чужим людям, к тому же - кто знает, как смотрят на такие визиты молчаливые волгари... Сергей утверждал, что к костру можно запросто подойти в любой части света, а я советовал первым делом, когда он напросится на огонек, передать хозяевам привет от своей бабушки. Потом судовой врач ушел, я намазался "Тайгой", лег на палубу и принялся отдыхать.

Заснуть не удавалось. На плавбазе зажгли огни, свет резал глаза. Над ухом ныл комар. Храпел и стонал в духоте каюты Данилыч. На берегу пели. Звенели кузнечики, задорно и протяжно, как пионерский горн. Я принялся размышлять, почему их звон приходит наплывами, то затихая, то усиливаясь, пришел к выводу, что это иллюстрирует эффект звуковых биений, и задремал, но комары тут же искусали веки, на которых не было "Тайги".

- Вагончик тронется! - пели у ближнего костра.

- На переднем - Стенька Разин! - ревели у дальнего.

Веки чесались. Я встал, увидел красные отблески огня на воде и черные пляшущие тени, и меня охватила тоска по веселью, по людям. Там, на берегу, ничего обо мне не знали и не стремились узнать. Это было обидно. Я чувствовал ревность к чужой, незнакомой жизни; я подумал, что мы чересчур замкнулись в узком мирке яхты. И побрел на огонек.

II

В эту ночь мы с Сергеем обошли все костры. Мы пели с начальником плавбазы, танцевали с поварами, проводили на промысел местных браконьеров, а потом осели в самой молодой, самой веселой компании. Ночь проходила, как всегда проходит ночь у костра, если есть гитара, и все молоды, и завтра будет время выспаться. В три часа кончилось курево; мы совершили набег на яхту, где благонаравно спал Данилыч, а потом, помнится, я с Толей Бережным стоял у Волги, мы набирали в бутылку воды, я спрашивал, можно ли пить ее сырой, а Толя утверждал, что пить не рекомендуют, но запивать годится. Кроме того, я пытался выяснить семейное положение девушки Гали. Рассвет был сырой. Песни смолкли, медленно шуршал ветер. От костра остался пепел, прошитый багровыми нитями. Девушка Галя, и ее подруга Тоня, и еще одна Галя, и гитарист Дима - все уснули. Последним, уронив голову на грудь, забылся мой новый друг Анатолий Бережной. Тогда мы с Сергеем тихонько встали и пошли к яхте. На палубе, по грудь в седом тумане, уже стоял Данилыч и удил волжскую сельдь "бешенку" на очаковский самодур. На нем была уютная вязаная шапочка.

- Отдохнули? - спросил капитан.

- Еще как! Отличные здесь люди! И совсем не замкнутые...

- Волжане! - Сергей отдал швартовы, течение подхватило яхту. Мы смотрели, как гостеприимный берег отходит все дальше, а потом, когда звук тракторного дизеля никого не мог бы разбудить, включили мотор: снова двинулись в путь.

- Чах-чах-чах! - снова не спеша, снова размеренно выговаривал наш усталый, верный дизелек. Яхта медленно шла против течения. Спешить некуда: гонка со временем кончилась. Правда, Астрахани не увидать, но об Астрахани лучше не вспоминать... Несмотря на две бессонные ночи, мы чувствовали себя свежими и бодрыми. Мы были на Волге. Это был долгий, безмятежный день, один из последних дней путешествия. Мы привели в порядок свой дом, свой кораблик. Палуба надраена до воскового, матового сияния, горит медь рынды, умытый "Яшка" похож на именинника, а Данилыч все протирает стекла каюты, смахивает несуществующие пылинки со штурвала.

- М-минуточку! Снимаю, - говорит Сергей. - Этуд со шваброй. Станьте так, чтоб была видна Волга.

Мы привели в порядок и себя. Приятно вымыть голову в мягкой, свежей воде, а главное удовольствие в том, что то и дело вспоминаешь: это волжская вода. Мы на Волге.

- Снимаю! Этуд "Намыленные"! - говорит Сергей, а навстречу по широкой реке идет теплоход "Космонавт Гагарин", пассажиры во все глаза глядят на странную намыленную троицу, и идет наш тезка не куда-нибудь, а в Астрахань. По левому борту разворачивается Волгоград. Прошли парковую зону, пояс новостроек, полосу заводов, и снова заводы, парки, новостройки. Город выстроен широко, с размахом, развернут вдоль реки неглубокой длинной полосой; он растет по тем же законам, что и береговой лес заволжской стороны. Говорят, будто его длина - около ста километров, говорят, будто Волгоград - самый длинный город в стране. Привет тебе, Самый Длинный! Мы готовимся к свиданию. Приятно надеть свежую, хрустящую рубашку, чудом сбереженную для такого случая: восхитительна прохладная глубина парадных брюк. А вот и кульминация мужского туалета - неторопливое, вдумчивое бритье.

III

Я сидел в каюте и намыливал подбородок, как вдруг мотор замолчал. - Что случилось? - Я выскочил наверх. Река сияла. По этой раскаленной ртути навстречу "Гагарину", под рыжим кливером, медленно двигался крейсерский катамаран. На борту виднелась короткая белая надпись - "Мечта".

- Вот оно, - сказал Данилыч, и я услышал, как Сергей втягивает воздух - чшшш? Суда сходились. На палубе "Мечты" выстроилась команда - человек, по крайней мере, десять.

- С прибытием! - кричал высокий, худой, пожилой мужчина. На нем были черный свитер и фуражка с крабом.

- Здравствуй, земляк! - Данилыч пытался разглядеть лицо нашего недруга. Мешало солнце, бившее капитану прямо в глаза.

- Молодцы! Дошли-таки! Я вас уже два дня поджидаю, - продолжал мужчина.

- Вашими молитвами... - не выдержал Сергей, но тут Данилыч вдруг закричал:

- Фролов! Это же Фролов! '

- Я самый. Здравствуйте, Анатолий Данилович! Я за вами с тринадцатого шлюза наблюдаю. Диспетчер...

- Как вы оказались на "Мечте"? - грубо перебил я.

- Ребята знакомые... Когда "Гагарин" шлюз № 13 прошел, нам в управление порта позвонили. Диспетчер звонил, по моей просьбе. Потом регулярно сообщали: Юрочка в седьмом шлюзе, в шестом... по моим расчетам, вы еще вчера на Волгу вышли?

- Ну да. Вот оно... А "Мечта"?

- С "Мечтой" повезло. Хорошо бы, думаю, одесситов прямо на реке встретить, а тут "Мечта" идет, капитан - старый знакомый...

- Так откуда же она?! Разве не из Одессы?

- Мы идем из Тольятти, - капитан катамарана, до сих пор молчавший, вежливо улыбнулся. Он был небольшого роста, не в свитере, а в пиджаке, не в фуражке, а в берете. - Очень рад, что сумел помочь. Был, так сказать, полезен.

- Так вы в канале не были? А на Дону, а в Азовском?..

- Мы идем сверху, из То-ольятти, - от недоумения по-волжски окнув, повторил капитан. Яхты сошлись. Юрий Михайлович Фролов перепрыгнул на палубу "Гагарина". "Мечта" сменила галс и под рыжим кливером пошла вниз по реке. Мы долго смотрели ей вслед.

IV

- ...А в Азовском море был шторм. Девять баллов! - Шкипер немного охрип, он вел свой рассказ уже третий час. Баллы крепили.

"Гагарин" стоял у здания нового речного вокзала. Вокзал отличался размахом, характерным для Волгограда. Играла музыка, шло вечернее гуляние волжан. Широкая лестница спускалась на просторную набережную. К северному крылу вокзала подходили суда. Мы стояли у южного, недостроенного крыла - в центре города и вместе с тем в укромном тихом уголке. Это место указал Фролов. Большое удовольствие - рассказывать о путешествии такому собеседнику. Юрий Михайлович умел слушать: он был терпелив, доброжелателен; он смеялся как раз там, где, по нашим предположениям, было смешно, и сокрушенно качал головой там, где это требовалось. Его большие темные глаза блестели. В них был интерес, было понимание. - Завидую вам, - вздохнул он, когда Данилыч наконец справился с мухами Волгограда, пересек Цимлу и, пройдя все тринадцать шлюзов, вырвался на Волгу. - Какие теперь планы?

- У меня еще месяц свободный, - Данилыч тоже вздохнул. - Хотел в Астрахань дойти, вот оно. Жаль, у ребят отпуск кончается.

- У нас в запасе пять дней, - неожиданно изрек судовой врач. Бросив взгляд в мою сторону, он улыбался ехидно и торжествующе.

- Два, - машинально поправил я. - Не делай из меня дурака.

- М-минуточку! С какого числа мы в отпуску?

- Если ты хочешь делать из кого-то дурака... Ну, с шестого июля...

- С десятого. Отпуск-то я оформлял. Ты прогульщик, Баклаша, злостный прогульщик. Чего уставился? Сюрприз!

Вид у меня был, наверное, глупый; у Данилыча тоже. Сергей радостно толковал о каких-то отгулах за дружину, о сюрпризах, о том, как он едва не проговорился...

- Он таки сделал из нас дураков, - нашелся наконец шкипер.

- Что ж, вполне можно успеть в Астрахань, - невозмутимо сказал Фролов. - Карту Волги я вам принес. В первый день доберетесь до Ахтубинска...

И он открыл атлас.

Перед нами лежала Волга - не среднерусская, лесная и хлебная, как обычно ее представляешь, а - Нижняя, азиатская, древняя Ра Птолемея, тюркская Итиль. Южнее Сарепты начиналась бывшая Астраханская губерния, где еще в начале века административно выделяли области астраханского Казачьего войска, Калмыцкую степь, управление Букеевской киргизской орды. И географические названия навсегда закрепили странное смешение славянского мира с восточным. На карте были отмечены деревни Дубровка, Енотаевка, Сероглазовка - и Цаган-Аман; боковые протоки носили ласковые имена Воложек - Солодниковой, Сенной, Коршевитой. А рядом с Большой Волгой вилась синяя жилка Ахтубы, и совсем уж сказочные, былинные реки Торгун и Еруслан тянулись восточней, летом уходя под землю, распадаясь на цепь котловин; там лежали соляные озера Эльтон и Баскунчак, Рынь-пески, невысокие гряды Большого и Малого Богдо, блестели на солнце соры - Могута, Горькое, Баткала. Названия напоминали о необычайной судьбе этих степей, где жили скифы, аланы, хазары, половцы, где волна за волной прошли угры, гунны, болгары; здесь, на Нижней Волге, образовав Золотую Орду, осело выдохшееся нашествие монголо-татар, а позже, после присоединения к России, пришли калмыки, буддисты-ламаиты, и гонимые никонианами староверы, и мусульмане-киргизы...

Темнело. Мы с трудом оторвались от карты. Перед глазами вспыхивали кривые сабли, ржали кони, в Астрахани сидел Стенька, архимандрит Рувим умело возмущал стрельцов на антихриста Петра Алексеевича; а главное - плыла Волга, "Волго" - "светлое, белое озеро"...

- Завидую вам, - повторил Юрий Михайлович Фролов.

- Кстати, - осторожно вставил я, - вы еще на один вопрос не ответили... помните, из письма? В этом году, кроме "Гагарина", одесские яхты на Волгу не приходили? - Не только в этом году, - Фролов едва заметно улыбнулся, - за всю историю "Юрий Гагарин" - первая одесская яхта на Волге. Я это точно знаю - по своей работе.

- Первые дошли, вот оно! - расцвел Данилыч.

- Вы не просто "дошли". Вы победили, - Юрий Михайлович помолчал. - Ну, пойду: засиделся. Отдыхайте.

- Успеется отдохнуть, - строго сказал капитан. - У нас еще одна встреча сегодня, неотложная.

- Я вас провожу, - сказал Фролов. Он сразу понял, что имеет в виду шкипер. Вскоре, закрыв яхту, мы вместе шагали через ночной город.

* * *

Мамаев курган. Барельеф - скорбная очередь скульптур у подножия. Детали неразличимы, уже совсем поздно. Город давно спит. Мы пришли сюда в неурочное время, но не мы одни. По лестнице поднимается человек. Лестница не освещена, однако по его походке, медленной и тяжелой, чувствуется: он немолод.

- Подождем, - тихо говорит Данилыч, и я понимаю: тот, кто пришел сюда ночью, наверняка хочет побыть один. Мы останавливаемся, ждем, пока тяжелые шаги не затихают. Потом идем вверх.

Аллея пирамидальных тополей. В их сумеречной рамке все выше вырастает Статуя. На темном кургане она одна освещена. Алое пятно на острие меча. Это не кровь - предупредительный знак.

Еще один пролет лестницы. Фигура автоматчика, рвущаяся из скалы. Ущелье полунамеченных, слитых с камнем барельефов. Удлиненная площадь с водоемом посередине. Площадь упирается в глухую, увитую плющом стену; справа от водоема длинный ряд скульптур.

Мы почти ничего не видим, в темноте неожиданно и неясно проступает то могучая фигура воина, то бесконечно печальное лицо Матери. Хорошо, что мы пришли сюда ночью. Мне приходилось слышать разные мнения о художественной ценности мемориала; возможно, днем все это выглядит помпезно. Что ж - если так, значит, по ночам курган умеет вдохнуть истину даже в навязанное ему. Ночью он живет по своим законам.

В темной стене освещен вход как бы в пещеру, в туннель. Широкий и низкий проход поднимается и плавно заворачивает, свет прожектора сюда уже не проникает, но впереди другой, колеблющийся и неяркий свет. Мы входим в огромный круглый зал. Он пуст. Только в центре из-под каменных плит поднимается кисть руки с факелом. Мы долго стоим здесь. Не знаю, о чем думают мои попутчики, мои друзья. О многом, наверное. О погибших. О Победе. Я думаю и о нашем путешествии. На долгом пути "Гагарина" почти всюду когда-то побывал враг; но восточней этой точки война не прошла. Не пустили.

Вечный огонь горит и освещает мемориальные доски на стенах. Их тридцать четыре; на каждой свыше двухсот имен. Это имена погибших. Но вы победили, слышите?..

Огонь рвется в отверстие кровли и гудит, шелестит, словно ветер. И еще один звук наполняет огромный пустой зал: торжественный, громкий, завораживающий звон ночных кузнечиков.
